МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
РЕСПУБЛИКИ КРЫМ
«КРЫМСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ»

III Крымские Этнографические Чтения

«Этнография Крыма и сопредельных территорий»

г. Симферополь, 26–27 ноября 2025 г.

Материалы и исследования

Выпуск 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТИПОГРАФИЯ
АНТИКВА
Симферополь
2026

УДК 394(477.75)
ББК 63.529(6Крм)
Э91

Рекомендовано к изданию научно-методическим советом ГБУРК «Крымский этнографический музей» (протокол № 7 от 12 августа 2026 г.)

Составители:
Лаптев Ю. Н. — директор ГБУРК «Крымский этнографический музей»
Науменко Л. А. — заместитель директора ГБУРК «Крымский этнографический музей»

Э91 **Этнография Крыма и сопредельных территорий** : материалы III Крымских этнографических чтений (г. Симферополь, 26–27 ноября 2025 г.) / Крымский этнографический музей. — Симферополь : ООО «Антиква», 2026. — Вып. 3. — 150 с.

ISBN 978-5-6056615-4-2

III Крымские этнографические чтения «Этнография Крыма и сопредельных территорий» состоялись 26-27 ноября 2025 г. в Симферополе. Их целью является изучение и сохранение исторического наследия народов Крыма, популяризация традиционной народной культуры, развитие исследовательской деятельности крымских ученых в области этнографии. А так же укрепление научного сотрудничества в области этнографии Крыма среди ученых Крыма, Российской Федерации, ближнего и дальнего зарубежья; установление прямых контактов между учеными, музейными сотрудниками, исследователями, представителями общественных организаций с целью создания новых проектов в сфере изучения этнографии народов Крыма.

Чтения проходят ежегодно и приурочены ко Дню основания Крымского этнографического музея.

В сборник включены доклады участников III Крымских этнографических чтений.

УДК 394(477.75)
ББК 63.529(6Крм)

Статьи публикуются в авторской редакции.

ISBN 978-5-6056615-4-2

© ГБУРК «Крымский этнографический музей», 2026
© Оформление (оригинал-макет). ООО «Антиква», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Е. М. Баранова
Культурно-образовательные мероприятия как форма патриотического воспитания подрастающего поколения на примере работы Крымского этногафического музея в год защитника отечества 6

З. В. Воропаева
Стилистические особенности старинного подлинника – образца вышивки орловский спис из собрания Крымского этнографического музея ... 15

Л. Н. Гармаш
История формирования этнографической коллекции ГБУ ДНР «Донецкий республиканский краеведческий музей» 21

Л. А. Долгополова
Топонимика меннонитских поселений Юга России 28

Л. И. Дубинина
Письменные источники об армянах Евпатории. Памятники культурного наследия 33

В. А. Ельяшевич
К вопросу об архитектурном типе караимского надгробного памятника под названием «двурогий» 43

И. М. Коваленко
Первые крымские экскурсоводы 59

Я. В. Комар
От Чешме к фонтану: трансформация функций
и символики общественных источников воды 67

М. А. Ломакина
Коллекция медной посуды и предметов быта
из металла, приобретенная Крымским
этнографическим музеем в 2025 году 73

Л. А. Науменко
Тема текстиля в эксозиционно-выставочной работе
Крымского этнографического музея 81

Г. Н. Овчинникова
Документы госархива Республики Крым
о формировании славянского населения
в Крыму в конце XVIII – начале XIX веков 88

В. З. Тирияки, Н. В. Павленкова
Традиционный пасхальный хлеб крымских караимов 95

И. Л. Петручек, Е. Г. Черкова
От экспоната к судьбе: музейные коллекции
и памятники эстонского народа в Крыму 103

А. А. Пригарин
«Старые русские» в «Ново-России»:
история и культура старообрядцев Приазовья
(концепция выставки и репрезентации
в Крымском этнографическом музее») 110

Д. А. Прохоров
Фотографические изображения в коллекциях музеев
Республики Крым как эго-документальный источник:
к постановке проблемы 122

Л. А. Сластникова
Росписи по дереву крымских татар:
материалы 1939 года 131

Н. А. Филиппова
Символика в жизни человека. Музейный аспект 138

Е. М. Баранова

КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ КАК ФОРМА ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ КРЫМСКОГО ЭТНОГАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ В ГОД ЗАЩИТНИКА ОТЕЧЕСТВА

E. M. Baranova

CULTURAL AND EDUCATIONAL EVENTS AS A FORM OF PATRIOTIC EDUCATION OF THE YOUNGER GENERATION: A CASE STUDY OF THE ACTIVITIES OF THE CRIMEAN ETHNOGRAPHIC MUSEUM IN THE YEAR OF THE DEFENDER OF THE FATHERLAND

Аннотация. *В статье приводится обзор тематических культурно-образовательных мероприятий, проводимых Крымским этнографическим музеем в 2025 году, объявленным в России Годом защитника Отечества. Рассказывается о том, как культурно-образовательная деятельность позволяет активизировать внимание подростков на героическом прошлом России через призму их личного эмоционального восприятия.*

Ключевые слова: *Крым, музей, мастер-класс, патриотическое воспитание, подрастающее поколение, волонтеры, Год защитника Отечества, государственные праздники, памятные даты.*

Annotation. *The article provides an overview of thematic cultural and educational events held by the Crimean Ethnographic Museum in 2025, which was declared in Russia the Year of the Defender of the Fatherland. It describes how cultural and educational activities help to focus teenagers' attention on Russia's heroic past through the lens of their personal emotional perception.*

Keywords: *Crimea, museum, master class, patriotic education, the younger generation, volunteers, the Year of the Defender of the Fatherland, public holidays, memorable dates.*

Крымский этнографический музей основанный, в 1992 году, является одним из ведущих культурно-просветительных учреждений Республики Крым, важной составляющей частью работы которого, является поиск разнообразных путей коммуникации с различными группами и слоями населения.

На сегодняшний день основные посетители музея – это школьники и студенты, родители с детьми, которые требуют к себе дифференцированного подхода [1, с. 8].

Несмотря на конкуренцию в сфере товаров и услуг, в том числе и образовательных, многие родители продолжают рассматривать музейную среду как средство развития и воспитания детей и готовы проводить часть семейного досуга в музее [3, с. 4].

Традиционной формой общения с посетителем в музее выступает экскурсия, но ввиду необходимости следовать современным тенденциям, музей разрабатывает новые формы работы с музейной аудиторией.

В настоящее время проводимые музеем культурно-образовательные мероприятия на различную тематику оформлены в полноценную программу под названием «Музейный сундучок», которая включает в себя следующие направления «Знакомьтесь, Крымский этнографический музей», «Традиции чаепития», «Народная игрушка», «Праздники народов Крыма», «Крым – наш общий дом». Целью программы «Музейный сундучок» является ознакомление аудитории музея с традициями, бытом, культурой народов Крыма – воспитание патриотизма через популяризацию традиций, обычаев, устоев крымских этносов, воспитание уважительного отношения к традиционным ценностям всех крымских народов [2, с. 56].

2025 год в России объявлен Годом защитника Отечества, цель которого подчеркнуть важность патриотического воспитания, уважения к воинской службе и памяти о подвигах тех, кто защищал и продолжает защищать нашу страну.

Год защитника Отечества выбран для сохранения исторической памяти 80-летия Победы Великой Отечественной войне 1941–45 годов, в благодарность ветеранам и для признания подвига участников специальной военной операции (СВО) [10].

Крымский этнографический музей в 2025 году в рамках направления «Крым – наш общий» дом провёл ряд тематических культурно-образовательных мероприятий.

Тема «Крым – наш общий дом» включает мероприятия, приуроченные к государственным праздникам и важным историческим

событиям – Дню Победы, Дню Флага и Герба Конституции России и Крыма, ко Дню России, Дню народного единства. В ходе мероприятия ребята знакомятся с историей праздника посредством видеосюжета, презентаций или тематической выставки. В зависимости от темы мероприятия проводятся различные мастер-классы, в ходе которых создаются поздравительные открытки, памятные сувениры из бумаги или текстиля.

Одним из наиболее значимых мероприятий, проводимых музеем в Год защитника Отечества можно считать культурно-образовательное мероприятие «Открытка Победы», посвящённое 80-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, которое было организовано и проведено для воспитанников дошкольных образовательных учреждений и учащихся школ. Мероприятия проходили с 29 апреля по 28 мая. Время проведения в 10, 12, 14 и 16:00 часов, продолжительностью 1 час.

В ходе мероприятия была организована интерактивная презентация «Символы Победы» и мастер-класс по изготовлению праздничной открытки в технике аппликации и оригами (Рис. 1).

Рис. 1. Мероприятие «Открытка Победы», посвященное 80-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов. 29 апреля 2025 г. Архив КЭМ

Основой мероприятия стало посещение выставки работ лауреатов IV Всекрымского конкурса любительского искусства «Ступени мастерства», посвящённого 80-летию Победы. Выставка экспонировалась в Крымском этнографическом музее с 28 апреля по 28 мая 2025 года.

На выставке юные посетители познакомились с 800 авторскими работами, представленным более 200 мастерами из 25 регионов Республики Крым [7].

В числе представленных работ – неповторимые по красоте и исполнению тематические произведения декоративно-прикладного и народного творчества, среди которых – живопись, графика, кружевоплетение, лоскутное шитьё, вышивка, вязания, ткачество, резьба по дереву, дизайнерский костюм, интерьерная и народная кукла, художественная обработка кожи, металла и многое другое. Уникальные экспонаты выставки объединены общей темой Победы в Великой Отечественной войне.

На выставке можно было познакомиться с символами Победы – Вечный огонь, Красная гвоздика, Георгиевская лента, Знамя Победы, орден Отечественной войны, Полевая почта, Города-герои, монумент «Родина-мать зовёт» (Рис. 2).

Неподдельный интерес у участников мероприятия вызвал комплекс, посвящённый деятельности волонтёрских движений Крыма, направленных на оказание помощи участникам специальной военной операции.

Ребята узнали, что в Крыму насчитывается около 200 волонтёрских центров, которые оказывают поддержку участникам специальной военной операции и что в этих центрах работают люди разных возрастов и профессий, которых объединяет общая цель – приблизить победу.

В числе представленных на выставке волонтёрских организаций Крыма, выполняющих гуманитарную миссию – это волонтёрское движение Крыма «СВО-Я-помощь» (Красногвардейский район) и волонтёрские группы «Тепло сердец» (Черноморский район) и «Руки помощи» (Сакский район), узнали, что каждый из волонтёров вносит свой вклад в поддержку участников специальной военной операции [8].

Посетителям были представлены предметы, изготовленные членами волонтёрских групп и движений, в числе которых плетёные маскировочные сети, окопные свечи, госпитальные подушки, подушки и ботинки для раненых, маскировочные костюмы, камуфляж-

Рис.2. Участники мероприятия «Открытка Победы» на выставке работ лауреатов IV Всекрымского конкурса любительского искусства «Ступени мастерства», посвящённого 80-летию Победы. 29 апреля 2025 г. Архив КЭМ

ная спецодежда, плащ-пончо с защитой от тепловизора, шерстяные вязаные изделия – шапки, варежки, перчатки и другие необходимые бытовые вещи, которые дети могли потрогать своими руками.

Дополнили экспозицию авторские произведения мастеров декоративно-прикладного и изобразительного искусства, отражающие тему СВО, в числе которых живописные работы, декоративные настенные панно, вышитые картины, вязаные игрушки.

Мероприятие «Открытка Победы» дало возможность участникам расширить знания о Великой Отечественной войне, развить патриотические чувства, побудить интерес к истории своей страны малой родине, познакомиться с богатым разнообразием авторских произведений крымских художников и мастеров. Мероприятие способствовало развитию творческого потенциала участников мастер-класса по средствам бумажного конструирования [4].

Учитывая интерес со стороны системы образования к этому мероприятию, музей планирует сделать его ежегодным.

В настоящее время в Российской Федерации большое внимание уделяется теме увековечивания памяти о событиях Великой Отечественной войны и Специальной военной операции. И на основании поручения Президента России Владимира Путина, которое было сделано в апреле 2023 года о создании экспозиций и музеев, посвящённых специальной военной операции и её участникам, Крымский этнографический музей будет делать упор на работу с волонтёрскими движениями, оказывающими помощь участникам специальной военной операции и планируют создание экспозиции, посвящённой этой теме на постоянной основе.

Следующим мероприятием патриотической направленности стало проведение занятия ко Дню Государственного Флага России – 22 августа, в ходе которого, ребята познакомились с выставкой «Российский флаг – державы символ славы» и в рамках мастер-класса создали тематическую композицию, посвящённую государственному символу страны [6] (Рис. 3).

С 22 сентября по 3 октября сотрудники музея провели мероприятие, ко Дню Герба и Флага Республики Крым для организованных групп воспитанников дошкольных образовательных учреждений и младших школьников продолжительностью 1 час, в ходе которого посетителям была представлена выставка «Герб. Флаг. Крым», где можно было познакомиться с государственными символами Республики

Рис. 3. Участники мероприятия ко Дню Государственного Флага Российской Федерации. 22 августа 2025 г. Архив КЭМ

Крым, почтовой и сувенирной продукцией, печатными изданиями, информационными материалами, авторскими керамическими тарелками с государственной символикой. Кроме этого участникам была показана тематическая интерактивная презентация и проведён мастер-класс по созданию праздничного сувенира своими руками [5] (Рис. 4).

Ко Дню народного единства в музее было организовано и проведено культурно-образовательное мероприятие «Крым – наш общий дом» для дошкольных образовательных учреждений и учащихся школ. Мероприятие включало в себя:

— презентацию выставочного проекта «Этническая история Крыма в керамических фигурах» художника Анатолия Бородкина из коллекции Крымского этнографического музея;

— знакомство с проектом «Вышитая карта Крыма»;

— участие в интерактивном занятии «Быт и традиции крымских народов», где в игровой форме под музыкальное сопровождение ребята познакомились с культурными традициями крымских народов [9].

Мероприятие проходило с 13 по 24 октября по предварительной записи продолжительностью 1 час. На занятии участники познакомились с этнической историей, материальной и духовной культурой народов Крыма (Рис. 5).

Рис. 4. Участники мероприятия ко Дню Герба и Флага Республики Крым. 24 сентября 2025 г. Архив КЭМ

В заключении хочется сделать вывод, что процесс патриотического воспитания – это системный процесс, который направлен на формирование у подростков духовно-нравственной основы, связанной с любовью к Родине, уважению к ее истории, культурному наследию и традициям [11].

Крымский этнографический музей как учреждение культуры играет ключевую роль в патриотическом воспитании подрастающего поколения, интегрируя его принципы в культурно-образовательную деятельность. Именно эта работа позволяет совмещать образовательный и воспитательный процессы, поскольку в этом виде деятельности патриотическое воспитание подростка происходит в ненавязчивой, интересной, игровой форме. Каждый ребёнок или подросток, включённый в конкретный вид культурно-образовательного занятия, мероприятия, игры через призму переживаний впечатлений состояний, которые он способен испытывать в процессе, удовлетворяет свои психоэмоциональные потребности. Внимание подростка оказывается на той информации, событии, художествен-

Рис. 5. Участники мероприятия «Крым – наш общий дом», приуроченного ко Дню народного единства. 15 октября 2025 г. Архив КЭМ

ном образе предложенным здесь и сейчас, поэтому проведение культурно-образовательных мероприятий позволяет активизировать это внимание на героическом прошлом России путем личного эмоционального восприятия каждого участника события.

Литература

1. Баранова Е.М. Современные тенденции культурно-образовательной деятельности Крымского этнографического музея (2017-2023 гг.) // Этнография Крыма и сопредельных территорий: Материалы I этнографических чтений (г. Симферополь, 14-15 декабря, 2023 г.) / Крымский этнографический музей. – Симферополь: ООО «Антиква», 2024 г. – С. 8.
2. Ботякова О.А. Детская студия в этнографическом музее: Методическое пособие. – СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2011 г. – С. 4
3. Демидович В.В. Культурно-образовательные программы как один из видов деятельности Крымского этнографического музея // Этнография Крыма XIX – XXI вв. и современные этнокультурные процессы: IV Международная научно-практическая конференция, посвященная 25-летию ГБУ РК «Крымский этнографический музей (г. Симферополь, 28-30 сентября 2017 г.); вып. 4 / Крымский этнографический музей. – Симферополь: ООО «Антиква», 2021 г. – С. 56.
4. Электронный ресурс: Крымский этнографический музей: [сайт]. – URL https://ethnocrimea.ru/ru/publish/45612121.html (дата обращения 10.09.2026)
5. Электронный ресурс: Крымский этнографический музей: [сайт]. – URL https://ethnocrimea.ru/ru/publish/meroprijatija-ko-dnju-gosudarstvennogo-gerba-i-gosudarstvennogo-flaga-respubliki-krym.html (дата обращения 10.09.2026)
6. Электронный ресурс: Крымский этнографический музей: [сайт]. – URL https://ethnocrimea.ru/ru/publish/den-gosudarstvennogo-flaga-rossii-v-krymskom-etnograficheskom-muzee.html (дата обращения 10.09.2026)
7. Электронный ресурс: Лента новостей Крыма: [сайт]. – URL https://crimea-news.com/society/2025/05/14/1670873.html (дата обращения 10.09.2026)
8. Электронный ресурс: Министерство культуры Республики Крым [сайт]. – URL https://mkult.rk.gov.ru/articles/0c72b1fe-fc58-4c81-bafe-2f975813dec1 (дата обращения 10.09.2026)
9. Электронный ресурс: МБДОУ № 50 «Малыш» г. Симферополя [сайт]. – URL https://50.simds.ru/news/62561 (дата обращения 10.09.2026)
10. Электронный ресурс: Президент России [сайт]. – URL http://www.kremlin.ru/acts/news/76120 (дата обращения 10.09.2026)
11. Электронный ресурс: Про ДОД [сайт]. – URL https://prodod.moscow/archives/34659 (дата обращения 10.09.2026)

З.В.Воропаева

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТАРИННОГО ПОДЛИННИКА – ОБРАЗЦА ВЫШИВКИ ОРЛОВСКИЙ СПИС ИЗ СОБРАНИЯ КРЫМСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Z.V.Voropaeva

STYLISTIC FEATURES OF OLD ORIGINAL – AN EXAMPLE OF THE ORLOVSKY SPIS EMBROIDERIY FROM TYECOLLECTION OF TYE CRIMEAN ETHNOGRAPHIC MUSEUM

Аннотация. *Статья рассказывает об исследовании одного из экспонатов Крымского этнографического музея на предмет атрибуции его в качестве вышивки орловский спис.*

Ключевые слова. *Орловский спис, вышивка, Крымский этнографический музей*

Abstract. *The article describes a study of one of the exhibits in the Crimean Ethnographic Museum, which was identified as an Orlovsky spis embroidery.*

Keywords. *Orlovsky spis, embroidery, Crimean Ethnographic Museum*

Вышивка орловский спис – обрядовая, представляет собой крупный центральный образ, рисунок которого выполнен на льняном или конопляном холсте плавным контуром, что придает силуэту не всегда понятные очертания. Внутри контура (швы – двойной стебельчатый, «вперед иголку» или тамбурный) счетной гладью вышиты узорные заполнения, именуемые «бранками» (от слова «брать», «выбирать»), они имитируют браное ткачество. Центральный образ, как правило, дополнен множеством символических знаков и орнаментальной каймой-оберегом, замкнутой или размещенной только сверху и снизу. Рисунок выполнялся хлопчатобумажными нитями, изредка с дополнениями шерстяных или шелковых. Крас-

ный цвет – основной для архаичного орловского списа, нитки домашнего крашения от времени приобретали множество оттенков, от темно-красного, почти бордо, насыщенного, яркого, до самого светлого. Различная плотность настила бранок придает вышивке слегка мерцающий эффект. Небольшие темно-голубые вкрапления дополняют декоративность. «Красный – цвет жизни, голубой – цвет неба и воды», – поясняют старожилы орловских деревень. В более поздних изделиях присутствует черный, желтый, зеленый цвет [2]. Самый старый образец орловского списа в Краеведческом музее города Орла датируется 1796 годом.

Уникальность старинного орловского списа в проявлении индивидуальных специфических признаков, среди которых – отсутствие повтора изображения не только на разных полотенцах, но и на двух концах одного изделия. Сюжеты списа можно объединить в группы по вышитому центральному рисунку, причем изображения никогда не копируют в точности друг друга, а лишь имеют угадываемые единые праобразы: «Древо», «Лягушка», «Двуглавый орел» …, отправляющие нас к древнеславянским символам плодородия, благополучия, богатства семьи, почитания предков.

Являясь членом экспертного совета при Департаменте культуры Орловской области, более 30 лет занимаюсь изучением традиционной вышивки орловский спис «доартельного» периода, выявлением подлинников с архаичной символикой, не только по местам бытования, но и на территориях других районов бывшего Советского Союза.

Так, в результате полевых исследований были выявлены образцы в музеях Бирилюсского районного музея Красноярского края, Курского краеведческого музея (поступление из монастыря Обояни), Украинского национального музея декоративно-прикладного мастерства. Зачастую, в силу малой изученности орловского списа и отсутствия публикаций, в музеях изделия были атрибутированы по принадлежности к определенному району, откуда были поступления.

Все это объясняет наш интерес к образцам вышивки из фондов Крымского этнографического музея, которые в настоящее время находятся в экспозиции музея.

Текстильные изделия из Орловской области в экспозиционных витринах Крымского этнографического музея поступили в фонды музея единовременно, от дарительницы, не являющейся мастерицей - исполнительницей вышивки, поэтому все они датируются со слов бывшей владелицы - 20-30 годами XX века.

Два предмета – полотенца со сложными сюжетными сценками, вышитые по образцам в технике простого креста, действительно, характерны для 20-30-х годов прошлого века (Рис. 1, 2).

Два экспоната отличаются от вышеуказанных, это изделия в технике орловский спис (Рис. 3, 4). В витрине они размещены с той подписью, с которой были переданы в музей в 2010 году дарительницей – Леоновой Е.С. – переселенкой из Орловской области. А именно: «Салфетки. Леонова Е. С. 20–30 годы. Свердловский р-н, Орловская обл., д. Горки». Факт передачи описан в местной газете «Комсомольская правда. Украина» от 16 января 2010 года.

При ближайшем рассмотрении изделий мы пришли к выводу, что перед нами в витрине два конца одного полотенца. По всей видимости, средняя часть со временем обветшала и ее, как это часто быва-

Рис. 1, 2. Полотенца из Орловской области в Крымском этнографическом музее, 20-30 гг. XX века

Рис. 3. Фрагменты полотенца, переданного Леоновой Е.С. в Крымский этнографический музей, лицевая сторона

Рис. 4. Фрагменты полотенца, переданного Леоновой Е.С. в Крымский этнографический музей, изнаночная сторона

ет, отрезали, после чего концы с вышивкой обметали, превратив их в салфетки. Один из концов был подшит на изнаночную сторону, поэтому рисунок узорчатых заполнений - бранок выглядел обратной негативной стороной лицевого рисунка и, следовательно, слегка различался на двух изделиях. Боковые края домотканого холста остались не подшитыми, по ним можно судить о ширине полотенца.

Если анализировать изделия по технологическим признакам, то можно определить примерный возраст изделий. Так, цвет, фактура, толщина нитей, использованных в вышивке, представленной в Крымском этнографическом музее, указывают на домашнее неравномерное окрашивание и прядение, что говорит о принадлежности изделий к периоду не позднее конца XIX века. На это указывает и способ выполнения контура, характерный для ранних изделий. Со временем старые приемы шитья – «вперед иголку» и «стебельчатый» были вытеснены более эффектным и ровным тамбурным швом. Вышивка артельного периода (с конца 20-х годов прошлого века) в технике орловского списа потеряла свое обрядовое значение, она многоцветна и выполнялась по готовым образцам - рисункам, разработанным художниками.

В исследуемых музейных образцах присутствуют бранки: «вороний глаз», «решётка», «штоф», «шахматки», «сосна», «двусторонний крест». Граница между бранками разного рисунка отсутствует, что является характерной чертой именно для орловского списа, и отличает его от полтавской вышивки рушниковыми швами.

Вышивка выполнена красным, желтым цветом, выгоревшие и вылинявшие от времени светлые нити, скорее всего были окрашены в голубой цвет (как вариант – зеленый). Голубой и зеленый красители на самых старых подлинниках орловского списа обладает менее прочной окраской, линяют и выстирывается от частого использования.

Подворот отрезанного края подшит вручную светлыми нитками грубого домашнего прядения, что указывает на то, что к моменту подшивания концов полотенца в салфетки, полотно уже было изношено, а это, в свою очередь, значительно увеличивает возраст первоначального изделия.

Кайма-оберег вышита только снизу и сверху рядами ромбов с дробнушкой посередине и двумя полосами из двустороннего креста. Орнамент каймы дополнен подузорниками – традиционными для орловского списа «деревами». Крестьянки называли их «сады» (Рис. 4).

В основном поле вышивки по два деревоподобных овальных объекта с боковыми отростками в виде цветов с лепестками. Ещё четыре крупных отдельных цветка вышиты в верхней части. По обе стороны 16 элементов – состоящих из пяти квадратов (один в центре и четыре по углам), которые типичны для орловского списа и четко прочитываются только на лицевой части и не ясно на изнаночной.

Предположительно центральный образ, можно трактовать как «древо» с отростками. Среди орловских рушников можно выделить несколько с парным изображением «древа», например, подлинники из школьного музея деревни Рыжково или экспонаты из фондов Орловского краеведческого музея [1]. Вместе с тем, изделия из собрания Крымского этнографического музея представляют интерес ещё и потому, что им сложно найти точный аналог-праобраз в какой-либо из зафиксированных ранее групп. Можно говорить только о растительном характере изображаемого.

При сравнительном анализе крымских музейных подлинников с орловскими вышивками в технике списа, датируемыми 20-30 годами (период работы вышивальной артели «10 лет промкооперации») можно увидеть, что они значительно различаются цветом, стилем исполнения, качеством полотна и нитей, наличием сопутствующих символических знаков. Всё вышеперечисленное позволяет отнести исследуемые образцы к вышивке орловский спис, характерной для периода середины-конца XIX века.

Литература

1. Борисова И.И., Рассохина Н.Я. Орловский спис. Каталог традиционной народной вышивки в собраниях орловских музеев. - Орел: Издательский дом «Орлик», 2005 – 40 с.

2. Воропаева З.В. Древние знаки народной вышивки орловский спис // Знаки и знаковые системы народной культуры. Книга 2. Материалы 1 Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – СПб, 2017. – С. 215-231.

Л.Н. Гармаш

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ ГБУ ДНР «ДОНЕЦКИЙ РЕСПУБЛИКАНСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

L.N. Garmash

HISTORY OF THE ETHNOGRAPHIC COLLECTION OF THE DONETSK REPUBLICAN MUSEUM OF LOCAL HISTORY

***Аннотация**. Статья посвящена истории формирования этнографической коллекции музея*

***Abstract.**This article focuses on the history of the museum's ethnographic collection*

***Ключевые слова**. Зона сложных этнокультурных контактов, многонациональное своеобразие края, традиционная культура Донбасса, этнографические экспедиции, Союз немецкой культуры, Донецкая еврейская община.*

***Keywords.** Zone of complex ethnocultural contacts, multinational identity of the region, traditional culture of Donbas, ethnographic expeditions, Union of German Culture, Donetsk Jewish Community.*

Отсчет истории Донецкого республиканского краеведческого музея начинается с 1924 г., тогда он назывался Сталинским окружным музеем краеведения. В документе от 27 ноября 1930 года о перспективах развития Сталинского музея говорилось: «Одной из главных задач Сталинского музея является задача отразить в экспонатах историю промышленной техники и рабочий быт Донбасса, показать этнографию края, которая является очень разнообразной и интересной – в одной Сталинщине живет около 50 национальностей…» [4]. Таким образом, необходимость комплектования собрания музея предметами этнографии была определена еще в первые годы существования музея. Причем, коллекция предметов этнографии должна была не только отражать многонациональное своеобразие края, но и служить предметной базой для проведения мероприятий, направ-

ленных на взаимопонимание и взаимоуважение между представителями разных этносов [8].

Историческая судьба нашего региона складывалась таким образом, что его заселяли в разные периоды представители разных народов. Результатом государственной политики по заселению Приазовья в XVIII – первой половине XIX веках с целью его хозяйственного освоения в наших краях образовалось ряд поселений с компактным проживанием сербов, греков, болгар, немецких и еврейских земледельческих колоний. Во второй половине XIX в. край превращается в передовой промышленный регион страны. Революционные процессы в экономике сопровождались активным миграционным движением населения. Донецкий регион стал зоной сложных этнокультурных контактов и взаимодействий. Согласно переписи 1897 года в Бахмутском, Мариупольском, Старобельском и Славяносербском уездах и г. Славянске преобладающим было русское население (включало великороссов, малороссов и белорусов), и составляло более 87% от всего населения края (1 136 361 человек); греки – 4,2%, немцы – 3%, евреи – 2%, татары – 1,4%. Возникновение и рост промышленных городов создали уникальную ситуацию в крае: город был, в основной массе своей русскоязычным, деревня говорила на малороссийском языке. Компактное проживание различных этносов в сельской местности Донецкого края позволяло долгое время сохранять им национальную идентичность и язык [1].

В 1920-х годах в журнале «Просвещение Донбасса» отмечалось, что в отличие от других регионов, в Донбассе менее всего изучена «древняя старина». Журнал стал инициатором сбора информации о старых традициях, обрядах, легендах, сказаниях, быте и занятиях народов, здесь проживающих. На страницах журнала публиковались программы проведения исследований, задания для преподавателей и учащихся учебных заведений, которые привлекались к краеведческой работе [5]. Собранные предметы быта и орудия труда рекомендовалось использовать как наглядное пособие. Так создавалась основа для формирования предметной источниковой базы этнографии народов Донбасса.

Этнографическая наука в Донбассе в 20–50-х годов характеризовалась, в основном, описанием, накоплением, фиксацией фактов и материалов без дальнейшего анализа.

Следует указать на активную собирательскую деятельность в этот период Мариупольского музея краеведения, где был создан греческий отдел. За период 1925–33-й годы было организовано и

проведено 12 экспедиций. Народный комиссариат просвещения УССР ежегодно выделял целевую субсидию в размере 3 тыс. руб. на изучение этнографии греков [2]. Греческий отдел Мариупольского музея краеведения ежегодно приобретал у населения старинные предметы быта и одежды, а также ковры и покрывала новой выработки.

Исследованием материальной культуры греков занимались также специалисты Сталинского окружного музея (ныне Донецкий республиканский краеведческий музей) и музея села Стыла. Собранные ими материалы и фототека были переданы в фонды Мариупольского музея [7].

Во время оккупации мариупольцам удалось сохранить коллекции, но большая часть инвентарных книг была утрачена. Таким образом, многие предметы коллекции оказались плохо или совсем неатрибутированными.

Известно, что накануне войны в 1938 г. Сталинский окружной музей из краеведческого был преобразован в Музей Революции, который в годы оккупации был сожжен фашистами.

В 1950 г. Сталинский музей вернул себе статус краеведческого, директором которого был назначен В. М. Евсеев, знаковая личность в истории музея и краеведения Донбасса. Именно при нем были заложены научные основы и определены основные направления комплектования фондов. В отчете о работе Сталинского областного краеведческого музея за 1952 г. значилось, что собрание музея насчитывает 5349 единиц хранения, из них 67 – предметы этнографии [5].

В 1954 г. было принято решение о передаче части коллекции Мариупольского музея в фонды Сталинского краеведческого музея, который стал главным музеем края. Большая часть предметов была связана с материальной и духовной культурой греков Приазовья. Это предметы быта (посуда, кухонная утварь, мебель, декоративные ткани), орудия труда и народных промыслов (овцеводства, ткачество, хлебопашество, строительного дела и др.), элементы традиционной одежды, предметы религиозного культа. На сегодняшний день с учетом утраты 90% собрания Мариупольского музея краеведения в результате военных событий 2022 года коллекция ДРКМ является самой большой по истории греков Приазовья, но к сожалению, не до конца изученной. Среди наиболее значимых предметов греческой коллекции следует выделить митру митрополита Игнатия (под таким названием она значится в негатеке РЭМ в

фонде исследователя Репникова Н.И.) [10], удивительная по красоте и мастерству исполнения плащаница конца XVIII в., которая, вероятно, являлась обетным даром, принесенным храму в знак благодарности. На зеленом бархате серебряными волоченными нитями вышито тело умершего Христа. Надпись на плащанице свидетельствует о том, что она была куплена четырьмя братьями Барабашевыми для церкви святой Троицы в 1794 г. К уникальным предметам в греческой коллекции мы относим вышитую икону Лоретской Богоматери, женский греческий традиционный костюм, коллекцию вотивных подвесок, редкую коллекцию греческих вышитых полотенчатых изделий, текстильных изделий, изготовленных в технике узорного ткачества.

Значимым пополнением этнографической коллекции музея в первой половине 1950-х годов становится приобретение образцов вышивок у А. С. Федоровой-Макаренко (1883–1871), вдовы Н. Е. Макаренко (1877–1938), выдающегося советского археолога, историка, искусствоведа, который сыграл значительную роль в исследовании Северного Приазовья. К сожалению, полотенца не были аттрибутированы или снабжены информацией о месте их сбора. Известно, что Н. Е. Макаренко изучал памятники различных эпох на территории многих губерний России, в том числе в Новгородской, Тверской, Ярославской, Владимирской, Архангельской обл. Возможно, происхождение полотенец связано с этими регионами. Полотенца выполнены в технике орловского списа.

1980-е гг. стали новым этапом в изучении материальной и духовной культуры края. Музей расширил географию исследований. В 1983 г. экспедиции с целью сбора старинных предметов быта и этнографии проводятся в Славянском и Краснолиманском районах, где находятся древнейшие слободские села. В последующие годы совершались выезды в Амвросиевский, Великоновоселовский, Волновахский районы. В музей поступили ткацкий станок, прялки, текстильные изделия, комплекс бондаря, улей-дуплянка, жлукто, ножная ступа, станок по изготовлению роговых гребней, собран интересный материал о гончарных центрах Донетчины в с. Ямполь Краснолиманского района, с. Благодатное Амвросиевского района и в с. Прелестное Славянского района. В Новоазовском районе исследованы села, где проживали донские казаки, собран материал по рыболовству.

1980-е – время накопления фактического материала и вещественных источников, которое логично завершилось созданием в 1993 г.

первой этнографической экспозиции в музее – «Традиционная культура Донбасса XVIII – нач. XX в». Созданный в 1991 году отдел этнографии ежегодно планировал экспедиционные выезды.

В 1993 году в ходе экспедиции в с. Новотроицкое Волновахского района была получена первая научная информация о цыганах, приехавших и обосновавшихся в селе в 1950-х годах (самоназвание «украинские сербы» и «хатни цыганы»). В собрание музея поступили предметы так называемой «цыганской коллекции»: кнут («батог»), конское седло, хомут, уздечка, жестяные формы для куличей необыкновенно большого размера и др.

В 1997–1999 гг. сотрудники отдела этнографии совместно с представителями Донецкого областного Союза немецкой культуры исследовали традиционную культуру немецких колоний, которые существовали в крае до 1941 г. Музей обогатился новыми материалами, на основе которых была создана выставка «Осколки памяти: немецкие колонии Приазовских степей», в 2003–2004 годах была создана экспозиция «Немцы Приазовья: история и современность». «Немецкую коллекцию» составили образцы строительного материала (кирпичи простые и декоративные, черепица с клеймами, стяжки, дверные навесы, оконные ставни и др.), инструменты («шробер» для срезания травы на подворье, тяпки для рыхления земли), предметы мебели (деревянный немецкий диван, навесной шкафчик, стол, треножник), предметы быта (противни для выпечки, кочерга, сковороды), кабинетные фотографии, декоративные салфетки, скатерть, постельные принадлежности [9].

В 1999 году совместно с «Донецкой еврейской общиной» была создана выставка «Евреи в истории Донецка», в ходе подготовке к которой была проведена значительная исследовательская и собирательская работа. Этнографическое собрание пополнилось предметами иудейского культа (кипа, таллит, тфиллин, подсвечник менора, самодельные вальцы для изготовления мацы, книги на идише). Несколько лет назад «еврейская коллекция» пополнилась еще несколькими предметами: ритуальной указкой «яд», бокалами для кидуша, салфеткой для халлы, переданные в дар музею раввином Арье Шварцем.

Помимо сельской традиционной культуры объектом изучения сотрудников музея стала городская культура. В 1990-м году этнографические исследования проводились в городе Донецке. Значимым результатом экспедиции стало поступление в музей мебельного гарнитура венской мебели начала XX века. Собрание музея попол-

нилось уникальными предметами женской одежды начала XX в., среди которых великолепной сохранности ротонда черного цвета с изящной вышивкой, по легенде подаренная верной служанке самой Юзихой, так называли жену Артура Юза, потомка основателя Юзовки (будущего Донецка), а также предметы женского белья из батиста тонкой работы с вышивкой «ришелье». Таким образом, удалось воссоздать интерьер горожанина начала XX в. высшего менеджерского состава металлургического завода. В музее выстроились городские интерьеры 1950-х годов, выставка «Рожденная в СССР» о быте советской семьи 1960–1980 гг.

В 2000-х комплексных экспедиций музей не проводил, но научные сотрудники осуществляли целевые выезды для уточнения научной информации, в ходе которых были привезены: ковер греческий из с. Раздольное Старобешевского района, печати для просфор, керамические изделия.

Таким образом, на сегодняшний день более 15% собрания музея составляют предметы этнографии, которые являются важным источником знаний по истории края.

К сожалению, военные события 2014 года, которые стали трагическими в истории нашего музея, привели к разрушению залов этнографической экспозиции. Экспонаты удалось спасти. В 2017 году с возобновлением работы музея была открыта выставка «Национальная палитра Донбасса». Предметы этнографической коллекции частично представлены в новом открывшемся к 100-летию музея зале «Заселение и хозяйственное освоение Донецкого края в XVI – XIX вв.», а также этнографическом зале «Этой ярмарки краски».

Современные события, которые характеризуются повышенной социальной активностью и сопровождаются колоссальными миграциями населения, ставят новые задачи перед этнографами в фиксировании изменений в этнической картине современного Донбасса, в планировании комплектования фондов памятниками материальной и духовной культуры населения края.

Будущий год объявлен годом единства народов России. На повестке дня вопросы сохранения национальных традиций и регионального своеобразия в составе многонародной России. Этнографические проекты выдвигается в приоритетные, что позволит, возможно, активизировать научную и просветительскую работу музеев в этом направлении.

Литература

1. Архивные фонды Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года// URL: https://arch1897.histcensus.asu.ru/.

2. Бацак Н.И. Экспонирование памятников народно-бытовой культуры греков Северного Приазовья в конце 1920-х годов в свете архивных источников.//URL:https://cyberleninka.ru/article/n/eksponirovanie-pamyatnikov-narodno-bytovoy-kultury-grekov-severnogo-priazovya-v-kontse-1920-h-gg-v-svete-arhivnyh-istochnikov/viewer.

3. Гармаш Л.Н. Новотроицкие цыгане (по материалам полевых исследований 1993 года)// Летопись Донбасса, выпуск 3. – Донецк, 1995. – С. 62-66.

4. Денисенко Е.И. Дорога длиною в 80 лет// Донбасс, 2004. – С. 7-14.

5. Койнаш Т.П. Опыт и проблемы комплектования этнографических коллекций//Роль музеев в изучении и возрождении народных традиций и промыслов. – Донецк, 1996. – С. 59-61.

6. Лыганова Л.А. Полидович Е.А. Отдел этнографии ДОКМ// Донбасс, 2004, – С. 41-45.

7. Мариуполь и его окрестности: взгляд из XX1 века, Мариуполь: «Рената», 2008.

8. Пирко В.А. Проблемы народоведения Донетчины на современном этапе//Музейные средства народоведения. – Донецк, 1998. – С. 3-4.

9. Полидович Е.А. Научная концепция раздела «Культура немецкого населения Донбасса»// Летопись Донбасса, выпуск 8. – Донецк, 2000. – С. 82-86.

10. Русский этнографический музей//Негатека, архив Н.И. Репникова, Ф-3283.

Л. А. Долгополова

ТОПОНИМИКА МЕННОНИТСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ЮГА РОССИИ

L. A. Dolgopolova

TOPONYMY OF MENNONITE SETTLEMENTS IN SOUTHERN RUSSIA

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности формирования немецкоязычной топонимики конца XVII – первой половины XX вв. на южных территориях России на примере поселений меннонитов. Установлена взаимосвязь историко-культурного контекста со спецификой образования названий населенных пунктов; выявлено доминирование топонима-переноса на начальном этапе колонизации и при создании дочерних колоний, а также трансонимизации имен собственных в образовании новых названий.*

Ключевые слова*. Топоним, меннониты, топоним-перенос, трансонимизация имени собственного, материнская колония, дочерняя колония.*

Annotation*. The article examines the peculiarities of the formation of German–speaking toponymy in the late 17th and first half of the 20th centuries in the southern territories of Russia using the example of Mennonite settlements. The interrelation of the historical and cultural context with the specifics of the formation of names of settlements has been established; the dominance of toponymic transfer at the initial stage of colonization and during the creation of subsidiary colonies, as well as the transonymization of proper names in the formation of new names, has been revealed.*

Keywords. *Toponym, Mennonites, toponym transfer, proper name transonymization, maternal colony, daughter colony.*

Вопрос «Как создаются слова?» вызывает интерес ученых еще с момента появления научного знания. В сохранившихся фрагментах работ Досократиков уже ставился вопрос о происхождении имен: выдвигались две версии их появления: *physei* (фюсей) – наименования мотивируются сущностью предмета, и *thesei* (тесей) – наименования возникают по соглашению между людьми.

Сегодня вопрос номинации по-прежнему привлекает внимание лингвистов, философов, психологов и др. Сегодня в центре научного интереса оказываются процессы и механизмы образования имен собственных, которыми занимается отдельная лингвистическая наука – *ономастика*, одним из направлений которой является изучение географических понятий – топонимов, их образованием, значением и функционированием. Исследование топонимов базируется на совместной работе широкого круга гуманитарных и естественных наук – географии, истории, культурологии, социологии и др. К проблемам ономастических исследований относятся и вопросы фоновых знаний определенной лингвокультуры, поскольку процесс образования имени собственного строится на основе историко-культурного контекста и особенностей языка.

В современной лингвистике номинация рассматривается также с позиций когнитивистики, т. е. с учетом когнитивных процессов нашего мозга. Поэтому сегодня акт номинации характеризуется как «речемыслительный процесс, направленный либо на выбор существующего в языке готового обозначения для именуемого явления и мысли об этом явлении, либо на создание подходящего названия для него» [3, с. 253].

Таким образом, создание любого имени включает намерение говорящего и средства его вербализации, которыми располагает на данный момент язык. При образовании топонима, именующий сознательно анализирует ситуацию, выделяет особенности и детали, чаще географического характера, которые затем находят отражение в выборе имени.

Топонимы, как правило, образуются от нарицательных имен (апеллятивов) и собственных (онимов), которые во взаимодействии друг с другом дают три вида отношений:

- онимизация апеллятива: *Стерегущее, Армянск, Новый Свет*;
- трансонимизация имени собственного: *Орджоникидзе, Евпатория, Давыдовка*;
- онимизация апеллятива с одновременной трансонимизацией иного имени собственного (смешанный способ): *Карпова Балка, Петербургские Мазанки, Митридатов холм.*

Значительная часть современных топонимов в Крыму появилась в результате переименования согласно Указам Президиума Верховного Совета РСФСР от 21 августа 1945 и 18 мая 1948 года [1, с. 13]. Современная топонимика Крыма лишь частично сохранила следы пребывания на полуострове проживавших в разные периоды раз-

личных этносов, среди которых были немецкоязычные колонисты. Как и для любого народа, для них было важным, чтобы название места жительства стало маркером их лингвокультуры. Уже на первых порах своего переселения немецкоязычные колонисты стремились создать свое немецкое имя или переименовать нас свой лад иноязычное название. Этот процесс происходил неоднородно, о чем свидетельствует проведенное исследование топонимов меннонитских поселений южных регионов России, в том числе и Крыма.

Известно, что первое водворение меннонитов из Пруссии и Данцига на южные территории России произошло в 1789 году на остров Хортица [2, с. 12–14]. Там был образован ряд поселений, получившие официально название *Меннонитская колония Хортица*. Это старейшая немецкоязычная колония на юге России, которая в дальнейшем становится основой для формирования новых поселений в прилегающих территориях. Она известна также как *старая материнская колония*.

Формирование топонимики меннонитской Хортицы осуществлялось преимущественно за счет переноса прусских и данцигских названий, которые не подвергались каким-либо изменениям. Это были уже устоявшиеся, преимущественно созданные на территории Германии в XVII–XIX веках топонимы: *Розенталь*, *Эйнлаге*, *Кронсвейде*, *Нейенбург*, *Нейендорф, Шёнгорст* и др. Такие названия вполне соответствовали особенностям ландшафта округа Хортицы, о чем свидетельствуют их топоосновы *-таль* ‘долина’, *-вейде* ‘пастбище’ и определители *Розе-* ‘роза’, *Кроне-* ‘возвышающийся’, *Шён-* ‘красивый’ *Ней(ен)-* ‘новый’. В дальнейшем при создании дочерних поселений меннониты прибегают к вторичному переносу прежних хортицких названий с добавлением компонента *Neu-* ‘новый’: *Ней-Кронсвейде* или создают путем контаминации новое имя: *Кронсталь = Кронс(вейде) + (Розен)таль*.

В 1803-1805 в результате массового переселения меннонитов в район реки Молочной формируется *Молочанский меннонитский округ*. Создание топонимики округа также базировалась в первую очередь на переносе названий прежних поселений, что было связано с сохранением памяти об исторической родине: *Рюкенау, Фельзенталь, Лихтфельд, Маргенау, Франциталь, Гросвайде* и др.

При образовании в дальнейшем новых поселений колонисты прибегали к трансонимизации имен собственных, среди которых имя русского царя *Александр*таль, *Александр*воль; наиболее почитаемых меннонитов: *Контениусфельд* (в честь главного судьи Конторы по делам переселенцев в Екатеринославле действительным статским советником Контениуса) и др.

Первые поселения меннонитов в Крыму возникли в 60-х годах XIX в. Как правило, это были выходцы колоний Хортицы и Молочной. На момент их появления в Крыму уже проживали немецкоязычные колонисты, прибывшие в 1803 году, и проживавшие, как правило, в населенных пунктах с немецким названием. Это *Цюрихталь, Розенталь, Кроненталь, Гейльбрун, Эльзас, Карлсруе, Люксембург, Богемка* и др.

Меннониты Крыма расселялись рассредоточено по всей территории полуострова за исключением южного побережья, в то время как хортицкие и молочанские поселения располагались компактно. Кроме того, крымские поселения меннонитов, как правило, имели межэтнический и – конфессиональный характер: в них проживали крымские татары, русские, евреи, немцы различных вероисповеданий (лютеране, католики, евангелисты). В последнем случае топонимы, которые составляли незначительную часть, имели *немецкоязычное* происхождение, напр., *Нейзац*, создан в 1806 году немецкоязычными католиками и лютеранами. Такими же немногочисленными были и меннонитские села с русскоязычными названиями *Васильевка*, *Сафроновка*, *Семисотка* и др. Подавляющее большинство составляли *крымскотатарские* топонимы, принятия которых принимало следующий характер:

— одно- или двусложные удобопроизносимые названия: *Барак, Карасан, Кирк, Спат* и др. функционировали среди меннонитов без фонетического или морфологического искажения;

— топоним с осложненной структурой и неудобопроизносимой формой обладал рядом фонографических и морфологических вариантов, напр., *Менглерчик, Минлерчик, Менлерчук, Минларчук* и др. (офиц. Менлерчик) [4];

— топоним получал идентификатор *немецкий* (дейч-), напр.: *Дейч-Кутюке* и др.;

— к топониму добавлялось прилагательное *ней* ‘новый’: *Ней-Теленчи, Ней-Ялантуш* и др.;

— топоним дублировался неофициальным немецкоязычным названием, возникшим как:

— перенос прежнего населенного пункта Хортицы или Молочной: *Александерфельд* (офиц. Кутюке Немецкий);

— трансонимизация имени собственного наиболее почитаемого соотечественника: *Эттингербрунн* (офиц. Сары-Баш) (по имени го-

сударственного служащего Эттингера), *Иоганнесру* / *Иоганнесфельд* (офиц. Токульчак), хутор *Имение И. П. Корниса* (офиц. Алач) – в память о меннонитском общественном деятеле Иоганне Корнисе.

Несмотря на то, что в этот период российские власти не поддерживали стремление немецких колонистов к созданию собственной топонимики, именно топонимы-дублеты имели хождение среди самих колонистов и местного населения.

Как показывает проведенный анализ, в образовании топонимики меннонитских поселений южных регионов России большую роль играют историко-культурные особенности. Это проявляется в сохранении памяти о своих корнях, исторической родине (перенос топонима немецкоязычных земель центральной Европы и материнских меннонитских колоний юга России); в увековечивании в названиях наиболее уважаемых и почитаемых современников (создание топонима путем трансонимизации имени собственного).

Стремление меннонитов Крыма к переименованию иноязычных топонимов и созданию имен-дублетов говорит о нежелании колонистов принятия культуры других народов.

Отметим также, что перенос топонимов характерен, прежде всего, для начальных этапов колонизации; в последующем меннониты прибегают к формированию собственных топонимов с закреплением в них географических и функциональных особенностях ландшафта, а также меморизации известных и почитаемых современников.

Литература

1. Административно-территориальные преобразования в Крыму. 1783–1998 гг. Справочник. – Симферополь: Таврия-Плюс, 1999. – 464 с.
2. Бондарь С.Д. Секта меннонитов в России (в связи с историей немецкой колонизации на юге России). Очерк. – Петроград: Типография В.Д. Смирнова, 1916. – 231 с.
3. Кубрякова Е.С. Теория номинации и словообразование. – М.: URSS, 2016. – 86 с.
4. Chortitza. Mennonitische Geschichte und Ahnenforschung // Электронный ресурс. Режим доступа: https://chortitza.org.

Л. И. Дубинина

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ ОБ АРМЯНАХ ЕВПАТОРИИ. ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

L. I. Dubinina

WRITTEN SOURCES ABOUT THE ARMENIANS OF YEVPATORIA. CULTURAL HERITAGE SITES

Аннотация. *В статье впервые рассматриваются материалы письменных и археологических источников о переселении армян в город Гезлев (Евпатория), начиная с эпохи позднего средневековья. Дается анализ сохранившимся жилым домам армян, а также зданиям, построенным по проекту архитектора армянского происхождения П.Я. Сеферова, которые являются ныне объектами культурного наследия. Также представлены сведения о хачкарах («крест»-«камень») из армянских церквей г. Феодосии, хранящихся в Евпаторийском краеведческом музее.*

Ключевые слова. *Армяне, Евпатория, Гезлев, кяризы (подземные галереи), П. Я. Сеферов, армянская церковь, хачкары.*

Abstract. *The article for the first time collected materials (written and architectural) regarding the issue of the appearance of Armenians in the city of Gezlev (Evpatoria) from the mediaeval period during the migration waves of the Armenian population. The preserved residential buildings of Armenians are considered, as well as buildings built according to the project of the architect of Armenian origin P.Y. Seferov, which are now cultural heritage sites. Information about the khachkars («cross»-«stone») from the Armenian churches of the city is also presented. Feodosia, stored in the Evpatoria Museum of Local Lore.*

Keywords. *Armenians, Evpatoria, Gezlev, kyarizy (underground galleries), P.Y. Seferov, Armenian church, khachkars.*

Евпаторийский краеведческий музей со дня своего основания в 2021 г. собирает, изучает и экспонирует материалы по истории, культуре народов Крыма и Евпатории, способствуя сохранению и популяризации их культур. В 1989 году открылась этнографическая экспозиция. В ней нашли отражение памятники материальной и ду-

ховной культуры караимов, крымских татар, крымчаков, русских, немцев и других народов.

Нами была проведена работа по изучению письменных источников, архитектурных памятников, свидетельствующих о времени появления и проживания армян в Евпатории.

Как известно, самое раннее пребывание армян в Крыму, предположительно, относится к эпохе раннего средневековья, когда в VI в. армянские строители принимали участие в укреплении границ Византийской империи – возводили фортификационные укрепления в Херсоне при императоре Юстиниане I (527–565) [18, с. 11].

На основании данных исследователей армянская община сформировалась в Крыму в результате нескольких миграционных волн [14, с. 10].

Первые сведения об организации армянской общины в Крыму относятся к XI–XIII векам [1, с. 152]. В начале XIV в. центром армянских поселений становится Кафа. В Крыму армяне возводят храмы, монастыри и другие сооружения. В районе Инкермана обнаружен пещерный храм святого Георгия, сооруженный, по данным исследователей, с участием армянских строителей в XV в. [9, с. 139].

Рис.1. Армянская церковь в Евпатории. Фото Н.Павленковой

Л. А. Моисеев – археолог, член Императорской археологической комиссии, исследователь античного города Керкинитида (находился на территории г. Евпатории), обследовавший в 1929 г. остатки древних гидротехнических сооружений средневекового Гезлева (название Евпатории до 1784 г.) и Солхата (Старый Крым), указывал, что их постройкой занимались прибывшие в Крым армянские колонисты: «Они принесли с собой опыт и технические навыки устройства иранской системы водоснабжения» [10]. Л. А. Моисеев впервые сопоставил подземные галереи в Крыму с иранской системой водоснабжения – кяризами, которые встречаются в Иране, Турции, Средней Азии, Восточном Закавказье [10, с. 8; 13, с. 83].

Одна из записей крымских армян сообщает, что в 1602 г. во время движения джелалиев (курдские племена, населявшие северные территории Турции и Ирана), переселенцы из армянских областей пришли в Козлев (название Евпатории до 1784 г.) [3, с. 29].

Письменное свидетельство о существовании в Гезлеве армянской общины принадлежит турецкому путешественнику Эвлии Челеби, который в 1666 г. здесь побывал. Описывая город, он упоминает «один квартал армянских неверных, у них имеется одна красивая церковь» [5, с. 20].

Церковь размещалась в районе ворот Дровяного базара, за крепостной стеной. Ворота эти находились на перекрестке современных улиц Караимской и Караева, т.е. армянский квартал уже во второй половине XVII века располагался в районе нынешней армянской церкви.

Во время русско-турецкой войны 1735–1739 гг. в 1736 г. Гезлев был занят русскими войсками под командованием фельдмаршала графа Бурхарта фон Миниха. Его адъютант генерал-майор Кристофер Манштейн в своем труде «Записки о России» составил краткое описание города, где упоминается христианская церковь в предместье (очевидно, это армянская церковь). Манштейн упоминает о встретивших русские войска сорока армянских торговцах.

Французский консул при дворе крымского хана граф Шарль де Пейсонель в 1755 г. пишет о 400 армянских семьях в Гезлеве, относящихся к епархии в Сурб-Хаче, и сообщает, что «…армяне имели одну церковь в Гезлеве, которая была сожжена…».

Иоганн Тунманн, профессор университета в Галле, в работе «Крымское ханство» (в 1777 г.) отмечал, что армянское население проживало в Гезлеве [3, с. 29].

В августе-сентябре 1778 г. царским правительством из Крыма в Приазовье были переселены христиане, в том числе армяне

(12598 армян), которые образовали в устье Дона Ново-Нахичеванскую колонию. В Азовскую губернию из Козлова (название Евпатории до 1784 г.) их было переселено 1304 человека: 667 мужчин и 637 женщин [8, с. 143].

Но уже после присоединения Крыма к России в 1783 г. на полуострове можно было встретить армян. В Евпатории постоялый двор содержал армянин Киркор-ага, «к которому стремились все без исключения христиане, так как он раньше присоединения Крыма бывал в России и хорошо понимал наш язык», писал В. Х. Кондараки [6, с. 17].

В 1783 г. в рапорте генерал-поручика барона Осипа Андреевича Игельстрома, командующего русскими войсками, осуществлявшего общее руководство Крымом, в Козлове (Евпатории) «показан 81 дом, принадлежавших армянам и грекам. Всего же домов в Козлове было 965».

Как явствует из письма армянина Александра Гачадурова, бывшего турецко-подданного и перешедшего в российское верноподданство, на имя Г. А. Потемкина Таврического от 10 ноября 1788 г., его товары на 6444 рубля, прибывшие в козловскую (евпаторийскую) таможню 14 августа 1787 г., были взяты в казну с обещанием деньги вернуть с процентами, однако возвращены они не были [11, с. 15].

Академик Петр Паллас в 1794 г. застал в Евпатории 38 армянских и греческих домов, армянскую церковь, а также 6 постоялых дворов и 111 лавок, показанных принадлежащими казне, которые остались ей как имущество вымороченное после вышедших из Евпатории в 1778 г. христиан – армян и греков [12, с. 259].

После присоединения Крыма к России происходило увеличение населения Крыма, особенно после провозглашения манифеста от 13 октября 1798 г. «Об установлении на полуострове Таврическом порто-франко на 30 лет и даровании различных выгод жителям сего острова и приезжающим туда иностранцам». Среди переселенцев, получивших льготы, были и армяне, которые стали прибывать из Европы и Турции, Львова и Кишинева, Новой Нахичевани. Согласно правительственному Указу от 28.10.1799 г. армяне на 10 лет освобождались от налогов, рекрутской повинности, им предоставлялась свободная торговля и другие льготы [16, с. 42].

В Евпаторию возвращаются семьи армянских купцов, способствуя проведению торговых операций через евпаторийский порт. Как явствует из рапорта городового магистрата от 25 июня 1795 г.:

«Пожелавшие остаться по городу Евпатории в купеческом и мещанском звании нахичеванские армяне, находят главною причиною, что они будучи издревле здешние уроженцы и зная совершенно производство здешнего торгового промысла, имеют более способов производить оную и через то приобретать капитал…» [8, с.153].

Армянский путешественник, этнограф Минас Бжишкян (1777–1851), посетивший Евпаторию в 1825 г., в своем труде «Путешествие в Польшу и другие страны, населенные армянами» сообщает о существовании в Евпатории армянской общины: «Армянский квартал находится вне крепости… Армян в этом городе 90 домов, они занимаются торговлей. Во многих домах города мы увидели подземные проходы, а в колодцах – убежища» [2, с. 36].

Армянское население Крыма было неоднородно по конфессиональному составу и представлено религиозными общинами армяно-григориан и армяно-католиков. В 1910-е гг. в Евпатории действовали Армяно-григорианская церковь и Армяно-католический молитвенный дом [15, с. 157].

Армяно-григорианская церковь Святого Никогайоса (ул. Интернациональная, 44) была заложена 18 июня 1817 г. на месте первой, которая была сожжена, и долго строилась в связи с финансовыми затруднениями (предположительно строительство было завершено в 1840-е гг.). «Церковь греков и армян находится на восточной окраине города; это высокое крестообразное сооружение с куполом, круглой площадью, где находится их школа», писал Бжишкян [2, с. 36]. Ныне является объектом культурного наследия.

Здание относится к типу крестовокупольных трехнефных базилик. [7, с. 480]. В плане это вытянутый с востока на запад прямоугольник (21 х 12 м) с цетральным куполом, выполненный из тесаных блоков мраморовидного камня, с полукруглой апсидой с восточной стороны, вынесенной за пределы внешнего прямоугольника здания. В тимпан окна на алтарной апсиде вмонтирован маленький хачкар (крест-камень) (0,20 х 0,25 м), рисунок которого стилизованно изображает древо жизни, ветви которого завершаются маленькими крестами [17, с. 113]. В музее хранится редкий карандашный рисунок, выполненный в 1892 г. русским архитектором А. О. Бернардацци во время посещения им Евпатории. На рисунке изображена на втором плане армянская церковь с восточной стороны, где находилась апсида.

Исследователи считают, что в архитектуре церкви в Евпатории нашли отражение как архитектурные традиции средневековой Ар-

Рис.2 Хачкар из Армянской церкви. Фото Н. Павленковой

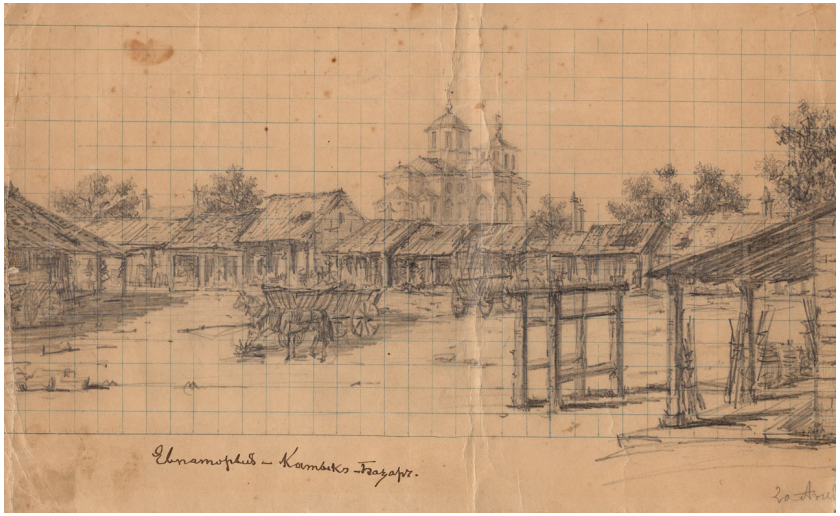

Рис.3 Рисунок А. Бернардацци «Катык-Базар», на втором плане Армянская церковь. 1892 г.

мении и характерные особенности ранних армянских памятников Крыма, так и строительные предпочтения периода ее возведения [16, с. 251]. В 1916 г. Армянскую церковь возглавлял священник Карапет Туманьянц [15, с. 157].

На южной стене армянского храма сохранились надписи (дата 1856 и неразборчивые автографы), процарапанные солдатами армии союзников (французов) в период оккупации Евпатории в Крымскую войну 1853–1856 гг.

В Евпатории при церкви школа работала предположительно в 1820-е годы. В 1905 г. школьное образование армян представляло в Евпатории церковно-приходскую школу с 3 учителями и 15 учениками. В отчете Евпаторийской городской управы за 1909–1911 гг. говорится, что в 1910 г. в школе обучался 21 учащийся.

В фондах музея хранятся несколько хачкаров, переданных из Феодосийского краеведческого музея в 1985 г.:

— фрагмент мраморной плиты с изображением проросшего креста из церкви святого Иоанна Богослова XV века;

— известняковая плита с крестом найдена близ северной стены церкви святых Архангелов XV–XVI веков;

— мраморный хачкар из церкви святого Саркиса XVIII–XIX веков.

В 1864 г. в Евпатории проживало 116 армян-григорианцев, при общем числе жителей 12366 человек. Через 20 лет в 1884 г. в городе было уже 161 человек армяно-григорианского вероисповедания, а в Евпаторийском уезде – 83 человека. По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. в Евпатории проживало 347 чел., в Евпаторийском уезде – 125 чел. [3, с. 38]. В 1913 г. армяне-григориане составляли 467 человек, армяне-католики – 112 человек.

Армянский католический молитвенный дом находился на бывшей улице Раздельной (ныне ул. Тучина) настоятелем которого в начале XX в. был римско-католический патер Антоний Беданов [15, с. 157]. Одноэтажное здание молитвенного дома, построенное в 20-е годы XIX в., ориентированно восток-запад и выходит западным фасадом на улицу (ныне это жилой дом).

На этой же улице находится бывший дом семьи Беданьян (Бедановых), построенный в 1900 г. (ныне ул. Тучина, 21). Как памятник архитектуры — это двухэтажное здание интересно лепными украшениями в виде детских головок, голубков, оливковых ветвей, растительного декора. Сохранились старые оконные ставни.

В 1982 г. при ремонте здания сотрудники Евпаторийского краеведческого музея обнаружили старые документы на имя турецко-подданного католика Калуста Лачинова. Армянская семья проживала здесь на протяжении конца XIX – начала XX вв. и владела пекарней с магазином.

Ряд документов составлен на армянском языке с переводом на русский язык. От отца имущество перешло к сыну Керопу Калустовичу Лачинову, затем к его дочери Мариам Кероповне Беданьян, урожденной Лачиновой, семья которой проживала в этом доме. Среди документов, обнаруженных в доме Беданьян, находились: похвальный лист ученицы Анатолии Беданьян за 1909 год, закладная расписка 1891 года о продаже недвижимости Агопу (Минаевичу) Сеферову – отцу евпаторийского архитектора Павла Яковлевича Сеферова.

Напротив дома Беданьян находился дом семьи Сеферовых, построенный в XX веке (ул. Тучина, 8).

Рис. 4. Дом семьи Беданьян. Фото Н. Павленковой

В историю Евпатории вошел армянин – архитектор Павел Яковлевич (Богос Агопович) Сеферов (1873–1914), по проектам которого построены здания, ставшие украшением города. Он родился в 1873 году в Евпатории, окончил Училище живописи, ваяния и зодчества Московского художественного общества. Здания, построенные по проектам Сеферова, в настоящее время являются объектами культурного наследия и внесены в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. По проектам

Сеферова построены доходные дома С. Э. Дувана, Б. И. Казаса, Е. К. Нахшунова, дача И. Б. Шишмана «Ривьера» и другие.

В октябре на торжественном открытии выставки армянского художника Арменака Анопьяна в дар музею от Крымского армянского общества и КР ОО «Этнографический центр армянской культуры» был передан фотопортрет евпаторийского купца 1-й гильдии Е. К. Нахшунова.

В 1907 г. П.Я. Сеферов на собственные средства совместно с инженером-технологом Д.С. Черкезом построил в Евпатории первую электрическую станцию, что положило начало электрификации города [4, с. 245].

В 1916 г. архитектор П. Я. Сеферов безвозмездно спроектировал для города здание городской публичной библиотеки имени Александра II. Им было также сделано денежное пожертвование на строительство библиотеки и переданы в дар около сотни томов книг.

П. Я. Сеферов совместно с городским архитектором А. Л. Генрихом в 1907 г. разработал проект городского театра (ныне театр имени А. С. Пушкина), который является объектом культурного наследия федерального значения.

Все проекты П. Я. Сеферова отличают художественная выразительность и приверженность популярным в начале XX века стилям – русский неоклассицизм и модерн.

Семья архитектора передала в музей документы из его семейного архива.

В музее в 2023 году были проведены конференция и выставка, посвященные 150-летию со дня рождения П. Я. Сеферова.

Таким образом, на основании письменных данных первые упоминания об армянах в Евпатории приходятся ориентировочно на XVI – начало XVII века. К середине XVII века сформировался армянский квартал за пределами крепостной стены в районе церкви. Новая церковь построена к 1840-м годам и ныне действует. Здания, построенные по проектам архитектора П. Я. Сеферова, армянина по происхождению, являются архитектурным наследием Евпатории начала XX века.

Литература

1. Араджиони М.А. Армяне // От киммерийцев до крымчаков. – Симферополь, 2004. - 206 с.

2. Бжишкян М. Кеозлев или Евпатория // Путешествие в Польшу и другие страны, населенные армянами – Журнал «Сурб-Хач» № 2, 1996. – 48 с.

3. Григорьянц В.Е. Краткий очерк истории армян Крыма. Ч. 1 // Журнал «Крымский архив» № 12. – Симферополь, 2010. – 158 с.
4. Губанов Ю.Б. Материалы семьи Сеферовых в собрании Евпаторийского музея // Вестник музея. Евпатория: страницы истории. Материалы научно-практических конференций. – Симферополь, 2023. – 528 с.
5. Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666-1667). – Симферополь, 1999. – 142 с.
6. Кондораки В.Х. В память столетия Крыма. Т.1. – Москва: тип. В.В. Чичерина, 1883. — 216 с.
7. Кутайсова М.В. Армяно-Григорианская церковь Святого Николая // Журнал «Историческое наследие Крыма», 2008. – № 22–23. – 494 с.
8. Микаелян В. А. История крымских армян. – Ереван, Симферополь, 2004. – 224 с.
9. Могаричев Ю.М., Ергина А.С. Пещерные церкви во имя Св. Георгия в Инкермане // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. Материалы IV Международной научной конференции. Севастополь. 6–10 октября 2020 г. Том 1. – М., 2020. – С.137–142.
10. Моисеев Л.А. Иранские системы водоснабжения в Крыму. Рукопись. 1935 г. – КП 11297/7, Д 50460.
11. Ордер кн. Потемкина правителю Таврической области от 11 декабря 1788 г. // ИТУАК – Симферополь, 1891. – № 13. – 90 с.
12. Памятная книга Таврической губернии К.В. Ханацкого. Вып. I. – Симферополь, 1867. – 367 с.
13. Приднев С.В. Водоснабжение Гезлева // Археология Северо-Западного Крыма. Материалы научно-практической конференции «Античный мир и археология». – Симферополь, 2004. – 124 с.
14. Саргсян Т., Петросян М. Крым. Монастырь Сурб-Хач. – Симферополь, 2017. – 304.
15. Спутник по городу Евпатории. Издание городской управы. Евпатория. 1916 // Евпаторийский краеведческий музей. Вестник музея. – Симферополь, 2009. – Выпуск 6. – 224 с.
16. Халпахчьян О.Х. Архитектура крымских армян. – Симферополь, 2019. – 380 с.
17. Эрлих К. Крым. Армяне. Десять веков созидания. – Киев, 2008. – 208 с.
18. Якобсон А.Л. Крым в средние века. – М.: Наука, 1973. – 174 с.

В. А. Ельяшевич

К ВОПРОСУ ОБ АРХИТЕКТУРНОМ ТИПЕ КАРАИМСКОГО НАДГРОБНОГО ПАМЯТНИКА ПОД НАЗВАНИЕМ «ДВУРОГИЙ»

V. A. Elyashevich

ON THE ARCHITECTURAL TYPE OF THE KARAITE TOMBSTONE CALLED «TWO-HORNED»

Аннотация. *Данная статья посвящена архитектурному типу караимского надгробного памятника, известного под названием «двурогий». Освещена проблема терминологии типов надгробных памятников на караимских некрополях Крыма. Прослежена связь архитектурного типа «двурогий» с мусульманскими надгробными памятниками. Установлен оригинальный архитектурный тип в Крыму, присущий исключительно караимской традиции, производный от мусульманского «двурогого» памятника.*
Ключевые слова*. Караимы, Крым, надгробный памятник, архитектурный тип, «двурогий».*

Abstract. *This article is devoted to the architectural type of the Karaite tombstone, known as the "two-horned" tombstone. It highlights the problem of terminology for types of tombstones in the Karaite necropolises of Crimea. The article explores the connection between the "two-horned" architectural type and Muslim tombstones. It identifies an original architectural type in Crimea that is unique to the Karaite tradition and is derived from the Muslim "two-horned" tombstone.*
Keywords. *Karaites, Crimea, tombstone, architectural type, "two-horned".*

На Крымском полуострове сохранилось пять караимских некрополей: в Чуфут-Кале, Мангуп-Кале, Евпатории, Феодосии и Севастополе. В настоящее время все они являются историческими памятниками, представляющими интерес для специалистов самых разных научных дисциплин. Главным объектом в исследовании некрополя является надгробный памятник, его эпиграфика, орнамент, архитектурный тип и т.д. Поскольку именно архитектурный

тип формирует внешний облик кладбища, к нему в первую очередь обращено внимание как рядового наблюдателя, так и специалиста. В данной статье мы рассмотрим самый узнаваемый архитектурный тип надгробного памятника на караимских некрополях Крыма, известный под названием «двурогий». Проблема «двурогого» попадала в поле зрения исследовательницы караимских некрополей Чуфут-Кале и Мангуп-Кале Натальи Васильевны Кашовской. Ее заслуга состоит в том, что она впервые обозначила данную научную проблему и отметила влияние на архитектурный тип караимского памятника культуры Малой Азии [11, с. 558].

В нашем исследовании мы будем основываться на двух старейших и самых крупных некрополях в Крыму – это некрополи в Чуфут-Кале (около 7 000 надгробий, памятник с самой ранней датировкой 1364 г.) и в Мангуп-Кале (1008 надгробий, памятник с самой ранней датировкой 1444 г.). На остальных караимских кладбищах не сохранилось памятников ранее XVIII в., поэтому с точки зрения изучения традиции они для нас менее интересны, хотя, безусловно, каждое из них является интересным историческим памятником. Типология надгробий на двух вышеупомянутых некрополях была разработана Н. В. Кашовской, по ее данным в Чуфут-Кале насчитывается 47 архитектурных типов памятников и их модификаций, в Мангуп-Кале – 28 [6, с. 105 12, с. 318–324]. Типология караимских надгробий на кладбище в Феодосии была разработана В. А. Ельяшевичем [8, с. 56–69], в Севастополе – Е. Г. Баккалом, О. Белым и В. А. Ельяшевичем [10, с. 13–30]. Караимский некрополь в Евпатории является единственным кладбищем, которое систематически не изучалось. Таким образом, мы располагаем типологиями четырех кладбищ из пяти, что дает нам почти полное представление об архитектурных типах караимских надгробных памятников в Крыму.

Терминология

Прежде, чем приступить к анализу архитектурного типа «двурогий», необходимо остановится на актуальной проблеме терминологии. В караимской традиции не существовало дифференцированного подхода к наименованию типов надгробных памятников, все типы без исключения назывались термином древнееврейского происхождения *мацева* (*мачева* в караимском произношении), что значит «памятник». В этом значении термин встречается в самых ранних книгах Ветхого Завета. Терминология как таковая появилась с легкой руки академика П. С. Палласа, назвавшего во время поездки в Крым в 1793–1794 гг. самый распространенный тип памятника на караимском кладбище Мангуп-Кале «двурогим» (в оригинале – zweyhörnige): *«В некотором расстоянии на той же покатости лощины примечают очень древнее жидовское кладбище со многими двурогими надгробными памятниками, указывающие на пребывание этого народа в городе Манкупе»* [14, с. 64]. Вероятно, от названия «двурогий» впоследствии П. И. Кеппен произвел термин «безрогий» – это еще один традиционный тип памятника на караимских некрополях. У него мы находим такие названия как «двурогая гробница» и «безрогая гробница» [13, с. 29–30]. Позже появилось и название «однорогий» (Рис.1).

Предложенное П. С. Палласом название «двурогий» получило широкое распространение и легло в основу типологии караимских памятников, однако, было далеко не единственным. Отсутствие собственно караимской традиции наименования типов памятников привело к тому, что каждый исследователь вынужден был, самостоятельно подбирать термины, исходя из собственных ассоциаций. Так, российский гебраист Даниил Хвольсон, проводивший исследования на караимском некрополе в Чуфут-Кале в 1878 и 1881 гг. называл «двурогий» памятник «двумысным», а «безрогий» – «кровлеобразным». У Д. А. Хвольсона встречаются такие термины как «ступенькообразный», «гробо-

30 О древностяхъ Южнаго Крыма.

A B C

A. Продольная сторона гробницы, имѣющей въ длину около сажени.
1. Верхъ; — 2. Бокъ; — 3. Исподъ оной или дно, которое бываетъ толщиною отъ одного до трехъ вершковъ.
Б и С. Поперечныя стороны той же гробницы, бывающія шириною отъ 4-хъ вершковъ до цѣлаго аршина, такъ однако же, что толщина камня у ногъ всегда такая же какъ и у головы.

Караимскія двурогія гробницы [44]).

D E

D. Боковая или продольная сторона гробницы.
1. Верхъ; — 2. Бокъ; — 3. Основаніе гробницы.
E. Поперечная сторона, на которой иногда бываетъ изсѣченъ карнизъ (4).

Рис. 1. «Безрогие» и «двурогие» гробницы некрополя Чуфут-Кале из книги П. Кеппена «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических» (1837 г.)

образный», «плоский лежачий камень», «прямо стоящий плоский камень» [16, с. 26–28]. Дюбуа де Монпере Федерик называет «безрогие» памятники «каменными гробами», а выступы «двурогих» – «башенками», И. С. Андриевский «безрогие» памятники называет «надгробия в виде небольших домиков» [1, с. 32; 7, с. 281]. Из всех предложенных терминов самым жизнеспособным оказался термин «двурогий» и производные от него термины «однорогий» и «безрогий», которые используются в научной литературе и в наше время, и не только по отношению к караимским памятникам, а, например, также, как мы покажем ниже, и к крымскотатарским (Рис. 2).

Совершенно иная терминология была предложена А. Ю. Полкановой в публикации 2008 г. Караимским памятникам были присвоены новые, не известные ранее названия, такие как как «эгер-таш» (седло-камень), «эвчик-таш» (домик-камень), «ялпак-таш» (плоский камень), «софра-таш» (стол-камень), «йолджы-таш» (памятник путнику), вероятно, по аналогии с названиями крымскотатарских памятников «баш-таш» и «тикме-таш» [15, с. 204–205].

Рис. 2. «Двурогие» и «однорогие» памятники некрополя Чуфут-Кале на гравюре Карла фон Гюгельгена

Появление тюркских названий в начале XXI в., в то время, когда крымские караимы уже не владели караимским (крымскотатарским) языком, выглядит как анахронизм, желание придать им видимость древности, чего, вероятно, и добивалась А. Ю. Полканова. Сама идея ввести в оборот оригинальные названия для основных типов памятников выглядит интересной, если бы не желание автора привнести в них дополнительные смыслы, которые у караимов отсутствовали. Например, памятник «эгер-таш» А. Ю. Полканова связывает с кочевым образом жизни, намекая на кочевое прошлое караимов. Она пишет: *«Наличие эгер-ташей связывают с древней традицией кочевников класть седло и втыкать пики по краям могилы, таким образом, обозначая ее в степи. Традиция забивать 2 деревяных колышка, обозначающих ось могилы сохранилась у крымских караимов Литвы и Крыма»* [15, с. 206–207]. Мы можем допустить, что возникновение этого типа может быть связано с кочевниками, но сами караимы, как известно, кочевой образ не вели. Поэтому здесь усматривается навязывание караимам чуждых им исторических процессов. Кроме того, А. Ю. Полканова совершенно безосновательно предполагает, что памятники «эгер-таш» и «эвчик-таш» могут быть связаны с двумя родами или племенами, потомками кочевников («эгер-таш») и оседлых («эвчик-таш»). По ее мнению, подтверждением этому могут быть две тамги (представителей двух родов) над Восточными воротами Чуфут-кале. Новая терминология не получила широкого распространения даже внутри караимского сообщества и не используется в научной литературе, однако, от нее были произведены такие новейшие термины как «колыбельки» и «седловидные» памятники (Рис. 3).

Типология

Из всего многообразия архитектурных типов и подтипов караимских надгробий Чуфут-Кале и Мангуп-Кале можно выделить два доминирующих типа, которые является традиционными для караимских некрополей в Крыму: «двурогий» и «однорогий» памятники. «Двурогий» памятник представляет собой саркофаг с двухскатным верхом и двумя выступами («рогами») по краям, соответственно, «безрогий» – это саркофаг без выступов. К этим двум типам можно добавить еще «однорогий» – саркофаг с одним выступом, который на караимских некрополях встречается крайне редко, но его можно рассматривать как производный тип от «двурогого» (или наоборот). Если говорить о самых распростра-

Рис. 3. «Двурогие» памятники на кладбище Чуфут-Кале. Фото автора

ненных типах памятников, то еще необходимо упомянуть часто встречаемый на некрополе Мангуп-Кале (в Чуфут-Кале гораздо реже) архитектурный тип по классификации Д. А. Хвольсона называемый «плоский лежачий камень» (который П. С. Паллас и П. И. Кеппен не отмечали), а в современной терминологии (Бабаликашвили, Кашовская) – параллелепипед. Поскольку этот тип не имеет каких-либо отличительных особенностей и свойственен также для многих других культур (например, греческой, армянской в Крыму), то в данной статье он нами рассматриваться не будет. Из всех указанных нами типов памятников доминантным по общепринятому мнению является тип, который выделил из общего числа П. С. Паллас («жидовское кладбище со многими двурогими надгробными памятниками») – это, конечно, «двурогий» памятник, самый узнаваемый надгробный памятник караимских некрополей (Рис. 4–6).

По мнению Н. В. Кашовской представление о том, что «рогатый» тип памятника доминирует на караимских кладбищах Чуфут-Кале и Мангуп-Кале является ошибочным, оно закрепилось вследствие поверхностного знакомства с некрополями, и не отражает реального положения вещей [11, с. 558]. По ее данным из 1008 памятников на

Рис.4 «Двурогий» на некрополе Мангуп-Кале. Фото автора

Рис.5 «Двурогий» на некрополе Евпатории. Фото автора

Рис.6 «Двурогие» XIV–XV вв. на некрополе Чуфут-Кале. Фото автора

Мангуп-Кале 564 – это «двурогие». Численный перевес над другими типами памятников незначительный, но все же он есть, причем памятника одного типа больше, чем памятников всех остальных типов вместе взятых. Если учесть тот факт, что вдоль тропы, идущей через кладбище, расположены почти исключительно «двурогие» памятники, то станет понятно, почему именно «двурогий» стал отличительным типом памятников, по крайней мере, на этом некрополе. На некрополе Чуфут-Кале по данным Н. В. Кашовской насчитывается 2803 памятника типа «двурогий» из 7000 (точнее около 7000). Это около 40% от общего числа памятников, среди которых есть безрогие, стелы, плиты-параллепипеды и другие архитектурные типы, а значит «двурогий» как тип является преобладающим. Очевидно, что у караимов это был один из самых распространенных архитектурных типов памятников.

Так почему караимы предпочитали именно этот тип памятника, является он оригинальным или заимствованным из другой культуры, как, например, считает Н. В. Кашовская? Решение этих вопросов невозможно без сопоставления двурогого с типами надгробных памятников других культур Крыма и в первую очередь, конечно же, культуры крымских татар, которая оказывала бесспорное влияние на караимов. О культурной ассимиляции караимов с крымскими татарами в частности писал караимский общественный деятель и педагог Илья Ильич Казас: *«Живя в продолжение многих веков под владычеством татар, караимы переняли от них не только язык, но и одежду, образ жизни, некоторые суеверия и многие бытовые обычаи»* [9, с. 49] (Рис. 12). В связи с этим можно предположить, что и архитектурный тип караимского памятника также был заимствован у крымских татар. Как известно, надгробные памятники крымских татар представлены двумя основными архитектурными типами: тикме-таш или текиль-таш (стела) и сандык (саркофаг). В архитектурном типе «сандык» мы без труда найдем внешнее сходство с двурогими памятниками караимских некрополей. Тот же двухскатный саркофаг, те же выступы («рога») или «башенки». Интересно, что памятник типа «сандык» (или иначе «саркофаг»), исследователи крымскотатарских древностей Усеин Боданинский и Алексей Степанович Башкиров, называют по общепринятой классификации «двурогими» [2, с. 136]. По мнению А. С. Башкирова «двурогая» гробовидная форма общеупотребительна для позднего средневековья в Крыму и кроме мусульман встречается также у христиан и караимов [2, с. 138][1]. Действительно, если мы сравним известные нам двурогие мусульманские надгробные памятники из Эски-Юрта (Бахчисарай) и Старого Крыма XIV–XV вв., памятники Ханского кладбища на территории Бахчисарайского ханского дворца XVII–XVIII вв. с двурогими памятниками на караимских некрополях Чуфут-Кале и Мангуп-Кале XIV–XV вв., то легко убедимся в том, что все они представляют собой один архитектурный тип, отличающийся только деталями, а именно декоративной резьбой (на мусульманских памятниках она более сложная) и эпиграфикой, но иногда с совершенно идентичными орнаментами (Рис. 7–9).

Рис.12 «Двурогие памятники» на кладбище Фатимидов

Для памятников данного типа как у караимов, так и у мусульман характерны куполообразные навершия на «рогах», напоминавшие О. Боданинскому и А. С. Башкирову купола мавзолеев-дюрбе (гробниц), что позволило им ввести в оборот термин «дюрбеобразно-медресевидный» памятник, который представлял собой по их мнению «медресевидный корпус базиличного типа» с «дюрбеобразными рогами» [4, с. 101] (Рис.10–11). Другими словами, согласно У. Бо-

[1] Что касается некрополей христианского населения Крыма, то среди них, вероятно, как мы можем судить по некрополю в селе Кудрино, был более распространен «однорогий» памятник, который на караимских некрополях, напротив, встречается крайне редко.

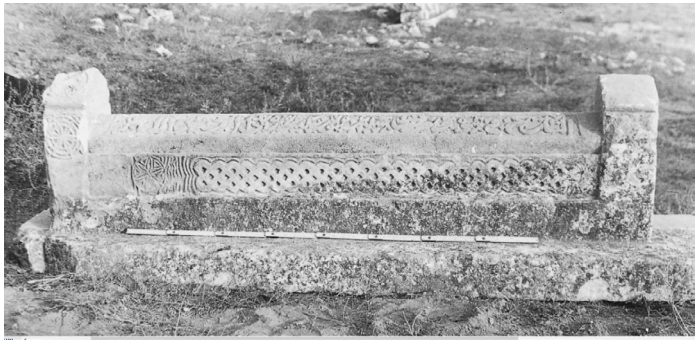

Рис. 7–8. Мусульманский «двурогий» в Эски-Юрте. Из публикации У. Боданинского

Рис.9 Мусульманский «двурогий» на Ханском кладбище. Фото автора

Рис. 10. «Дюрбеобразный» рог караимского памятника на некрополе в Чуфут-Кале. Фото автора

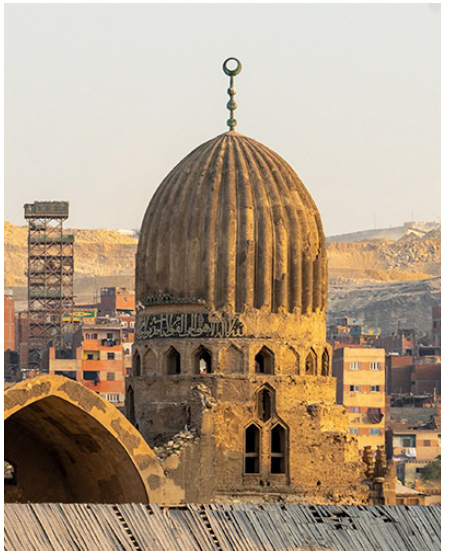

Рис. 11. Купол дюрбе на Некрополе халифов

данинскому «двурогие» памятники повторяют архитектуру одновременно дюрбе («рога» памятника) и медресе (корпус памятника), при этом представляют собой базиличный (прямоугольный в плане) тип. Например, У. Боданинский сравнивает «дюрбеобразный рог» одного из памятников в эски-Юрте с каирскими дюрбе в «Некрополе халифов» (Каир) [4, с. 97]. Аналогия с египетской мусульманской архитектурой мамлюкского периода очень примечательна, так как нам известно о том, что султан Египта ал-мелик ал-Мансур Сайф ад-дин Калаун ал-Альфи (правил с 1279-го по 1290 г.) построил в Солхате мечеть, так называемую мечеть Бейбарса [5, с. 136–137]. Для строительства из Египта были выписаны деньги и строительные материалы, и, вероятнее всего, мастера. Таким образом, египетская традиция могла быть перенесена на крымскую землю, сначала в Солхат, а затем, после завоевания золотоордынцами Кырк-Йера, и в юго-западный Крым. Действительно, надгробные памятники Ханского кладбища Бахчисарайского ханского дворца практически идентичны с памятниками «Некрополя халифов», а на кладбище Фатимидов в Асуане есть надгробия своей формой, почти не отличаю-

щиеся от крымских «двурогих» XIV–XV вв. В качестве интересного примера можно привести картину Саломона Корроди (1844–1905) «Костер в лунном свете», на которой рядом с дюрбе изображены в точности такие же «двурогие» памятники, как на караимских кладбищах. Как известно, Корроди часто путешествовал по Египту, где мог и увидеть такие памятники. Все это может указывать нам на заимствованную традицию из мамлюкского Египта (Рис. 13).

Рассматриваемые нами караимские и мусульманские памятники объединяет не только форма, но и орнамент, в котором А. С. Башкиров видит сильное влияние сельджукского искусства. *«Сельджукские традиции в крымско-татарском искусстве*, – пишет он, – *не являются наносными и только скользящими по отдельным памятникам. В одном Солхате, не касаясь других мест, мы можем отметить то, что эти традиции широко и глубоко проникли в художественное восприятие татар. Перед нами, как и в Эски-юрте, в Солхате прошло много памятников рядового порядка бытового погребального характера – надгробия, где мы видим в массе орнаментального багажа превалирующую роль мотивов орнаментики в сельджукском искусстве»* [3, с. 123]. Описывая орнаменты крымскотатарских памятников Эски-Юрта У. Боданинский, проводит аналогию с памятниками из самых разных регионов Малой Азии и Ближнего Востока, Египта, Самарканда и христианского Закавказья, вплоть до Алтая [4, с. 98–99]. Эти же орнаменты в точности повторяются и на караимских памятниках. Например, называемый У. Боданинским «восточный меандр» мы можем наблюдать на опубликованном им памятнике из Эски-Юрта, на караимском кладбище Мангупа и Чуфут-Кале, и также по словам У. Боданинского на монументальных мусульманских памятниках Малой Азии и Ближнего Востока (Рис. 14–15).

Рис.13 Дюрбе и «двурогие» памятники на картине Саломона Корроди «Костер в лунном свете»

До сих пор мы говорили о небольшой группе караимских памятников XIV–XVI вв., но на некрополе Чуфут-Кале гораздо больше «двурогих» памятников более позднего периода, количество которых исчисляется сотнями и даже тысячами. Эти памятники появились спустя столетия после первых «двурогих», что видно из общей картины формирования некрополя, которая выглядит следующим образом. Самые ранние памятники, датируемые второй половиной XIV в. относятся к типу «двурогий», в XV в. им на смену приходят «гробообразные» по Д. А. Хвольсону и «призмы» по Н. В. Кашовской. В XVI–XVII вв. доминирующим типом на данном некрополе является «безрогий». К XVII в. «двурогие» вновь появляются, но уже в более строгой и геометрической архитектурной форме,

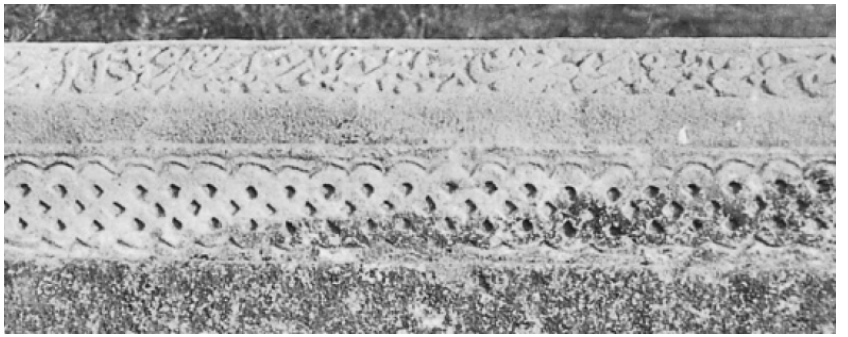

Рис.14 Восточный меандр на мусульманском памятнике в Эски-Юрте

Рис.15 Восточный меандр на караимском памятнике в Чуфут-Кале

без куполообразных наверший и декоративных украшений, за исключением небольших орнаментов в виде цветочных розеток (как правило шестилистников) и солярных знаков. Другими словами, в них исчезают все черты восточной культуры. Аналогичную ситуацию мы можем наблюдать и в Мангуп-кале, где веком позже, в XV в. встречаются «двурогие» памятники, схожие с памятниками в Чуфут-Кале и Эски-Юрте, затем они исчезают практически полностью и появляются уже в XVII в. Объяснить такую закономерность нам сложно, но она дает повод условно разделить «двурогие» памятники на первый (XIV–XV вв.) и второй (XVII–XIX вв.) периоды. Примечательно, что смотритель Бахчисарайского дворца Е. Г. Булатов по словам П. Кеппена считал «безрогие» памятники старее «двурогих», имея в виду, конечно же, «двурогие» второго периода по причине их многочисленности [13, с. 29] (Рис. 17–18).

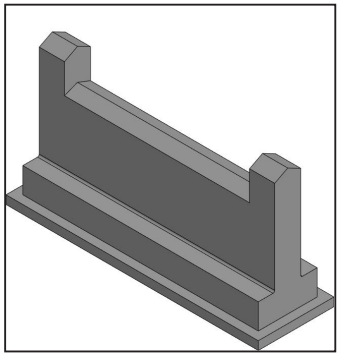

Рис.17 Рисунок «двурогого» памятника первого периода (XIV–XV вв.). Рис. А. Клецко

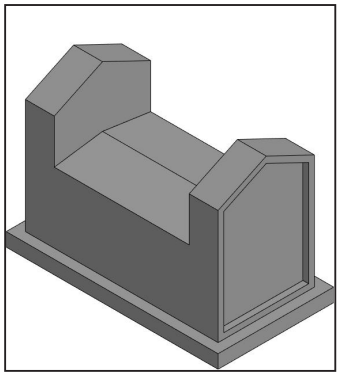

Рис.18 Рисунок «двурогого» памятника второго периода (XVII–XIX вв.). Караимский архитектурный тип. Рис. А. Клецко

К концу второго периода «двурогие» приобретают форму, которая только в самом общем плане напоминают мусульманские памятники и караимские памятники первого периода: это все тот же двурогий, но более массивный, больших размеров и менее изящных архитектурных форм. Такая трансформация, по нашему мнению, произошла вследствие увеличения текста эпитафии, которая наносилась на торцевую часть памятника. Текст как бы расширял памятник менял все его пропорции, и, таким образом, создавался новый архитектурный тип. Если ширина памятников первого периода от 18 до 25 см (как и у мусульманских памятников), то ширина памятников второго периода от 25 до 60 см. Именно такой тип мы с полным правом можем называть караимским, так как аналогов ему мы не находим на мусульманских, равно как и других кладбищах Крыма (Рис. 16).

Рис.16 «Двурогий» второго периода на некрополе Чуфут-Кале. Фото автора

К особенностям архитектурного типа «двурогий» следует отнести существование так называемых «детских двурогих» – это уменьшенные копии обычных «двурогих», которые, действительно, как следует из текстов эпитафий, ставились над могилами детей. Длина таких памятников в среднем 50 см, а высота может не превышать и 20 см. Насколько нам известно, другие типы памятников, за редким исключением, не имеют такой разновидности по возрасту умершего.

В виду всего вышесказанного мы приходим к выводу, что «двурогий» надгробный памятник XIV–XV вв. на караимских некрополях Крыма очевидно не является оригинальным, а скорее всего повторяет форму мусульманских памятников. В свою очередь к крымским мусульманам этот архитектурный тип мог попасть либо из Египта, либо из других ближневосточных регионов. Со временем первичная форма караимского «двурогого» претерпела изменения, в результате чего сформировался собственно караимский архитектурный тип. Он уже значительно отдалился своими пропорциями от своего оригинала, но при этом сохранил его архитектурные черты.

Литература

1. Андриевский И.С. Развалины Мангупа // Одесский альманах на 1840 г. - Одесса, 1839. -С. 538-552.

2. Башкиров А. С. Художественные памятники Солхата // Крым. 1927. № 1(3). - С. 122-144.

3. Башкиров А. С. Сельджукизм в древнем татарском искусстве // Крым. 1927. № 2(3). -С. 108-126.

4. Боданинский У. Памятники крымско-татарской старины: Эски-Юрт // Боданинский У. Собрание сочинений. Том I. - Научное наследие. Ка-

зань-Симферополь: Институт истории имени Ш. Марджани АН РТ, 2019. - 272 с.

5. Гаврилов А. В., Майко В. В. Средневековое городище Солхат-Крым (материалы к археологической карте города). - Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. - 212 с.

6. Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Крепость драгоценностей. Кырк-ор. Чуфут-кале. -Симферополь: Таврия, 1993. - 128 с.

7. Дюбуа де Монпере, Фредерик. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым / Перевод с французского, предисловие и примечания Т. М. Фадеевой. - Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. - 328 с.

8. Ельяшевич В. А. Караимское кладбище в Феодосии. История, запечатленная в камне / под редакцией М. Б. Кизилова. - Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2018. - 176 с.

9. Казас И.И. Общие заметки о караимах // Караимская жизнь, 1911. Кн. 3-4. - С. 37-71.

10. Каталог памятников караимского кладбища в Севастополе / РОО «Национально-культурное общество караимов Севастополя «Фидан». - Севастополь, 2020. - 539 с.

11. Кашовская Н.В. Заметки по иудейской эпиграфике Мангупа // МАИЭТ, 2003. - Вып. X. - С. 556-561.

12. Кашовская Н.В. Корпус эпитафий иудейского кладбища Мангуп-Кале как исторический источник. Завершение систематизации эпитафий и обобщение результатов исследования // Труды ГМИР, 2013. - С. 250-334.

13. Кеппен П.И. Крымский сборник. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. - СПб.: типография Императорской Академии Наук, 1837. - 409 с.

14. Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793-1794 годах / Пер. с нем. – М.: Наука, 1999. - 246 с.

15. Полканова А. Типизация памятников родового кладбища крымских караимов Балта Тиймез // Святыни и проблемы сохранения этнокультуры крымских караимов-караев. Материалы научно-практической конференции в рамках Международного этнографического фестиваля «Караи собирают друзей» (Симферополь-Евпатория-Джуфт-Кале 14-16 сентября 2007 г.). - Симферополь, 2008. - С. 224-231.

16. Хвольсон Д.А. Сборник еврейских надписей, содержащий надгробные надписи из Крыма и надгробные и другие надписи из иных мест в древнем еврейском квадратном шрифте, а также образцы шрифтов из рукописей от IX – XV столетий, собранные и объясненные Д.А. Хвольсоном. - СПб: типография Императорской Академии Наук, 1884. - 528 с.

И. М. Коваленко

ПЕРВЫЕ КРЫМСКИЕ ЭКСКУРСОВОДЫ

I. M. Kovalenko

THE FIRST CRIMEAN GUIDES

Аннотация. *На основе литературных источников в статье рассматривается исторический аспект становления института экскурсионного дела и профессиональной деятельности –гидов-проводников в Крыму в XIX - начале XX вв. Исследование восполняет пробелы в изучении ранней истории туризма в Крыму, демонстрируя роль местных жителей – проводников, как ключевого элемента формирования туристского опыта и межкультурного взаимодействия.*

Ключевые слова: *гиды-проводники, туризм.*

Abstract. *Drawing upon a range of literary sources, this article undertakes a historical analysis of the emergence and evolution of the excursion industry and the professional practice of guide-interpreters in Crimea during the 19th and early 20th centuries. The study addresses significant lacunae in existing scholarship on the early development of tourism in the Crimean region, elucidating the pivotal role of local guides as essential agents in the construction of the tourist experience and the facilitation of intercultural exchange.*

Keywords: *tour guides, tourism.*

«Новому человеку, незнакомому с Крымом,
трудно обойтись без проводника.
Проводник избавит вас от риска зайти
или заехать не туда, куда нужно.
Как местный человек, он всегда найдется
в случае того или иного затруднения».

(Безчинский А. Я. 1902 год)

Первые частные гиды для путешественников в Крыму появились с начала XIX века. Как только в Таврическую губернию стали приезжать первые туристы, возникла потребность и в тех, кто мог им показать древности, достопримечательности, провести по горным

тропам. Первыми проводниками были живущие здесь «туземцы» - татары. Экзотичные, странно одетые, диковатые, плохо говорящие по-русски. Именно такой типаж местного восточного проводника и нужен был для европейских путешественников.

Самые лучшие проводники были известны местной российской администрации. Когда в Тавриду прибывал очередной знатный путешественник, проводника ему мог порекомендовать даже лично губернатор. Когда начали печатать путеводители по Тавриде, их авторы нередко упоминали на страницах имена лучших проводников.

Они были первыми и лучшими!

Слава о лучших проводниках передавалась от группы к группе. Те, кто приезжал на экскурсии не в первый раз брали уже знакомого проводника. О проводниках можно встретить упоминания в трудах почти всех путешественников по Тавриде. Кто-то решал возможным упомянуть имя своего гида и даже черты его характера. Кто-то имени не называл, но чуть с десяток раз повторял в своих записках, что «это мне сообщил проводник, а вот это я узнал от своего проводника». Некоторые путешественники и вовсе не упоминали о своих местных провожатых, но ясное дело, что ни Паллас, ни Мартин Броневский, ни даже Эвлия Челеби или Тунманн не могли обойтись без помощи кого-то из местных гидов того времени.

Наверное, первым, кто упоминал крымского проводника в литературе, стал Павел Сумароков, путешествовавший по Крыму в 1799 году. Он пишет, что путешествовал на лошадях с проводниками. Сумароков имел приказ на гербовой бумаге на татарском языке ко всем старшинам селений давать ему помимо лошадей и квартир «проводников по всем приморским горам».

Швейцарец Шарль Пикте де Рошемон посетил Крым в 1818 году. Отправившись из Ак-мечети в Бахчисарай, он записал: «Проводником служил нам грек, который бывал так же с военным губернатором во время поездки его в горах... Во всяком месте, где мы останавливались, переменяли лошадей и нового проводника» [12]. Иноземный путешественник объясняет, что проводник-грек всегда сопутствовал им во время всего путешествия, а в каждом новом месте нанимал проводника-татарина.

Самым же первым упоминанием конкретного имени крымского экскурсовода можно считать 1823 год, когда была издана книга «Путешествие по Тавриде в 1820 годе» Ивана Матвеевича Муравьева-Апостола. Известный в то время чиновник, будущий сенатор и отец трех декабристов уверял своих читателей: «Страннику

по Тавриде необходимо иметь при себе проводника-татарина, без коего и шагу нельзя сделать, отлучившись от почтовой дороги». Муравьев-Апостол сначала нанял в Бахчисарае проводника Ибрагима, но тот «занемог лихорадкою». И он уже начал писать в Симферополь «о присылке другого проводника», как услышал за окном топот лошадей. Оказалось, во двор Ханского дворца приехала «амазонка», путешествовавшая по Тавриде в сопровождении проводника по имени Мемичь-Мурза. «Проводник ей сделался ненужным; для меня он находка драгоценная. Итак, не мешкая, я подхватил Мемичь-Мурзу» [11]. Своего проводника путешественник называл «мужик-чичероне», а в письме из Феодосии упомянул: «Проводник мой человек умный и очень добрый».

Чаще всего в обязанности проводника входило знание дороги, удобных мест для остановок, решение всех вопросов с местным населением. В познавательном плане они могли рассказать немного, ограничиваясь, как правило, названиями гор, речек, родников, деревень, рассказом баек и легенд. Но для столичной публики этого вполне хватало.

В местной татарской среде проводники считались привилегированными людьми: они ближе остальных татар стояли к цивилизации, чаще и теснее других общались с русской аристократией; чем сами очень гордились и важничали. «Щеголеватые проводники в рубахах, расшитых иногда блестящим позументом, и в круглых маленьких барашковых шапках с золоченной звездой на макушке, важно и авторитетно выступают впереди групп туристов», писал путешественник Петр Бугославский, побывавший в Ялте в 1909 году [1].

Некоторые проводники понимали, что турист хочет видеть рядом с собой не только знающего провожатого, но и человека приятного вида. Такие «продвинутые» гиды начали одеваться на европейский лад и учить русский язык. Путешественник Сергей Филиппов вспоминал, как в 1889 году для поездки в Тепе-Кермен «выбрал проводника, молодого татарина, хорошо говорящего по-русски, со всеми признаками «цивилизации», то есть одетого в немецкий пиджак, хотя и сохранившего национальную шапочку на голове» [14].

Но в некоторых крымских местностях, со своими историко-этнографическими особенностями, знающие люди советовали брать в проводники не татар, а греков, караимов, немцев и даже русских.

Княжна Горчакова, пробывшая в Крыму несколько месяцев в 1880 году, вспоминала, что ее знакомил с окрестностями Ялты «аутинский грек Антон Федоров Христофоров, рекомендованный мне

как хороший проводник и человек, знающий каждый уголок Крыма. Это еще бодрый старик с крестом на груди, которым он очень гордится» [3].

Мария Сосногорова в своем знаменитом обстоятельном путеводителе 1887 года советовала: «Для обозрения Черкес-Кермена вам необходимо взять проводника непременно из местной деревни и одного из известных там стариков». В то же время в Балаклаве советовала взять непременно местного «проводника-грека», а в Судаке «советуем для обозрения крепости взять в проводники судакского старожила, лучше немца из колонии». А для похода через армянский монастырь Сурб-Хач в Кизил-Таш идти «только с проводником из местных болгар» [13].

В греческой Балаклаве, действительно, проводниками служили исключительно местные греки, поскольку татары там не проживали. Путешественник К. Жуков писал про Балаклаву: «Проводники наши, бывшие унтер-офицеры Балаклавского батальона… являются к проезжающим, чтобы служить проводниками и рассказчиками, и чтобы получить что-нибудь за свой труд» [5].

Некоторые «новые крымские» из числа русских поселенцев и малороссийских крестьян также быстро сориентировались в местных горных дорогах и стали предлагать свои услуги проводников. Некоторые столичные гости опасались диковатых татар и молчаливых греков, предпочитая себе в качестве гида людей одного с ними языка и менталитета. Мария Сосногорова рекомендовала для таких путешественников: «В Мухалатке очень удобно остановиться у русской женщины Феклы Казначеевой. Сын ее держит лошадей и может служить проводником». «Ночлег в деревне Скеля всего удобнее вы можете иметь у Авдотьи Трифоновой, изба которой больше всех в деревне. А в проводники взять русского мужика из Скели, Михайлу, который знает все здешние дороги и тропинки» [13].

Местный лучше!

Очень важно было попасть на хорошего гида, который реально знал местность, мог позаботиться о комфорте поездки. В своей погоне за заработком проводники могли наговорить что угодно, лишь бы туристы выбрали его, соглашались везти куда угодно, лишь бы заполучить деньги. Но при этом могли совершенно не знать дороги.

Мария Сосногорова откровенно предупреждала читателей, собравшихся с Южного берега в район Бахчисарая: «Проводника с лошадьми, нанятого в Алупке, вы можете здесь отпустить и взять новых лошадей и проводника в Коккозе. Это сделать даже необходимо, если вы хотите ехать далее до Бахчисарая. Потому что южнобережные татары, хотя и будут уверять вас, что они хорошо знают все местности северного склона гор, но это неверно. И служа вам проводником татарин из Алупки и вообще южнобережный, здесь непременно собьется с дороги, а в горах это и неприятно, и опасно». По этой же причине она рекомендует разных проводников при поездке в популярный в те времена трехдневный маршрут из Алушты через Демерджи на Кизил-Кобу и Чатырдаг. Для прогулки из Алушты до Демерджи «можно и не брать проводника», а уже в деревне Демерджи «взять проводника до Кизил-Коба, с которым и отправиться на гору Демерджи. В Кизил-Коба уже проводник из Демерджи не нужен. Здесь надо взять местного проводника для осмотра пещер. Затем из Кизил-Коба в деревню Аян. В Аяне взять проводника на Чатырдаг и в пещеры». Ну и конечно: «Для поездки на Аюдаг надо взять проводника из Партенита, который уже там бывал» [13].

Конечно, туристы во все времена старались сэкономить, и авторы путеводителей в этом им помогали советами. «Лошадей и проводника гораздо дешевле будет нанять не в Ялте, а в деревне Никита или Ай-Василе». «Цены на лошадей различны. Чем ближе к городам, тем цены дороже. Проводнику платится отдельно, кроме платы за лошадь, на которой он едет. Многие проводники идут пешком. Это дешевле» [10].

Их имена история хранит.

Некоторые проводники становились приятными сопровождающими для путешественника. С ними было интересно беседовать и узнавать местные истории и предания. Некоторые же, напротив, почти ничего не рассказывали, показывали свою полную бестактность и могли даже раздражать и утомлять туристов. Зоолог Карл Кесслер в 1860 году вспоминал об одном из таких: «Проводники к пещерам часто бывают недовольны и хорошею платою за их труды… Проводником моим был молодой, отатарившийся цыган, который страшно мне надоел своими докучливыми расспросами» [7].

Явно недоволен был своим проводником и К. Жуков, посетивший Чуфут-Кале в середине XIX века: «Встретивший нас цыган, назвавший себя придворным проводником, юлил у ворот… Подымаясь выше и выше и не видя никого, мы теряли надежду увидеть что-нибудь, но наш проводник цыган юлил и здесь» [5].

Некий киевский студент А. А. Иванов, попавший в 1892 году в Бахчисарай записал в дневнике: «Лучшим бахчисарайским чи-

чероне считается цыган Мусуюф, но во время нашего посещения миссия его была не велика – он довел нас лишь до входа во дворец. В этом человеке отразилось полнейшее олицетворение восточной лени; толстый до безобразия, неповоротливый, с бычачьей шеей, усеянной большими жировыми шишками, он беспрестанно метался из стороны в сторону на небольшом пространстве возле фонтана» [6].

Чтобы обезопасить себя от плохих проводников, туристам рекомендовали заранее собирать отзывы. Например, так: «Весьма важно отыскать надежного проводника. От проводника требуется хоть плохонькое умение говорить по-русски, известная услужливость, заботливость, находчивость и честность. В Алуште от проводника нужно требовать рекомендации кого-либо из домохозяев или вообще старожилов Алушты. В других деревнях – местных старост. В деревне Корбеклы, кроме старосты, можно обратится к Джелилю» [13]. А Григорий Москвич в своем путеводителе даже приводит фразу по-татарски, которой рекомендует пользоваться при поиске гида: «Приведите мне хорошего проводника» – «Кетерныз бана яхши сюрюджи» [10].

Но все-таки, большинство крымских проводников-чичероне оставили приятные воспоминания о себе и даже попали в историю, благодаря запискам своих знатных туристов.

Один из первых путешественников по Тавриде Шарль Монтадон, упоминал в своем труде, опубликованном в 1834 году, о восхождении на вершину Чатыр-Дага: «Приехав в Биюк-Янкой, нужно подыскать проводника, хорошо знающего местность. Татары, ввиду своей занятости, не всегда одинаково расположены сопровождать путешественников и, если удастся нанять того, которого зовут Мартаза-Бей, будете довольны его услугами» [9].

В 1843 году в Париже вышла книга, описывающая путешествие в Крым француза Фредерика Дюбуа де Монпере, где он упоминал о пещерах Кизил-Кобы: «…однажды один француз, господин Одине шел весь день с проводником Мамбетом с провизией и факелами и не смог дойти до конца». Сам Дюбуа де Монпере, для путешествия в пещеры, разместился в деревне Аян у татарина по имени Абла. «Тот же татарин, Абла, служил мне проводником при восхождении на Чатырдаг», – вспоминал Монпере [4].

Через 50 лет после путешествия Монтадона и Монпере, Мария Сосногорова советует: «Кто желает осмотреть замечательные пещеры Кизил-Коба, тому необходимо остановиться в деревне Чавках у

богатого татарина Рамета. Он же снабдит и верховыми лошадьми с проводником за небольшую плату» [13].

Евгений Марков, автор замечательного литературного труда «Очерки Крыма», с теплом вспоминает своего проводника – «неизбежного и незаменимого Бекира, который, по своей должности фактотума, обязан был вести наш караван. Выражаясь по-крымски, Бекир становился нашим суруджи (таково татарское название швейцарских фюреров и гидов). Неустрашимая и милая амазонка, спутник всех наших горных странствований…» [8].

Но не пространные литературные произведения, а печатные путеводители служили главной рекомендацией для выбора проводника. Попасть на страницы путеводителя Григория Москвича, Николая Головкинского, Марии Сосногоровой и других – была самая лучшая реклама для проводника. Это гарантировало ему поток заказчиков и возможность поднимать цену за свои услуги выше остальных коллег. Григорий Москвич безапелляционно пишет: «Лучшими проводниками в Коккозах считаются татары Абдарман и Абла», а в Бахчисарае - «Лучшим чичероне с давних пор является известный многим туристам татарин Мусуют» [10] .

Наверное, последнее упоминание имени местного проводника встречается в научном труде П. М. Василевского и П. И. Желтова «Гидрологическое исследование горы Чатырдаг в 1927 году». Авторы описывают некоторые пещеры Чатырдага и упоминают: «Названия пещер нам было сообщено нашим проводником Абди, живущим в д. Биюк-Янкой» [2].

Литература

1. Бугославский П.П. Южный берег Крыма: Очерк : С прил. крат. путеводителя по Крыму / Бугославский П.И. - Чернигов: тип. Губ. земства, 1909. - 86 с.

2. Васильевский П.М. Гидрогеологические исследования горы Чатырдаг в 1927 г. с 1 картой и 3 табл. / Васильевский П. М.,. Желтов П. И. - Москва ; Ленинград, 1932 - (Труды Всесоюзного геолого-разведочного объединения НКТП СССР, - Вып. 142).

3. Горчакова Е.С. Воспоминания о Крыме / [Соч.] Кн.. Горчаковой Е. - Москва. - 215 с.

4. Дюбуа де Монпере. Путешествие вокруг Кавказа: у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и в Крыму с живописным географическим, археологическим и геологическим атласом перевод в 7 томах. - Санкт-Петербург: Алетейя, 2022 г.

5. Жуков К. Заметки в пути на Южный берег Крыма / / Соч. Жукова К. - Санкт-Петербург, 1865. - 83 с.
6. Иванов А.А. Экскурсия в Крым окончивших курс Киево-Печерской гимназии в 1892 году: Дневник воспитанника К.П.Г., студента Иванова А.А. – Киев, 1895. - 146 с.
7. Кесслер К. Ф. Путешествие с зоологическою целью к северному берегу Черного моря и в Крым в 1858 году. - Киев, 1860. – 260 с.
8. Марков Е. Л. Очерки Крыма: картины крымской жизни, истории и природы Евгения Маркова: с 257 картинами и рисунками. 4-е изд. - Санкт-Петербург, Москва, 1911. - 520 с.
9. Монтандон Ш. Путеводитель путешественника по Крыму /. Монтандон Ш; пер. с фр.,[подгот. текста и вступ. ст. В.В. Орехова, коммент. А.И. Бронштейна и др.]. - Киев: Издательский дом «Стилос», 2011 г. – 416 с.
10. Москвич, Григорий Георгиевич. Практический путеводитель по Крыму. 5-е изд. — Одесса: Г.Г. Москвич, 1896. - 500 с.
11. Муравьев-Апостол И.М. (1768-1851). Путешествие по Тавриде в 1820 годе. - Санкт-Петербург, 1823. - 337 с.
12. Пикте де Рошемон, Шарль Рене. Письма о Крыме, об Одессе и Азовском море. В Москве: У книгопродавца Бува: В типографии Н.С. Всеволожскаго, 1810. - 289 с.
13. Сосногорова М. А. Путеводитель по Крыму для путешественников: С прил. карты Крымского полуострова, алф. указателя и пр. / Сост. Сосногорова М. - Одесса, 1871. - 371 с.
14. Филиппов С.Н. По Крыму. Отражения. - Москва, 1889. - 469 с.

Я.В. Комар

ОТ ЧЕШМЕ К ФОНТАНУ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ФУНКЦИЙ И СИМВОЛИКИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ ВОДЫ

Ia.V. Komar

FROM THE CISTERN TO THE FOUNTAIN: TRANSFORMATION OF THE FUNCTIONS AND SYMBOLISM OF PUBLIC WATER SOURCES

Аннотация. *Статья исследует трансформацию общественных источников воды в Крыму — от сакральных фонтанов-чешме до светских и идеологических объектов. Анализируется эволюция функций (утилитарная, религиозная, эстетическая, рекреационная) и символического значения водных источников в контексте смены культурных и политических парадигм (крымскотатарская, христианская, имперская, советская), выявляя их роль как устойчивых маркеров социокультурного ландшафта.*

Ключевые слова. *Крым, фонтан (чешме), сакральный ландшафт, культурная трансформация, этническая идентичность*

Благодарность. *Статья подготовлена в рамках гранта РНФ № 25-18-01040 «Этнокультурные ландшафты Донбасса и Новороссии: многообразие наследия и потенциал развития (2025-2027)» (рук. А. Е. Загребин).*

Abstract. *The article examines the transformation of public water sources in Crimea — from sacred çeşme fountains to secular and ideological objects. It analyzes the evolution of their functions (utilitarian, religious, aesthetic, recreational) and symbolic meaning within changing cultural and political paradigms (Crimean Tatar, Christian, Imperial, Soviet), revealing their role as persistent markers of the socio-cultural landscape.*

Keywords. *Crimea, fountain (çeşme), sacred landscape, cultural transformation, ethnic identity*

Acknowledgements. *The article was prepared as part of the Russian Science Foundation grant No. 25-18-01040 "Ethnocultural Landscapes of Donbas and Novorossiya: Diversity of Heritage and Development Potential (2025-2027)" (headed by A. E. Zagrebin).*

Фонтан как источник жизни: утилитарная функция и сакральный смысл в контексте крымскотатарской культуры

В системе материальной культуры и повседневных практик крымских татар фонтан (чешме) занимал особое место, являясь сложным социотехническим комплексом, который интегрировал жизнеобеспечивающие, социальные и сакральные функции. Формирование столь значимой роли данного гидротехнического объекта было детерминировано экологическим фактором: дефицит пресноводных ресурсов на Крымском полуострове исторически обусловливал ценностное, трепетное отношение всех автохтонных и пришлых этнических групп к источникам воды [1].

С инженерно-технической точки зрения, чешме представляли собой капитальные сооружения из тёсаного камня. Профессионализация данного вида деятельности выражалась в существовании специальной категории мастеров – чешмеджи, в чьи обязанности входило строительство, а также назначенных смотрителей – кейя, отвечавших за эксплуатацию и содержание объектов. Ведущей социокультурной практикой, легитимировавшей строительство и поддержание чешме, являлась благотворительность (садака), осмысливавшаяся в исламской традиции как богоугодное деяние (севап). Мотивационный спектр меценатства был широк и включал коммеморацию усопших родственников или павших воинов, увековечивание значимых событий в биографии заказчика, а также удовлетворение базовых потребностей общины. Финансовые модели строительства и содержания были разнообразны: от частного финансирования ханами и состоятельными горожанами до функционирования в рамках системы вакфов (благотворительных фондов). На большинстве вакуфных фонтанов помещалась строительная надпись – тарих, содержавшая кораническую цитату, дату возведения и имя ктитора.

Особую категорию в данной классификации составляли сакрализованные фонтаны (азизлер), где выходы подземных вод интерпретировались как проявление божественной воли и объекты религиозного поклонения. Ритуальные практики включали терапевтические омовения и оставление вотивных приношений, что свидетельствует о синкретизме официального ислама и народных верований. Таким образом, чешме выступал не только ключевым элементом инфраструктуры, но и важнейшим маркером культурного ландшафта и религиозной идентичности крымских татар.

Гидрографические объекты в системах этнокультурных репрезентаций и практик греческой и армянской общины

Для греческой и армянской христианских общин ключевые водные источники становились объектами сакрализации через их освящение в честь христианских святых. Данный процесс зафиксирован в устойчивой гидронимике полуострова, где сохранились многочисленные греческие топонимы: Аи-Алексий (св. Алексей), Ай-Йори (св. Георгий), Аи-Лия (св. Илья) и другие. Фонтаны часто интегрировались в структуру монастырских комплексов и приходских церквей, выступая их архитектурно-функциональным элементом. Ярким примером служит монастырь Сурб-Хач («Святой Крест») – духовный центр крымских армян, на территории которого располагались почитаемые источники [2]. Ритуальные практики (крестные ходы, чин водоосвящения) были инкорпорированы в литургический календарь, институционализируя связь между гидрологическим объектом и религиозной жизнью общины [3].

Русские переселенцы: аккультурация и ресемантизация

Присоединение Крыма к Российской империи (1783 г.) инициировало новый этап в эволюции местных гидрологических практик. Русские переселенцы, чья исходная «водная культура» базировалась на колодезном водоснабжении, столкнулись с необходимостью адаптации к дефицитарным условиям горного Крыма. В процессе аккультурации происходило активное заимствование и интеграция автохтонных гидротехнических знаний: методов поиска и каптирования подземных вод, технологий строительства фонтанов-чешме, принципов ирригации.

Параллельно наблюдался процесс ресемантизации уже существующих гидрографических объектов. Каноническим примером является трансформация фонтана Сунгу-Су в «Кутузовский» в период обустройства почтовых трасс – практики, входившей в обязанности дорожных ведомств губернии [4]. Данный процесс был частью широкого культурного тренда, инициированного, в том числе, популярностью поэмы А.С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан». Местные гидротехнические сооружения подвергались романтической реинтерпретации и наделялись новыми историческими нарративами, связанными с русской историей.

Кроме того, происходила институционализация народных культов почитаемых источников в рамках православной традиции.

В 1850-х годах ряд таких объектов получил официальный статус святынь, что привело к основанию при них крупных монастырей (Косьмо-Дамиановского, Кизилташского, Топловского), что свидетельствует о глубокой интеграции локальных сакральных топосов в новую религиозную систему.

Отдельного внимания заслуживает феномен частного меценатства в решении острых проблем городского водоснабжения. Наглядным примером служит ситуация в Феодосии, которая в конце XIX века столкнулась с катастрофической нехваткой воды, частично вызванной антропогенной деградацией ландшафта (вырубка лесов). В 1887 году, в период особо острого кризиса, воду в город доставляли морским путем из Севастополя. Разрешение проблемы стало возможно благодаря безвозмездной передаче городу художником И. К. Айвазовским прав на Субашские источники, находившиеся в его имении. Этот эпизод иллюстрирует переход от традиционных, локальных форм водопользования к масштабным инженерным проектам, финансируемым как частной благотворительностью, так и муниципальными средствами, в условиях урбанизации и роста городов.

Сакральные и светские функции фонтана: эволюция культурного маркера в конце XIX – начале XX вв.

Конец XIX – начало XX века ознаменовал собой новый этап в символическом восприятии и функциональном использовании фонтанов в Крыму. Если ранее гидротехнические сооружения служили преимущественно утилитарным и религиозным целям, то в этот период на первый план выходят их светские, репрезентативно-эстетические функции. Фонтан перестает быть исключительно источником воды и объектом культа, превращаясь в ключевой элемент ландшафтного дизайна, средство демонстрации статуса и художественного вкуса владельца, а также важный компонент формирующейся курортно-туристической инфраструктуры.

Эта трансформация ярко прослеживается на примере частных владений крымской элиты. Так, промышленник П. И. Губонин, создавая гостиничный комплекс в Гурзуфе, использовал фонтаны как декоративные акценты своего парка. Установленные им в конце XIX в. фонтан «Ночь» («Богиня Ночи») и фонтан «Рахиль» (первоначально «Гречанка», 1890 г.) не несли утилитарной нагрузки, а выполняли исключительно эстетическую и символическую роль, вписываясь в общую романтическую атмосферу места.

Таким образом, на рубеже веков в Крыму сформировался бифункциональный статус фонтана. С одной стороны, продолжалась (а в некоторых контекстах и углублялась) его утилитарно-сакральная традиция, где каждый этнос наделял источник специфическим религиозным содержанием. Происходила не просто адаптация, но сложная семантическая трансформация местных культов в новых идеологических рамках. С другой стороны, возникла и стала доминирующей в репрезентативных пространствах светско-эстетическая функция. Фонтан превратился в мощный культурный маркер двойного назначения: как хранитель традиционной идентичности, так и символ современности, художественной свободы и статусного потребления, формируя многогранный образ Крыма как перекрестка культур, истории и искусства.

Трансформация культурного ландшафта в советский период: десакрализация, утилитаризация и идеологическая инструментализация гидрологических объектов

В начальный период советского строительства фонтаны сохраняли свою первостепенную утилитарную функцию обеспечения населения водой. Однако параллельно происходила целенаправленная деконструкция их прежнего культурного и сакрального статуса. Материальные маркеры религиозной идентичности — эпиграфические памятки (тарихи) на чешме, содержавшие исламскую символику, а также христианские кресты и иконографические элементы на каптажах — подвергались систематическому уничтожению или нейтрализации путём заштукатуривания. В результате этих действий гидротехнические сооружения были лишены исторической памяти и сакральной ауры, будучи низведены до статуса сугубо функциональных или декоративных элементов.

В рамках новой советской градостроительной парадигмы фонтаны были интегрированы в систему как элементы благоустройства. Они стали обязательным компонентом вновь создаваемых общественных пространств: парков культуры и отдыха, центральных площадей, вокзалов. Их основная функция сместилась от водоразбора к формированию рекреационной среды, озеленению и оздоровлению микроклимата. Утилитарная роль источника питьевой воды отошла на второй план, уступив место задаче организации досуга и эстетизации городской среды.

Заключение

Эволюция крымского фонтана от религиозно и этнически маркированного чешме к светскому, идеологически детерминированному объекту советской эпохи репрезентирует магистральный переход от традиционного общества к модерному проекту. Этот проект характеризовался установкой на радикальную секуляризацию и унификацию публичного пространства. Указанная трансформация не сводилась к простой смене архитектурного оформления; она заключалась в фундаментальном пересмотре функционального и семантического наполнения объекта: исторический утилитарно-сакральный комплекс был замещен рекреационно-идеологическим.

Несмотря на радикальный характер произошедших метаморфоз, фонтан продемонстрировал удивительную устойчивость своей урбанистической и социальной роли. Вопреки полной смене идеологических парадигм и символических кодов, он сохранил статус важнейшей точки притяжения в структуре общественного пространства. Оставаясь локусом встреч, повседневной коммуникации и косвенного формирования коллективной памяти, фонтан подтвердил свою глубинную антропологическую значимость как константного элемента городской среды, адаптирующегося к изменяющимся историко-культурным контекстам, но сохраняющего ключевую функцию социального интегратора.

Литература

1. Терновая (Вознесенская) Л. О. Пресная вода Крыма: многогранность проявлений водного дефицита // Альманах Крым, 2021. № 23. - С. 11–20.
2. Атлас «Крым. Армяне»: армянское население Крыма с древних времен до наших дней. - Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2008. - 76 с.
3. Коваленко И. Культура водопользования народов Крыма [Электронный ресурс] // Крымовед. 2017. URL: https://krimoved.com/kultura-vodopolzovaniya-narodov-kryma/ (дата обращения: 10.11.2025).
4. Ткаченко В. В., Ткаченко А. В. Кутузовский фонтан. Некоторые вопросы истории памятника // Terra Alustiana MMXI: сборник научных трудов по материалам 10-й научной конференции «Terra Alustiana MMXI», посвященной 110-летию присвоения Алуште статуса города и 1460-й годовщине основания императором Юстинианом крепости Алустон (Алушта, 7-9 октября 2011 г.). Гос. бюджетное учреждение Республики Крым «Центральный музей Тавриды», Гос. бюджетное учреждение Республики Крым «Инт археологии Крыма». - Симферополь: Антиква, 2015. - С. 372–382.

М. А. Ломакина

КОЛЛЕКЦИЯ МЕДНОЙ ПОСУДЫ И ПРЕДМЕТОВ БЫТА ИЗ МЕТАЛЛА, ПРИОБРЕТЕННАЯ КРЫМСКИМ ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ МУЗЕЕМ В 2025 ГОДУ

M. Lomakina

COLLECTION OF COPPER DISHES AND METAL HOUSEHOLD ITEMS, ACQUIRED BY THE CRIMEAN ETHNOGRAPHIC MUSEUM IN 2025

Аннотация. *Рассмотрены экспонаты из фондов Крымского этнографического музея, вошедшие в состав коллекции медной посуды и предметов быта, выполненных из металла (вторая половина XVII – первая половина XX в.), приобретенной в 2025 году. Представлена их классификация по функциональному назначению.*

Ключевые слова. *Закупаемая коллекция, экспонат, металлическая посуда, предмет быта, сосуд.*

Abstract*. The exhibits from the funds of the Crimean Ethnographic Museum, which were included in the collection of copper utensils and household items made of metal (the second half of the 17th - the first half of the 20th centuries), acquired in 2025, are considered. Their classification by functional purpose is presented.*

Keywords. *Purchased collection, exhibit, metal tableware, household item, vessel.*

Фондовая коллекция Крымского этнографического музея на начало 2026 г. насчитывает более 16 тысяч экспонатов. В связи с тем, что его собрание на протяжении более 30 лет пополнялось неравномерно, для расширения возможностей экспонирования коллекций, их популяризации и научного изучения, важным является вопрос целевых закупок музейных предметов [3]. В 2025 г. за счет средств, выделенных из бюджета Республики Крым, закуплена коллекция, состоящая из 58 предметов.

Первая закупка проходила в марте 2025 г. и состояла из медной посуды второй половины XVIII – начала XX в. Вторая (май 2025 г.) включила в себя бытовые вещи, выполненную из металла медную посуду и ритуальные традиционные предметы с надписями на армянском и греческом языках, датируемые второй половиной XVII – первой половиной XX в. Представленные изделия бытовали в среде армян, греков, русских, караимов, евреев, крымских татар и других народов полуострова и имеют ритуальное, праздничное и бытовое назначение. Приобретенные экспонаты выполнены из меди, медных сплавов и других металлов, имеют заводское и кустарное происхождение.

Среди армянского и греческого населения Крымского ханства, Таврической губернии, а затем и Крымской АССР значительное число составляли ремесленники. Армяне-ремесленники пользовались славой умелых мастеров в Бахчисарае, Старом Крыму, Феодосии, Карасубазаре, Симферополе. В 30-х годах XIX в. в Карасубазаре только турецкоподданных армян-ремесленников в городе насчитывалось 89 человек [2]. В 1897 г. среди греческого населения Крыма 23% населения являлись ремесленниками или цеховыми мастерами. Многие из них сохраняли иностранное подданство. Это были переселенцы из островной и северной Греции и Анатолии – особенно в период Критского восстания и Македонской войны [1]. До 1916 г. в городах Российской империи существовали Ремесленные управы, которые ведали делами цехового сословия. Цеховым мастерам предоставлялись преимущественные права на занятия ремеслами и продажу своих изделий [2]. Существовали целые ремесленные династии.

Мастера медники обладали прекрасным художественным вкусом. Они создавали технически прочные изделия с исключительным изобразительным оформлением. Представленные закупленные образцы металлической посуды и обрядовые традиционные предметы имеют информативно-эпиграфическую и изобразительную ценность. На них нанесены врезные надписи и клейма на армянском и греческом языках и арабской вязью в орнаментальном оформлении, а также встречаются выполненные в технике художественной резьбы, гравировки и чернения по металлу зооморфные, геометрические и растительные орнаменты и сюжеты. Представляет интерес и функциональное назначение предметов закупаемой коллекции, среди которых можно выделить:

1. Сакральные предметы:

1.1. Сосуд составной ритуальный походный для переноса халяльной (постной) пищи 1813 г. (КП–10793, ИБ–6153) (Рис. 1). Состоит из основной части и крышки. Основная часть с плоским дном цилиндрической формы составлена из трёх съёмных отделений, полых внутри, снаружи украшенных гравировкой – рыбы, кресты, вертикальными и концентрическими линиями. В верхнем отделении с двух сторон припаяны два крючка. В нижнем отделении с двух сторон – две металлические петли. Крышка ступенчатой формы с подвижно закрепленной ручкой вверху, с двух сторон клепкой закреплены два крючка с двумя съёмными металлическими фигурными пластинами, с отверстием и крючком в нижней части для закрывания. Крышка украшена геометрическим орнаментом, имеется надпись на греческом языке «Николас <…> 1813»(?). На лицевой стороне крышки в центре вдавления. Аналогичные сосуды были распространены в Османской империи как походные для переноски халяльной еды. Мастера греки, переезжающие на полуостров из Османской империи, перенимали традиционную форму сосудов, переносили её в среду местного христианского греческого и армянского населения, где создавали подобные сосуды для переноса пищи во время поста, а кресты и рыбы (символ имени Иисуса Христа) использовались как одни из самых сильных христианских символов, указывающих на сакральность предмета.

Рис. 1. Сосуд ритуальный походный для переноса халяльной (постной) пищи, 1813 г. (КП–10793, ИБ–6153)

1.2. Специальные кружки с двумя ручками «натла» (КП–10740, ИБ–6112; КП–10741, ИБ–6113). Для омовения рук у иудеев использовались специальные кружки с двумя ручками «натла» (от названия заповеди об омовении рук: «Нетилат ядаим»). Еврейский закон обязывает омывать руки из сосуда утром после пробуждения, перед трапезой с

хлебом и еще в некоторых других случаях. Каждую руку омывают три раза. В утреннем омовении рук руки моют по очереди. Перед трапезой с хлебом омывают сначала правую руку три раза, потом три раза левую. Использовать кружку с двумя ручками необходимо для того, чтобы омытая рука не коснулась неомытой.

1.3. Утонченные кувшины, известные в Крыму как «кумган» или «афтаба», которые использовались для личной гигиены, а также для ритуального омовения перед совершением молитвы в мусульманской среде жителей полуострова. Один из сосудов (КП–10730, ИБ–6102) изготовлен в Москве в конце XIX в. на московской фабрике И. А. Аленчикова и Н. С. Зимина (Торговый дом «Аленчиков и Зимин»), существовавшей с 1880-х гг., которая специализировалась на производстве самоваров и прочей медно-латунной продукции.

2. Предметы кофейной церемонии: подставки для кофейных чашечек «зарфы», медный сосуд для приготовления кофе «джезве».

2.1. В коллекции представлена кофеварка (КП–10739, ИБ–6111), бытовавшая в с. Албат Симферопольского уезда (ныне – пгт. Куйбышево Бахчисарайского р-на) в конце XIX – начале XX в. С плоским дном, усечено-коническим туловом, переходящим в широкий отогнутый венчик с носиком. Под венчиком на фигурном основании крепится фигурная ручка, расположенная горизонтально, плоская в сечении.

2.2. Подставка под кофейную чашечку «зарф» (КП–10747, ИБ–6119), изготовлена в Крыму в XIX в. На небольшой круглой подставке. Тулово конической формы, расширяется кверху. Украшено в верхней части концентрическими линиями и полосой из точек, в нижней – чередующимися стилизованными кипарисами и цветами на ножке с листьями. Покрытие золотистого цвета.

2.3. Подставка под кофейную чашечку «фильджан» – «зарф» (КП–10748, ИБ–6120). Крым, XIX в. На небольшой круглой подставке. Тулово конической формы, расширяется кверху. Украшено в верхней части концентрическими волнистыми полосами с вертикальными насечками, в нижней – многолепестковые цветы в овалах, между которыми побеги. Покрытие золотистого цвета.

3. Сосуды для подачи на стол блюд народной кухни: для варенья – «щекерлик», вторая половина XVIII – первая половина XIX в. (КП–10749, ИБ–6121; КП–10743, ИБ–6115); для чебуреков, янтыков, долмы – «саан», XVIII – XIX в. (КП–10795, ИБ–6155); «къапакълы къазан», Крым, 1892 г. (КП–10780, ИБ–6140). Состоит из миски и крышки. Миска высокая, с округлыми стенками и отогнутым под

прямым углом венчиком с загнутым краем для крышки. Крышка ступенчатая, усечено-коническая с кольцеобразным ухватом-выступом. На крышке и миске врезная надпись из цифр по-новому летоисчислению «1892 г.» и буквы «А» и «Л», скорее всего – клеймо мастера. «Къапакълы къазан» («казан с крышкой») – сосуд для подачи и готовки еды. Крышка в перевернутом виде служила для подачи пищи на стол. Для приготовления еды сосуд ставили на треногу.

4. Схоже по своему функциональному предназначению интереснейшее и разнообразнейшее по разновидности технических приёмов нанесения орнаментов и надписей на изделия собрание, состоящее из подносов, тарелок и чаши, бытовавших в среде армянского, греческого и крымскотатарского населения полуострова.

4.1. Поднос «сини», конец XIX – начало XX в. (КП–10778, ИБ–6138). Круглой формы, с отогнутым бортиком, луженный. Лицевая сторона украшена концентрическими кругами по центру. На бортике – гравированная надпись, предположительно на греческом языке, оформлена в прямоугольную раму, украшенную с двух сторон растительным стилизованным орнаментом в виде трилистников. Подносы «сини» играли важную роль в убранстве дома, служили столешницей на традиционных восточных столиках «корсю» или специальных раскладных деревянных конструкциях «къаснакъ». На них ставились угощения, когда в дом приходили гости. Подносы праздничные и свадебные могли быть диаметром до 1,5 м.

4.2. На подносах «табакъ» подавались на стол вторые блюда, сладости, угощения, кофе и другие напитки. Два подноса имеют богатую орнаментацию, изготовлены в Крыму XIX в. Поднос (КП–10727, ИБ–6099) круглый, с невысоким отогнутым бортиком. Поверхность украшена орнаментом в виде круга, внутрь которого заключена шестиконечная звезда, внутри которой круг с четырехлепестковым цветком в центре. Углы звезды украшены сеткой и мелкими треугольниками, между концами звезды волнистые полосы и большие капли. Орнамент окаймлен по кругу чередованием сетчатых треугольников и листьев. На дне с обратной стороны надпись арабицей в две строки. Поднос (КП–10742, ИБ–6114), Крым, 1853 г. Круглой формы с отогнутым бортиком, украшенным волнообразным орнаментом. Лицевая сторона украшена по центру изображением шестилепесткового остроконечного цветка в круге с волнистым растительным орнаментом, двух стилизованных крестообразных фигур и двух стилизованных кипарисов по сторонам от него. На подносе дата «1853» и надпись кириллицей и

греческими (?) буквами. Лицевая сторона подноса медного цвета, оборотная – серебристого.

4.3. Чаша металлическая (КП–10791; ИБ–6151), Крым, 1656 г. С округлым дном, переходящим в тулово, с широким прямым бортиком и утолщенным венчиком. На бортике орнамент в виде концентрических линий и врезная с штрихованными вставками владельческая надпись на армянском языке «СЫН ГРИКОРА ГАСПАР ГОД 1107 = ГАСПАР (КАСПАР), СЫН ГРИКОРА. ГОД 1656». Надпись с двух сторон украшена врезным стилизованным орнаментом в виде трилистников. Подобные чаши были характерны для Персии в XVII – XIX вв. Богато орнаментировались и служили для подачи на стол фруктов и сладостей во время праздников. Возможно, местный мастер перенял форму сосуда, редкую для мастерских полуострова. Перевод надписи выполнен кандидатом исторических наук Саргсян Татевик Эдуардовной.

5. К традиционный бытовым предметам относится «сундучок для хамама» начала XIX в. (КП–10794, ИБ–6154) (рис. 2). Сосуд с плоским дном, уплощенным округлым туловом, переходящим в широкое горло, со съемной крышкой. Крышка биконической формы, с подвижно закрепленной С-образной ручкой. Тулово и крышка украшены врезным орнаментом с чернением в виде пересекающихся зигзагообразных полос, куполообразных фигур, цветков и рыб, чередующихся с изображением латинского креста со скругленными концами. На горле сосуда в орнаментальной полосе надпись на греческом языке «Дар Иоанна». Для закрепления крышки на тулове припаяны петли и крючок. Аналогичные ларцы продолжают использоваться в Турецкой Республике для хранения необходимых личных мелких предметов гигиены при походе в баню – мыло, масла, мочалка, пемза, пештемаль (традиционное хлопковое полотенце). Данный традиционный турецкий предмет принадлежал владелице-христианке (гречанке).

Рис. 2 «Сундучок для хамама», начало XIX в. (КП–10794, ИБ–6154)

6. Группа предметов, использовавшихся для хранения или употребления жидкостей, представлена кружками для молока или айрана конца XIX – начала XX в. (КП–10737, ИБ–6109) и стаканом для воды. Употребление молочных продуктов было широко распространено среди жителей Крыма, особенно в степной его части. Например, степняки крымские татары пили кобылье молоко, известно употребляемое крымскими татарами, караимами и крымчаками кислое молоко «къатыкъ», а также «язма» – къатыкъ, разбавленный водой. Подобные блюда встречаются и у других старожильческих народов Крыма – армян, греков, крымчаков. У армян в традиционных маслобойках «хноци» делалось сливочное масло, а вместе с маслом получали кисломолочный продукт тан. Любопытен орнаментированный стакан конца XIX – начала XX в. (КП–10745, ИБ–6117). Снаружи тулово украшено стилизованным врезным растительным орнаментом в виде арабской вязи с мелкими точками и концентрическими полосами. Стакан высокий конической формы с узким дном на кольцевой подставке.

7. Отдельным блоком можно выделить вещи и столовые приборы, изготовленные на заводах Российской и Германской империй конца XIX – первой половины XX в.:

7.1. Кнопка для сыра, Россия, XIX в. (КП–10807, ИБ–6167). В виде гладкой кнопки с круглой слегка вогнутой шляпкой с рельефным краем и плоской раздвоенной ножкой. На ножке клейма: «84», знак в виде пересеченных инструментов и «ЕК». Кнопка втыкалась в сыр и служила упором для пальца при нарезании сыра.

7.2. Нож для торта (КП–10798, ИБ–6158) и пашотница (КП–10805, ИБ–6165), конец XIX – начало XX в. Изделия Вюртембергской фабрики металлических изделий (WMF), которая открылась в 1850 г. в городе Гайлингер королевства Вюртемберг (юго-запад Германии). Фабрика выпускала подсвечники, лампы, чайники и другие предметы домашнего обихода. Основные материалы, из которых изготавливалась продукция – медь и бронза. Столовые приборы серебрили. Фабрика продолжает работать и производить высококачественную продукцию.

Представленное собрание предметов демонстрирует бережное сохранение и преемственность традиций, духовное и материаль-

ное взаимодействие народов Крыма, освоение местными мастерами технологий производства сосудов, бытовавших в среде народов, проживавших в Османской империи и других пограничных государствах. Ряд предметов из закупленной коллекции уже экспонируется на стационарной выставке «Мозаика культур и народов Крыма», возможно их дальнейшее экспонирование на временных тематических выставках. Закупленная коллекция благодаря своему орнаментальному и эпиграфическому оформлению представляет исключительный научный интерес.

Литература

1. Ломакина М. А. Дары с христианской символикой // Мир музея. - 2025. - № 3 (451). - С. 19–22.
2. Манучарян Ш. Г. Возникновение армянских поселений на полуострове // Сквозь века. Народы Крыма / Академия гуманитарных наук; под ред. Н. Николаенко. Вып. 1.- Симферополь, 1995. - С. 33–58.
3. Миронова Н. В. Формирование фондовых коллекций Крымского этнографического музея путем закупок в 2015–2023 гг. // Этнография Крыма и сопредельных территорий: Материалы I этнографических чтений, г. Симферополь, 14–15 декабря 2023 г. / Крымский этнографический музей. - Симферополь: Антиква, 2024. - С. 112–119.

Л. А. Науменко

ТЕМА ТЕКСТИЛЯ В ЭКСОЗИЦИОННО-ВЫСТАВОЧНОЙ РАБОТЕ КРЫМСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

L. A. Naumenko

THE TOPIC OF TEXTILE IN THE EXHIBITION WORK OF THE CRIMEAN ETHNOGRAPHIC MUSEUM

Аннотация. *В статье дается анализ выставочной деятельности Крымского этнографического музея по экспонированию текстильных изделий. Подымается проблема комплектования и изучения музейного текстиля. Акцентируется внимание на советском текстиле и вопросах его атрибуции.*

Ключевые слова. *Коллекция, музей, музейный текстиль, традиционный текстиль, советский текстиль, текстиль декоративного убранства дома.*

Abstract. *The article provides an analysis of textile products exhibition activities of the Crimean Ethnographic Museum. The problem of the acquisition and study of museum textile is raised. Attention is focused on Soviet textile and the issues of its attribution.*

Keywords. *Collection, museum, museum textile, traditional textile, soviet textile, decorative home textile.*

Тема текстиля занимает важное место в экспозиционно-выставочной работе Крымского этнографического музея, поскольку традиционный костюм и тканые изделия, традиционный текстиль и изделия из текстиля декоративного убранства дома являются ярким отражением культурного многообразия, исторического наследия и ремесленных традиций народов Крыма. Коллекция тканей в собрании Крымского этнографического музея является доминирующей и датируется в целом концом XIX – серединой XX веков. Условно собрание тканей Крымского этнографического музея можно разделить на две группы – традиционный текстиль, наделенный этнической спецификой, и текстиль советского периода, когда практически стирается национальный элемент, унифицируются предметы декоратив-

ного убранства дома, а национальный костюм полностью исчезает [2, с. 115]. Музей располагает значительной коллекцией традиционных изделий из ткани (женские и мужские национальные костюмы, головные уборы, элементы костюмов), коллекцией традиционного ритуального текстиля (рушники различного назначения, элементы свадебного обряда (например, у крымских татар)), а также изделий домашнего текстиля (скатерти, покрывала, занавески и пр.) [4].

В настоящее время «текстиль» как музейный предмет и музейная коллекция не вызывает особого интереса у коллекционеров и исследователей. Это не является новшеством или тенденцией времени. Текстиль как предмет собирания представлял и представляет интерес для достаточно ограниченного круга любителей старины. Как правило, на изделия из ткани мало обращают внимание (исключением является национальный костюм). А предметы домашнего обихода практически не считают интересными для исследования и коллекционирования.

С момента создания музея и по настоящее время в Крымском этнографическом музее шел процесс формирования коллекции текстильных изделий. Но к вопросу самостоятельного исследования и представления коллекции сотрудники музея не обращались. В раскрытии тем выставок предметы из текстиля не использовались как доминирующее звено или предмет исследования. В большей степени для представления культуры или обряда того или иного народа использовались элементы одежды и предметы ритуального назначения из традиционного текстиля.

Первая попытка целенаправленной работы с коллекцией текстиля была предпринята коллективом Крымского этнографического музея в 2012 г. при осуществлении проекта «Музей украинской вышивки им. В. С. Роик» [1, с. 80, 5].

Так исторически сложилось, что коллекция текстиля по украинской культуре оказалась самой укомплектованной. Крым входил в состав Украины, и, соответственно, коллекция формировалась из предметов этого региона. В собрании музея хранятся текстильные изделия всех областей Украины [4, с. 359–360]. Используя коллекционный показ в экспозиционном пространстве были представлены самые разнообразные по функционалу изделия традиционного текстиля кон. XIX – нач. XX вв. и текстиля декоративного убранства дома 20-х – 60-х гг. XX в.

В дальнейшем к теме текстиля обратились только в 2020 г. при работе над выставкой «Декоративный текстиль народов Крыма», которая экспонировалась в галерее Крымского этнографического музея с июля по ноябрь. Выставлялось 180 изделий, большая часть которых была представлена впервые. Демонстрировался как традиционный, так и текстиль советского периода [6]. Главной задачей выставки было показать разнообразие текстильных изделий коллекции музея, подчеркнуть, что выставка демонстрируют не только эстетическую ценность предметов, но и их социальный, ритуальный и бытовой контекст, расширить хронологические рамки показа, не ограничиваясь только традиционным текстилем.

Продолжая работать в вопросе формирования и изучения коллекции текстильных изделий Крымского этнографического музея к их представлению вернулись в 2023 г. Было решено доработать и повторить выставку «Декоративный текстиль народов Крыма», которая экспонировалась с 9 июня по 9 сентября. Если предыдущая выставка показывала разнообразие коллекции музея, то целью выставки 2023 г. было всестороннее представление и осмысление декоративного текстиля как яркого свидетельства культурного многообразия и художественного мастерства народов Крыма. Акцентировалось внимание на текстиле 50–60-х гг. XX в. Уделялось

Рис. 1. Фрагмент выставки «Декоративный текстиль народов Крыма», 2020 г.

внимание винтажным вещам. На выставке демонстрировалось 120 предметов [7].

Учитывая проделанную работу в Крымском этнографическом музее в 2024 году начинают работу по подготовке выездного проекта «Сохраненная красота. Традиционный текстиль народов Крыма», который был осуществлен на базе Вологодского государственного историко-культурного музея-заповедника в Музее кружева. Около 140 предметов традиционного текстиля музейного собрания экспонировались на выставке. Хронологические рамки – кон. XIX – нач. XX в. Представлены были предметы как утилитарного назначения, так и традиционные костюмы, и элементы костюма [3, с. 118].

К 2025 году сложились все обстоятельства для показа той части текстильной коллекции, которая в большей части практически не выставлялась. С июня по сентябрь 2025 г. Крымский этнографический музей представляет выставку «Советский декоративный текстиль» [8]. Цель выставки – показать многообразие коллекции декоративного текстиля советского периода собрания Крымского этнографического музея.

Рис. 2. Фрагмент выставки «Сохраненная красота: традиционный текстиль народов Крыма», г. Вологда, 2024 г.

Задачи выставки – демонстрация функционального текстиля декоративного убранства дома из фондов Крымского этнографического музея; расширение знаний посетителей о народном творчестве советского периода; привлечение внимания общественности к деятельности музея по формированию фондового собрания; популяризация коллекций Крымского этнографического музея.

Рис. 3. Фрагмент выставки «Советский декоративный текстиль», 2025 г.

Впервые в музейном пространстве экспонировался текстиль функционального назначения советского периода, где представлялось около 200 предметов собрания. Для большей визуализации в экспозиционный ряд были включены фотографии интерьеров жилищ советских людей 40-70-х гг. XX века. Многие предметы демонстрировались впервые. Экспозиция предполагала, на сколько возможно в ограниченном площадью выставочном зале, показать все направления функционального текстиля – от носовых платков и женских аксессуаров до крупных интерьерных предметов (скатерти, занавески).

Таким, образом, историческое значение музейного текстиля домашнего убранства дома (функционального текстиля) чрезвычайно велико, поскольку он является уникальным и многогранным источником информации о повседневной жизни, культуре, экономике, социальной структуре и эстетических предпочтениях прошлых эпох. Музейный текстиль это:

1. Отражение повседневной жизни (текстиль в домашнем обиходе – это не просто утилитарные предметы (полотенца, скатерти,

занавески, постельное бельё, одежда, ковры и т. д.), а материальные свидетельства быта).

2. Этнографический и культурный код (демонстрирует региональные особенности, традиции и верования).

3. Экономическая и технологическая история (анализ тканей, уровень текстильного производства, торговые связи, развитие бытовых технологий).

4. Гендерная история (текстиль в домашнем обиходе – это в первую очередь продукт женского труда, как через рукоделие выражались женская идентичность, статус, образованность).

5. Эстетика и художественная ценность (даже простые бытовые вещи часто обладают высокой художественной выразительностью, являются частью народного и декоративно-прикладного искусства).

6. Социальная память и идентичность (хранит память о семье, он становится носителем коллективной памяти, особенно в условиях утраты традиционного уклада).

7. Научная и музейная ценность (история «повседневности»).

Музейный текстиль домашнего убранства дома – материализованная история повседневности, в которой запечатлены труд, верования, эстетика, социальные нормы и личные судьбы. Его сохранение, изучение и экспонирование позволяют современному посетителю прикоснуться к живой, человечной стороне прошлого.

Литература

1. Науменко Л.А. К вопросу создания Музея украинской вышивки имени В.Роик // V Международная научно-практическая конференция, посвященная 30-летию Крымского этнографического музея «Этногафия Крыма XIX – XXI вв. и современные этнокультурные процессы». Материалы и исследования. – Симферополь: Антиква, 2025. – С. 74-81

2. Науменко Л.А. К вопросу сохранения и популяризации традиционной восточнославянской вышивки на примере выставочной деятельности Крымского этнографического музея // II Крымские этнографические чтения «Этнография Крыма и сопредельных территорий». Материалы и исследования. Выпуск 2. – Симферополь: Антиква, 2025. – С. 114-122

3. Науменко Л.А. К вопросу сохранения и популяризации традиционной восточнославянской вышивки на примере выставочной деятельности Крымского этнографического музея // II Крымские этнографические чтения «Этнография Крыма и сопредельных территорий». Материалы и исследования. Выпуск 2. – Симферополь: Антиква, 2025. – С. 114-122

4. Науменко Л.А. Крымский этнографический музей: первые десять лет…// Этнография Крыма XIX – XX вв. и современные этнокультурные процессы. Материалы и исследования. – Симферополь, 2002. – С. 355-361

5. Науменко Л.А. Этнокультурное наследие украинцев в Крыму: создание музея украинской вышивки им. В.Роик // Роль музеев в презентации и актуализации знаний по истории и культуре народов и национальных групп и осуществление межкультурной коммуникации. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2020. – С. 124-130.

6. Электронный ресурс: https://mkult.rk.gov.ru/articles/db60d088-3f08-4a96-9c53-c25261bcdaa1 (2020) (дата обращения 14.08.2026)

7. Электронный ресурс: https://mkult.rk.gov.ru/articles/e2537071-df96-4f6d-8c1c-38ac48bba780 (2023) (дата обращения 14.08.2026)

8. Электронный ресурс: https://ethnocrimea.ru/ru/publish/otkrytie-vystavki-sovetskij-dekorativnyj-tekstil.html (дата обращения 14.08.2026)

Г. Н. Овчинникова

ДОКУМЕНТЫ ГОСАРХИВА РЕСПУБЛИКИ КРЫМ О ФОРМИРОВАНИИ СЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В КРЫМУ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКОВ

G. N. Ovchinnikova

DOCUMENTS OF THE STATE ARCHIVE OF THE REPUBLIC OF CRIMEA ON THE FORMATION OF THE SLAVIC POPULATION IN CRIMEA IN THE LATE XVIII-TH AND EARLY XIX TH CENTURIES

***Аннотация**. В статье анализируются факты из документов Госархива Республики Крым, раскрывающие процесс эмиграции крымских татар в Турцию и заселения полуострова представителями славянского населения после его присоединения к Российской империи.*

***Ключевые слова**. Крымские татары, эмиграция, переселенцы, помещичьи экономии, славянское население, крепостные крестьяне.*

***Annotation.** The article analyses facts from the documents of the State Archive of the Republic of Crimea, revealing the emigration process of Crimean Tatars to Turkey and the settlement of the peninsula by representatives of the Slavic population after its annexation to the Russian Empire.*

***Key words.** Crimean Tatars, emigration, migrators, landlord's estates, Slavic population, peasant serfs.*

В конце XVIII века развернулась активная эмиграция крымских татар в Турцию. О её масштабах свидетельствуют, документы Госархива Республики Крым, в том числе, касающиеся его западного Тарханкутского полуострова. В «*Деле об отъезжающих из Тарханского кута за границу*», датируемом 1786 годом, сказано, что деревню Ой-Эли (Меловое) покинули 6 семей (40 человек). Среди эмигрантов, отплывших в Турцию под покровом ночи, значатся: Шейх Ариф Мемет Эфенди с женой и детьми, Мустафа Челеби с женой, Сабла Челеби с женой, сыном, дочерью, братом, Мулла Гасан и другие [1, л. 4]. Из Большого и Малого Тарпанчи (Окунёвка) бежали 11 семей, из деревни Джанбаба (Марьино) – 24 человека. После эмигрантов остались дома, скот, хозяйственные постройки [1, л. 36, 39]. Судя по количеству оставленного имущества, свои сёла покидали как зажиточная часть населения, так и люди среднего достатка. Екатерина II и Г. А. Потёмкин были обеспокоены сложившейся ситуацией. Поэтому на Тарханкут и в другие регионы Крыма направлялись офицеры и специальные команды для изучения причин недовольства со стороны крымских татар новой властью, а также предотвращения попыток их бегства в Турцию. 24 июля 1786 года подполковник Беляев представил Рапорт Правителю Таврической области В. В. Каховскому о поездке на Тарханкут «*с целью выяснения, кто недоволен и чем из татар и есть ли желающие бежать в Турцию*». Недовольные оказались только необходимостью покупать соль, которую раньше получали бесплатно. Желающие бежать в Турцию были выявлены в нескольких деревнях: Киркульчук (Чистополье, ныне не существует), Карагаджи (Оленевка), Тип-Костель (ныне не существует) и других [1, л. 19, 20, 24].

В связи с эмиграцией крымских татар, в Таврической губернии увеличилось количество пустующих земель, что снижало прибыльность сельского хозяйства. Поэтому царское правительство активно содействовало их заселению. Значительную часть земельных угодий щедро раздавали российской знати, высокопоставленным чиновникам, офицерам и другим лицам. Так, по данным Ф. Ф. Лашкова, в Крыму в конце XVIII века было роздано лицам разного звания около 625 тысяч десятин земли [8, с. 133]. Новые хозяева заселяли приобретённые земли крепостными крестьянами, завезёнными из других имений, или охотно принимали беглых, закрепощая их. Таким образом, возрождались ранее покинутые населённые пункты Крымского полуострова.

В «Предписании Таврическому дворянскому собранию «О земских повинностях, следуемых с 12 августа 1811 года» содержатся интересные сведения о национальном составе переселенцев, их социальном статусе. В числе помещичьих крестьян названы 213 «*великороссийских*» и 10820 «*малороссийских*». «*Среди платящих в казну подати*» указаны 12894 казака, 6654 «*воинских поселянина*», 78 «*коронно-посполитых*» [2, л. 27, 28]. Наряду с помещичьими крестьянами на полуострове проживали: 35 государственных, 234 «*экономических*» крестьянина, 326 «*свободных земледельцев*», а также 514 человек, «*поступивших в казённое ведомство от упразднён-*

ных монастырей», «*облагаемых податями*» [2, л. 27]. Среди «*состоящих на льготах*» по уплате податей – 168 «*воинских выходцев и другого звания людей*», 4204 «*однодворца*», 65 «*экономических*» крестьян, 474 «*экономических малороссиян*», 11872 казака, 29 «*коронных обывателей*», 93 «*коронных крестьянина*», 56 «*воинских поселян*». Общее количество сельского населения, платящего подати составило 32820 человек; «*состоящих на льготах*» – 19638 человек (без учёта мусульманского населения) [2, л. 28, 29]. Таким образом: среди сельских жителей Таврической губернии по состоянию на 1811 год насчитывалось 52458 переселенца, значительную часть которых составляли русские и малороссияне; 37,4% этих переселенцев были освобождены от уплаты податей, что соответствовало царской политике по заселению южных земель Российской империи.

Рис. 1. Старинное славянское кладбище на Тарханкуте. Фото Г. Н. Овчинниковой

На Тарханкуте (Западный Крым) в числе первых на полуострове появляются экономии российской знати, высокопоставленных чиновников. Так, в 1784 году 5807 десятин земли с селами Арабаджи, Кир-Абузлар, Ели-Абузлар (ныне не существуют), Аблагаджи (Калиновка), Кармыш (Глубокое, ныне не существует), Кельшеих (Смушковое, ныне не существует) по повелению князя Потемкина были переданы тайному советнику генерал-майору В. С. Попову, формально отмежёванные за ним в 1786 году под названием дачи Тарханской. В 1789 году к нему переходят ещё 16732 десятины с деревнями Кунан (Красносельское), Шамак (Барановка, ныне не существует), Ели-Агаш, Биюк-Кастель (ныне не существуют), Ой-Эли (Меловое, ныне не существует) и Кипчак (ныне не существует), объединённые под общим названием дачи Тархан-Сарыгольской. В деревнях Караджи (Оленевка) и вновь созданной Степановке помещик поселил 2178 душ крепостных крестьян, завезённых из сёл Васильевка Мелитопольской и Решетиловка Полтавской губерний [3, л. 3]. В 1824 году земли около Ак-Мечетской бухты покупает М. С. Воронцов и к 1835 году возрождает здесь селение Ак-Мечеть (Черноморское), ранее покинутое его жителями [4]. В конце XVIII – первой половине XIX веков на Тарханкуте находились также имения полковника Кесвогло, секунд-майора Енакиева, государственного деятеля А. Я. Фабра. Заброшенные и опустевшие сёла были заселены переселенцами из южных губерний Российской империи.

О возрождении ранее опустевших населённых пунктов свидетельствуют следующие факты.

В списке «*Деревень и селений, оставшихся после выхода татар за границу с 1800 по 1806 г.г.*», размещённом в Памятной книге Таврической губернии за 1867 год, на Тарханкуте обозначены 7 сёл, находящиеся «*в развалинах*»: Тарпанчи (Окунёвка), Улан-Эли (Глебовка), Кармыш (Глубокое), Кельшеих (Смушковое), Ак-Шеих (Раздольное), Дорт Сакал (Ленское), Учкую Кипчак (Майорово). Однако в дальнейшем все они возродились за счёт новых переселенцев. Значительно пополнили численность жителей и другие поселения Тарханкута. Так, в село Яшпек (Внуково) прибыли колонисты из Мелитопольского уезда, в Кельшеих – «*малороссияне*» и «*мещане*». В сёлах Агоджа (Дозорное), Кульсадык (Куликово, ныне не существует), Садыр (Хмелёво), Калач (Калачи, ныне не существует) поселились этнические немцы [9, с. 436].

Одним из самых первых и наиболее простых способов решения проблемы увеличения численности населения Крыма сразу же после его присоединения к России было поселение здесь увольняемых в отставку русских и малороссийских солдат, которые снабжались амуницией, денежным жалованием, провиантом и под командой специально назначенных офицеров направлялись на новые места проживания. В Госархиве Республики Крым находится «Дело по ордеру Его Светлости князя Г. А. Потемкина об отправлении расположенных по Делу назначенных в отставку из полков Кубанского корпуса нижних чинов на поселение в Тавриду», датируемое 2 мар-

та 1787 года [5]. В нем названы фамилии 36 человек, направляемых на полуостров. Среди них:

Спиридон Спиридонов, 38 лет;
Алексей Полетаев, 30 лет;
Афанасий Плетнев, 57 лет;
Тихон Степанов, 50 лет;
Алексей Пигалев, 44 года;
Андрей Козин, 36 лет;
Савелий Захаров, 30 лет, и другие [5, л. 10-15].

В этом же «Деле <…>» содержится «*Ведомость о числе назначенных за разными неспособностями к отставке из полков в корпусе Кубанском состоящих нижних чинов* <…>», где сказано, об отправке на поселение в Тавриду 411 человек из Низовского, Воронежского пехотных, Нижегородского и Владимирского драгунских полков [5, л. 80, 81].

Солдатам нужны были семьи и в Тавриду повезли женщин. В первую очередь это были жены отставных солдат, во вторую – вдовы погибших во время русско-турецких войн нижних чинов. Предстояло решить нелегкую задачу – выявить новое места прожи-

Рис. 2. Развалины мусульманской мечети на территории бывшей деревни Чокрак. Тарханкут. Фото Г. Н. Овчинниковой

вания бывших служилых людей и именно туда доставить их жен, а также подобрать мужей вдовам погибших солдат. Видимо не все получалось благополучно. Ведь в архивных документах сохранились сведения о том, что отставные солдаты узнавали в женах других мужчин своих прежних спутниц жизни и просили вышестоящих чиновников вернуть их прежним мужьям [6, л. 42]. Согласно «Списку рекрутских жен, направляемых Екатеринославским наместничеством в Таврическую область к месту службы их мужей в пехотных полках и батальонах», в 1786 году поселянки прибыли из Калужского, Орловского, Рязанского, Тульского, Тамбовского, Смоленского, Воронежского, Рижского, Курского, Саратовского, Пензенского наместничеств [6]. Всего было в этой партии «*1477 душ*», из них «*в расход вышли*» 1353, то есть, «*в разные места замуж – 132, в Бахчисарай на жительство – 80, в Алешки за поселян – 46, в Старый Крым за поселян – 40, «здесь помре» – 23, в разные полки и батальоны к их мужьям – 1039* <…>». 144 из оставшегося числа были направлены «*с отлучкой*» в Судак, Козлов, Севастополь, Карасубазар, Бахчисарай, Ак-Мечеть (Симферополь) [6, л. 38–40].

Следующим направлением переселенческой политики становится отправка в Крым на поселение сельских жителей из Киевской, Черниговской, Полтавской, Харьковской, Воронежской, Екатеринославской, Курской, Рязанской, Орловской, Тамбовской и некоторых других губерний Российской империи. Крепостные крестьяне прибывали вслед за своими господами из числа чиновников разных рангов, офицеров армии флота, получивших земли на полуострове в награду за службу. По национальной принадлежности это были, как правило, русские и малороссияне.

Государственные крестьяне ехали первоначально на заработки, затем оставались в Таврической области на постоянное место жительство. Зачастую им приходилось проходить специально разработанную процедуру допроса.

В деле «Доношения о допросе людей, находящихся на заработках в Таврической области и желающих здесь остаться на постоянное место жительства», названы: «*Финагей Пологов*» (Кременчугское наместничество), «*Фенагей Яковлев сын*», прозванный «*Колосов*» из Полтавской волости, «*Самсон Степанов сын*» (местечко Чернобыль Полтавской волости), «*Федор Фомин сын Борисова*» (Курское наместничество) и другие переселенцы [7, л. 38–43]. В том же деле содержатся: Прошение от запорожских казаков *Андрея Белого*, членов его семьи и родственников об определении их на постоян-

ное место жительства в Таврической области, а также аналогичное прошение от «польских выходцев» *Остапа Загороднего*, сына его *Ивана Загороднего*, *Никифора Хлевного* и других из слободы Новопетровской Екатеринославского наместничества [7, л. 45, 46].

Таким образом, в конце XVIII – начале XIX веков в Крыму произошёл процесс изменения этнического состава населения в ходе эмиграции крымских татар и переселения на полуостров представителей славянских этносов. С одной стороны, Крым активно покидали крымские татары, с другой – целенаправленная политика российских властей способствовала заселению опустевших территорий выходцами из других регионов Российской империи.

Литература

1. Госархив Республики Крым (далее ГАРК). Ф. 799. Оп. 3. Д. 16.
2. ГАРК. Ф. 49. Оп. 1. Д. 363.
3. ГАРК. Ф. 535. Оп. 1. Д. 73.
4. ГАРК. Ф. 377. Оп. 21. Д. 23.
5. ГАРК. Ф. 799. Оп. 3. Д. 34.
6. ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 28.
7. ГАРК. Ф. 799. Оп. 3. Д. 12.
8. Лашков Ф.Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения. – Симферополь, 1897. – 338 с., илл.
9. Памятная книга Таврической губернии, изданная Таврическим губернским статистическим комитетом, составлена под редакцией секретаря статистического комитета К.В. Ханацкого. Выпуск первый. – Симферополь, 1867

В. З. Тирияки, Н.В. Павленкова

ТРАДИЦИОННЫЙ ПАСХАЛЬНЫЙ ХЛЕБ КРЫМСКИХ КАРАИМОВ

V. Tiriyaki, N. Pavlenkova

TRADITIONAL PASSOVER BREAD OF THE CRIMEAN KARAITES

Аннотация. *Пасха (Песах) – один из главных праздников караимов, в первый день которого строго соблюдается гастрономический набор: печеное мясо ягненка, горькие овощи и пресный хлеб. Оформление пасхального пресного хлеба у крымских караимов оригинально и не встречается у других народов: круглый, с защипами по окружности, символизирует солнце с расходящимися лучами. На его поверхности наносили геометрический орнамент деревянными гребешками. В евпаторийском Музее истории и этнографии крымских караимов им. С. И. Кушуль собрана наиболее полная коллекция гребешков и рисунков на пасхальном хлебе. Традиция выпечки пасхального хлеба ныне сохраняется, крымские караимы свято хранят древние традиции и передают из поколения в поколение.*

Ключевые слова. *Песах, крымские караимы, пасхальный хлеб, деревянные гребешки, музей истории и этнографии крымских караимов имени С. И. Кушуль.*

Abstract. *Passover is one of the main holidays of the Karaites, on the first day of which the gastronomic set is strictlyobserved: baked lamb, bitter vegetables and unleavened bread. The design of Easter unleavened bread among the Crimean Karaites is original and not found among other peoples: round, with pinches around the circumference, symbolises the sun with divergent rays. A geometric ornament was applied to its surface with wooden scallops. In the Evpatoria Museum of History and Ethnography of the Crimean Karaites named after S. Kushul collected the most complete collection of scallops and drawings on Easter bread. The tradition of baking Easter bread is now preserved, the Crimean Karaites sacredly preserve ancient traditions and pass them down from generation to generation.*

Keywords. *Passover, Crimean Karaites, Passover bread, wooden scallops, Museum of History and Ethnography of Crimean Karaites named by S.I. Kushul.*

Разнообразие религиозных воззрений свидетельствует о том, что духовное содержание того или иного вероучения не может удовлетворить все человечество. Каждый человек, народ или общество выбирают свой путь к Богу, который представляется для них наиболее верным. Не важно, сколько людей проходит этим путем: сотни миллионов или всего лишь тысячи – следовать за большинством не означает всегда поступать правильно. Духовность – категория нравственная, она не имеет количественного измерения и качественного сравнения, она либо есть, либо ее нет. Как все монотеистические вероучения — иудаизм, христианство, ислам – караимизм возник в семитской среде. Наиболее распространенной, но не единственной, является версия о появлении его основ в VIII в. н.э. в Багдаде при халифе Абу Джафаре аль Мансур. Столетие спустя вероучение оформилось в самостоятельную религиозную доктрину. Во второй половине VIII в. еврейский богослов, один из претендентов на пост эксиларха – светского лидера вавилонских евреев – Анан бен Давид, составивший вместе со своими сторонниками оппозицию Талмуду и его последователям, провозгласил новаторский принцип изучения Священного Писания: «Тщательно ищите в Законе и не полагайтесь на мое мнение». Это заявление стало рассматриваться как величайшее святотатство, ставившее под сомнение слова и мнения еврейских мудрецов, отраженные в Талмуде, да и саму святость его, как устного дополнения к письменной Торе, в которой он никак не упоминался.

Основываясь на 8 стихе 18 Псалма «Закон Господа совершенен...» и заповеди «Не прибавляйте к тому, что Я заповедую вам, и не убавляйте от того...» (Второзаконие, 4:2), караимы уверовали, что Закон Господа содержит абсолютно все, необходимое человеку для праведной жизни. Поэтому постановления Нового Завета, Корана и Талмуда, как дополняющие Закон Божий, сакрального влияния на караимов не оказали. Был провозглашен принцип библейской чистоты Закона, не нарушаемой рукотворными дополнениями.

Чтобы лучше знать, понимать и точнее исполнять заповеди Всевышнего, караимы изучали тексты Священного Писания в языке оригинала – древнееврейском. Этот язык, по образному определению православного священника, профессора Герасима Павского, «Небесная истина определила в орудие своего слова». Дай Всевышний заповеди на китайском, следовало бы изучать китайский.

Любые действия религиозной, социальной, бытовой, гастрономической, семейной значимости сверялись с текстом Священного Писания. Если находилось прямое указание или можно было

применить аналогию, действия считалось дозволенным. Совпадение религиозных обрядов в караимизме с таковыми в иных вероучениях объясняются не заимствованием, а прямым исполнением указания Торы. Так, например, Пророк Моисей пас овец около горы Синай и вдруг увидел небывалое чудо: горит терновый куст, горит, но не сгорает. Приблизившись к кусту, пророк услышал из среды огня голос: «... не подходи сюда; сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая». Именно эти слова, а не обрядовое заимствование из ислама заставляют караимов снимать обувь при входе в кенасу, которой они придают святость храма.

Рис. 1. Витрина музея, посвященная празднику Пасхи

Праздниками для них являются только те, что указаны в тексте Священного писания: Песах, Шавуот, Йом Тэруа, Киппур, Суккот, Пурим. А все посты основаны в память падения Иерусалима и разрушения Первого Храма. Ведь о падении Второго Храма в Священном Писании нет сведений. Из всего сказанного можно сделать простой вывод: караимы веруют только в то, что указано в Священном Писании на языке оригинала.

Праздник Песах (Пасха) является одним из трех великих паломнических праздников, приуроченных к окончанию определенного сельскохозяйственного периода на широте Святой Земли, в данном случае — окончании ячменной жатвы. Это единственный праздник, для которого указано в первый день строгое соблюдение части гастрономического набора: печеное на огне мясо ягненка, горькие овощи и пресный хлеб.

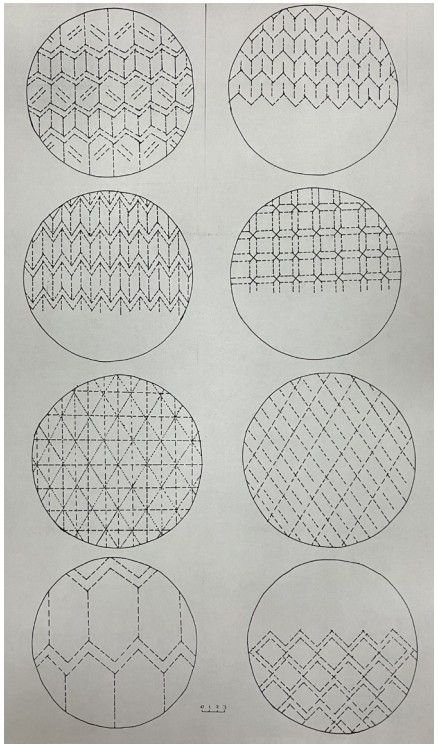

Рис.2. Типы орнамента на пасхальном хлебе – тымбыл. Из коллекции МИЭКК

Главным блюдом праздничного стола и символом всей пасхальной недели были пресные печеные лепешки – *тымбыл* или *мачча.* В языке крымских караимов отсутствует фонема «ц», поэтому произносится не «маца», а «мачча». Иногда вместо слова *тымбыл* употреблялось выражение *байрам ётмэги* – «праздничный хлеб». Исключительный интерес представляет оформление пасхального хлеба. Его необычный вид, не встречающийся у других народов, исключает вероятность заимствования технологии его приготовления. Ярким примером сохранения народных традиций крымских караимов является форма и орнаменты пасхального хлеба. Хотя традиция выпечки пасхальных опресноков базируется на библейском историческом материале, по своей форме тымбыл совершенно не похож на традиционную еврейскую мацу. Тымбыл должен быть обязательно круглым по форме (до 25 см в диаметре), толщина его колеблется от 1,5 до 2 см. По всей его окружности большим и указательным пальцами делаются защипы, благодаря которым он становился похожим на символическое изображение солнца с расходящимися лучами. Однако украшение пасхального хлеба этим не ограничивалось. Каждая хозяйка имела возможность проявить свою «орнаментальную» фантазию. С помощью деревянных гребешков – *ёрнэкъ тарагъы* – на поверхность тымбыла путем легкого вдавливания наносили симметричный орнамент геометрического рисунка. Нанесение орнаментальных узоров имело и практическое значение: благодаря проникновению гребешка в тесто, после выпечки тымбыл удобно было разламывать на кусочки. Следует отметить, что пасхальные опресноки у караимов Крыма отличаются от тымбыла караимов Литвы и Галиции. У последних, он представляет собой тонкие круглые неорнаментированные лепешки около 15 см в диаметре [1, с. 332]

Рис.3. Муляж пасхального хлеба – тымбыл. Экспозиция МИЭКК

Более 30 типов рисунков с орнаментами для тымбыла было собрано в 1950-е годы Борисом Яковлевичем Кокенаем (1893–1967), который собирал караимские древности, историю и фольклор, впоследствии передав все С. И. Кушуль. В Музее истории и этнографии крымских караимов имени С. И. Кушуль хранятся пять фотографий 1950-х гг. с рисунками пасхального хлеба, выполненными самим Б. Я. Кокенаем. На оборотной стороне фотографий – надпись: «Рисунки на тесте у караимов». На каждой фотографии расположено шесть типов орнамента: от простого геометрического до более сложного с изображением восьмилепесткового цветка [6]

Тымбыл крымские караимы выпекают из пшеничной муки высшего сорта – *сымыт*. В народной традиции караимов сохранилось наречение женским именем Сымыт (Симит), что в переводе обозначает муку наивысшего качества для выпечки хлеба и изделий в особо торжественных случаях: праздники, рождение ребенка, обрезание, свадьба, религиозные праздники [1, с. 325]. Ингредиенты пасхального хлеба у караимов очень просты – мука и вода. Иногда вместо воды для замеса использовали молоко, но смешивать различные жидкости категорически запрещается, так же, как и добавлять соль. На тщательно выскобленных и вымытых деревянных досках замешивали мягкое тесто. Порционное деление готового теста производилось деревянным ножом. В повседневной жизни такие ножи не использовались, они предназначались только для приготовления пасхального хлеба. Для предотвращения вздутия тымбыла при выпечке, перед закладкой в печь его прокалывали деревянными, острыми палочками. Выпекался тымбыл в печах, а в прошлом в специальных печах – *тандырах*.

Выпечкой тымбыла могли заниматься только те женщины, которые были «чисты» в ритуальном отношении накануне и во время

праздника. В противном случае они не только не допускались к приготовлению блюд, но и в период своего «очищения» находились в отдельном помещении – любой контакт с ними был запрещен. Если в нескольких малочисленных семьях женщины не могли заниматься приготовлением пасхального хлеба, то для этой цели нанимали мужчин, однако и над ними сохранялся строжайший контроль гигиены. Такая требовательность при выпечке пасхального хлеба у караимов объясняется строгими правилами соблюдения ритуальной чистоты.

Испеченный накануне Пасхи, а также на 3-й и 7-й день пасхальной недели (если эти дни не выпадали на субботу), пасхальный хлеб складывали стопкой, заворачивали в чистое полотенце или большую салфетку. Тымбыл – мягкий или слегка затвердевший – являлся ежедневным хлебом всей пасхальной недели. В продолжение семи дней праздника у крымских караимов действовал строгий запрет на выпечку в доме других видов хлеба, кроме тымбыла.

Рис.4. Типы деревянных гребешков для нанесения орнамента на пасхальный хлеб – тымбыл. Экспозиция МИЭКК

В 2026 году исполняется 30 лет со дня открытия Музея истории и этнографии крымских караимов имени С. И. Кушуль. Симита Исааковна Кушуль (1906–1996) – выдающийся караимский общественный деятель и собиратель караимского материального и духовного наследия, лауреат премий С. Э. Дувана и И. И. Казаса, автор ряда публикаций по истории крымских караимов. Главным делом ее жизни стало сохранение наследия своего народа, а итогом ее кропотливого труда – открытие караимского музея, где она собственноручно перерезала красную ленточку 10 августа 1996 года. В коллекции музея собраны предметы быта: мебель, домашняя утварь, традиционная одежда с великолепной вышивкой золотной нитью, рукописи, книги, картины, документы, музыкальные инструменты, портретная галерея и множество семейных фотографий. Среди них и коллекция деревянных гребешков для приготовления пасхального хлеба – *ёрнэкъ тарагъы*. Формировалась эта коллекция на протяжении многих лет. Передавали их Симите Исааковне из семьи Григулевич, от наследников семьи Сараф в 1974 году, из семьи Ильи Исааковича и Эстер Ильиничны Мичри в апреле 1979 года через Я. А. Балык [2]

Продолжалось пополнение коллекции пасхальных гребешков музея и в последующие годы – от Софьи Исааковны Терьяки, из семьи Тотеке Байрактар-Юрга [3].

В настоящее время в музее собран 51 гребешок – это наиболее полная коллекция оригинальных деревянных гребешков для пасхального тымбыла. Все имеющиеся в коллекции гребешки различны по форме, но объединяет их единство материала – дерево и обязательно зубчатый край, иногда двойной. Изготавливали гребешки мастера исключительно из дерева, так как металл у караимов считался потенциальным материалом для изготовления оружия. Поэтому из дерева изготавливали не только гребешки, но и тонкие деревянные ножи, совки для муки и т.д. По форме пасхальные гребешки не повторяются, каждый гребешок индивидуален, размер их варьирует от 3 х 9 до 6 х 9 см. Как правило, для удобного упора пальцем, двусторонние гребешки посередине сужаются и имеют изогнутый выступ. Одинарные гребешки имеют сверху небольшой выступ-ручку для удобства в работе. Собран в музее и ряд сопутствующих деревянных предметов, характеризующий весь процесс приготовления пасхального хлеба: совок для муки, качалка для теста и ножи [4]. Также в экспозиции музея представлены: муляж пасхального хлеба, рюмочка для пасхального вина с надписью «ПАСХА» на караимском языке на фоне геральдического щита, переданная в дар С. И. Мересиди и рюмочка для пасхального вина, переданная из семьи Майи Ченчик [5].

Каждая караимская семья имела свой набор гребешков и использовала их только раз в году в пасхальные дни. Для приготовления и выпечки пасхальных опресноков в каждой караимской семье имелась специально для этого предназначенная и отдельно хранимая

посуда. Вместе с сопутствующими кухонными принадлежностями – *савут-сабан* – она использовалась только один раз в году на Пасху, а остальное время года хранилась на чердаке или в запирающемся на замок стенном шкафу – *долап*. Перед использованием специальной посуды ее тщательно очищали и мыли.

Традиция выпечки пасхального хлеба у крымских караимов сохраняется и поныне. Накануне праздника Пасхи в национальном кафе «Караман», расположенном на территории комплекса караимских кенас в Евпатории, выпекают большое количество тымбыла, а после вечерней праздничной молитвы раздают прихожанам. Тем же, кто не смог присутствовать на службе, социальная служба караимской общины привозит угощение на дом. Следует отметить, что на протяжении всех праздничных пасхальных дней в национальном кафе «Караман» не подают дрожжевую выпечку, а используют только печеные лепешки – тымбыл. Древние традиции крымские караимы хранят свято и передают из поколения в поколение.

Литература

1. Тирияки В.З., Павленкова Н.В. Традиционные изделия из теста у крымских караимов//Хлеб в народной культуре: Этнографические очерки/ Отв. ред. С.А. Арутюнов, Т.А. Воронина; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 2004. – 413 с. - С.323-340
2. Фонды Музея истории и этнографии крымских караимов имени С. И. Кушуль (МИЭКК). КП – 559-582; 591-604; 962-972
3. Фонды Музея истории и этнографии крымских караимов имени С. И. Кушуль. КП – 1024-1028; 1750-1754
4. Фонды Музея истории и этнографии крымских караимов имени С. И. Кушуль. КП- 607, 662, 662
5. Фонды Музея истории и этнографии крымских караимов имени С. И. Кушуль КП – 693, 1187
6. Фонды Музея истории и этнографии крымских караимов имени С. И. Кушуль.

И. Л. Петручек, Е. Г. Черкова

ОТ ЭКСПОНАТА К СУДЬБЕ: МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ И ПАМЯТНИКИ ЭСТОНСКОГО НАРОДА В КРЫМУ

I. L. Petruchek, E. G. Cherkova

FROM AN EXHIBIT TO DESTINY: MUSEUM COLLECTIONS AND MONUMENTS OF THE ESTONIAN PEOPLE IN CRIMEA

Аннотация. *В статье рассмотрены объекты исторического и культурного наследия, связанные с переселением, жизнью и деятельностью эстонцев в Крыму, а также представлены сведения о выдающихся личностях эстонского происхождения, внёсших вклад в историю и культуру региона.*

Ключевые слова*. Крымские эстонцы, этнография, краеведческий музей, мемориальные знаки, скульптуры.*

Annotation*. The article examines historical and cultural heritage sites related to the resettlement, life, and activities of Estonians in Crimea, and provides information about prominent Estonian individuals who have contributed to the history and culture of the region.*

Keywords*. Crimean Estonians, ethnography, museum of local lore, memorial signs, sculptures.*

Первые эстонцы-переселенцы из Эстляндской губернии появились в Крыму в 1861 г. Они либо заселяли пустующие деревни, оставшиеся после миграции крымских татар в Турцию, либо основывали новые поселения. Строили дома, школы, возделывали землю. Крымская земля стала родиной для новых поколений эстонцев. Следы присутствия эстонцев на крымской земле более полутора столетий прослеживаются в музейных собраниях, памятниках, названиях сёл, улиц, школ.

В настоящее время в Крыму есть один государственный и два муниципальных музея, имеющих в своих собраниях экспонаты, относящиеся к жизни и деятельности эстонских переселенцев.

Наибольшей коллекцией обладает ГБУ РК «Крымский этнографический музей» в Симферополе. Экспозиционный комплекс «Эстонцы» экспозиции «Мозаика культур Крыма» представляет собой интерьер гостиной комнаты («суур туба») в зажиточном доме крымского эстонца конца XIX века. Здесь представлены: мебель, посуда, ковер, швейная машинка, музыкальные инструменты, изделия декоративно-прикладного творчества. В фондах музея имеется более 300 фотографий, посвященных семейным, религиозным и культурным событиям в жизни крымских эстонцев [4].

МБУК «Первомайский районный исторический народный музей» в пгт Первомайское хранит памятные материалы об основателях эстонского поселения Джурчи, образованного ими в 1863 году. Информационные стенды повествуют об эстонцах Я. Я. Сальмане, Р. Ю. Валькмане, Г. Л Сандере, В. А. Аленине, имеющих звание «Почетный гражданин поселка Первомайское». Музейная экспозиция «Эстонцы» состоит из национального женского костюма, предметов быта, фотографий, а также литературы о крымских эстонцах. В центре поселения возле братской могилы, где захоронены воины Отдельной Приморской и 51-й армий, в 2007 году были установлены мемориальные плиты с именами бойцов, погибших на фронтах Великой Отечественной войны, 15 из этих героев – эстонцы.

В 2020 году членами Крымского эстонского общества была предпринята этнографическая экспедиция в село Новоэстония Красногвардейского района. Целью экспедиции был сбор экспонатов для экспозиции «Эстонцы» в МБУК «Красногвардейский районный краеведческий музей». В музей были переданы предметы домашней утвари, фотографии, изделия декоративно-прикладного творчества из эстонских семей.

В бывшем эстонском поселении Кончи-Шавва, основанном эстонцами в 1863 году, а ныне это село Краснодарка Красногвардейского района, силами эстонского общества в 2011 году был создан народный музей-усадьба «Eesti tare» («Эстонский дом»). Это аутентичный дом, построенный эстонской семьей Крискум в 1890 году. Само строение находится в частной собственности, но передано в пользование культурному сообществу. На территории усадьбы создан мемориал, одна часть которого – памятный знак «150 лет переселения, эстонцев в Крым», символизирующий трудность переселенческого пути и обустройства эстонцев в Крыму. А вторая часть мемориала – «Фонтан скорби» и мемориальные плиты, напоминающие потомкам о самых трагических моментах в жизни крымских эстонцев, связанных с репрессиями 1920–1950 гг. и гибелью на фронтах Великой Отечественной войны [8, с. 213].

На протяжении 10 лет (2004–2014 гг.) в МБОУ Александровская школа Красногвардейского района функционировал класс эстонского языка, преподавали в котором учителя из Эстонии. В школьном музее есть экспозиция, посвященная эстонской культуре.

В эстонском поселении Замрук (ныне село Береговое Бахчисарайского района), основанном в 1861 году, имеется площадь Эстонская. На фасаде здания почтамта членами Севастопольского эстонского общества установлены мемориальные доски уроженцу этого села общественному деятелю и публицисту Эдуарду Лааману, и писателю Эдуарду Вильде. Классик эстонской литературы Э. Вильде посетил Крым в 1904 году, в результате чего им был создан роман «Пророк Малтсвет», повествующий о причинах переселения и трудностях обустройства эстонцев в первые годы жизни в Крыму [1, с. 1–2].

Одним из четырех эстонских поселений, возникших на казенных землях в Крыму, было село Сырт-Каракчора, основанное в 1864 году. Жителей этого поселения постигла тяжелая участь, так как в период коллективизации они не пожелали передавать свое имущество

Рис.1 Народный музей-усадьба «Eesti tare» («Эстонский дом»). Красногвардейский район, с. Краснодарка

в колхоз, за что поплатились выселением. Село со временем обезлюдело, оставшихся жителей переселили в соседнее село Акчора (ныне село Гвардейское Первомайского района). В 2017 году по инициативе Эриха Каллинга в селе Гвардейское был сооружен памятник, который свидетельствует о существовании эстонского поселения Сырт-Каракчора, а также отражает культурное своеобразие эстонского народа, его любовь к многоголосному пению и устройству масштабных певческих праздников.

Эстонская община в Крыму исповедовала лютеранство. Метрические книги лютеранских приходов: Нейзац, Джелал, Цюрихталь дают возможность проследить родословные связи эстонцев за период 1862–1916 гг. В настоящее время сохранились действующие евангелическо-лютеранские кирхи в Симферополе и Ялте, прихожанами которых были эстонцы. На улице Долгоруковской, 16 в Симферополе (сейчас это Министерство юстиции) в начале XX века располагалось церковное лютеранское училище.

В Крыму находятся выдающиеся произведения скульптора, основоположника эстонского национального искусства Амандуса Адамсона [10, с. 162]. В Севастополе в год столетия открытия памятника «В память кораблей, затопленных в 1854–1855 гг. для заграждения входа на рейд» на набережной в Севастополе эстонским землячеством была установлена памятная доска, повествующая об авторах этого монумента: скульпторе А. Адамсоне, инженере О. Энберге и архитекторе В. Фельдмане. На набережной поселка Кореиз установлена памятная табличка с указанием, что автором скульптурной группы «Русалка в море» и «Девушка Арзы и разбойник Али-Баба» является А. Адамсон [3, с. 72]. Также в парке Юсуповского дворца в Кореизе руке скульптора принадлежат бронзовые гермы «Сатир» и «Нимфа» и фонтан «Писающий мальчик».

В 1934 году в Симферополь был направлен Альбрехт Эдуард Андреасович (1871–1941) для создания Симферопольского отделения Никитского ботанического сада. Э. А. Альбрехт проработал в Никитском ботаническом саду 27 лет. Был признанным специалистом в области садоводства, заведовал плодовым садом, Верхним парком, декоративным питомником, преподавал в Училище садоводства, много сделал для развития промышленного садоводства на юге России [5, с. 71]. В 1938 году Э. А. Альбрехт, арестованный по ложному доносу, умер в тюрьме, реабилитирован посмертно. К сожалению, ещё не установлена мемориальная доска садоводу-практику, но многие симферопольцы помнят, как в детстве лакомились

черешней и абрикосами с деревьев в Детском парке.

Потомки эстонских первопоселенцев, считавшие крымскую землю родной, героически сражались за неё на фронтах Великой Отечественной войны, многие воевали в составе национальной 7-й Эстонской стрелковой дивизии Красной Армии. Родина не забыла их подвиги.

Именем Героя Советского союза, летчика-испытателя Александра Вильямсона (эстонца по отцу) в 1998 году названа улица в Симферополе. В поселке городского типа Зуя Белогорского района имя героя носит МБОУ «Зуйская средняя школа № 1», а в школьном музее есть стенд, посвященный герою [2]. Фотография А. А. Вильямсона имеется на стенде выдающихся выпускников Симферопольского аэроклуба в музее Амет-Хана Султана в Алупке.

Рис. 2. Экспозиция «Эстонцы» МБУК «Первомайский районный исторический народный музей». Первомайский район, пгт Первомайское

Деятельность бойца Балаклавского партизанского отряда ветеринара Андреса Хансовича Гросса отражена в экспозиции школьного музея ГБОУ школы №47 села Орлиное Балаклавского района Севастополя [9]. Его служба очень ценилась в военные годы, так как в условиях отсутствия медикаментов, ветеринары использовали свои знания по лечению раненых растительными средствами. А. Гросс, переехав жить в Таллин, работал старшим ветеринарным врачом в зоопарке, переписывался с учащимися этой школы, сообщал сведения о деятельности партизан в годы войны.

В 1974 году, в дни празднования 30-й годовщины освобождения Симферополя от фашистских захватчиков, ещё одна улица в городе была названа именем эстонца, партизана-подпольщика, капитана

госбезопасности Сизаса Эдуарда Яновича (1898-1949), который с ноября 1941 года занимал должность начальника штаба одного из крымских партизанских отрядов [7, с. 9]. После окончания войны вел активную борьбу с «лесными братьями» на территории Эстонской ССР. Ю. В. Андропов, возглавлявший в 1967 г. КГБ СССР, высоко оценил деятельность Э. Сизаса: «Если бы все были такими, как Сизас, не было бы в стране никаких „лесных братьев“».

В центре Симферополя есть улица Эстонская, она была названа так по ходатайству городского столоначальника эстонца Тыниса Палло в 1904 году, в этом районе жили несколько семей потомков первопоселенцев. По исследованиям Л. Я. Сальмана, согласно дворовой переписи домовладельцев 1920 года, на улице Эстонской ещё проживала семья эстонца Бюргера Яна Мадисовича.

Герою Социалистического труда виноградарю Лине Генриховне Квапель (урожденной Сельбах) посвящена экспозиция в музее виноградарства совхоза-завода «Судак». Л. Г. Квапель трудилась в составе бригады виноградарей «одногектарников». Лина Генриховна – внучка эстонца Хендрика Сельбаха, который вместе с Густавом Мальтсом предприняли беспрецедентный шаг: пробрались во дворец к императору Александру II и вручили ему письмо-прошение на поселение эстонцев в Крым. Балтийские помещики всячески сопротивлялись исходу дешёвой рабочей силы, а благодаря героическому поступку Сельбаха и Мальтса, эстонцы получили высочайшее дозволение поселиться в Крыму [9, с. 34].

Большой жизненный подвиг совершил краевед-исследователь Леонгард Яковлевич Сальман, более 30 лет собиравший информацию по истории создания эстонских поселений, генеалогических сведений потомков переселенцев. Он был учредителем Крымского эстонского общества. Наработанные им материалы легли в основу сборников по истории эстонских поселений в Крыму. Небольшая экспозиция, посвященная Л. Я. Сальману, представлена в музее-усадьбе «Эстонский дом» в селе Краснодарка, так как его прадед – Март Сальман был среди основателей этого поселения.

В селе Новенькое Бахчисарайского района в 2026 году Астафьева Елена Николаевна открыла в своем доме выставку-салон «Мыза Лайне». Выставка названа в память о матери – эстонке Лайне Якубовне Лепасаар. Елена Николаевна и две её дочери сохраняют эстонскую традицию домашнего рукоделия. При помощи различных техник: шитья, прядения, ткачества, вязания и вышивки, они создали коллекцию одежды и декоративных изделий [6].

Имеющиеся в Республике Крым объекты, относящиеся к истории и культуре эстонского народа, отражают этническое многообразие Крыма и могут быть использованы для воспитательной, патриотической работы с учащимися, а также для разработки тематических экскурсионных маршрутов.

Литература

1. Вильде Э.Ю. В гостях у Крымских эстонцев / Э.Ю. Вильде. – Симферополь: Приложение к газете Krimmi Eestlased (Крымские эстонцы), 2004. – 76 с.

2. Звезды немеркнущей славы: Очерки о крымчанах - Героях Советского Союза / [Автор-составитель Третьяков Ф.А.] - Симферополь: Таврия, 1984. - 304 с.

3. Крым. Самое интересное. 111 знаменитых памятников: путеводитель / сост. А. Меснянко. – Севастополь: Альбатрос, 2016. – 272 с.

4. Крымский этнографический музей. Путеводитель / под ред. Ю.Н. Лаптева, Л.А. Науменко. – Симферополь: ООО «Антиква», 2018. – 45 с.

5. Крюкова И.В. Садовод Никитского сада Эдуард Андреевич Альбрехт / И.В. Крюкова // «Бюллетень ГНБС». - 2014. – № 112. – С. 71–76.

6. Лушникова А.С. «Гнездо аиста на мызе Лайне» / А.С. Лушникова // Наш Крым. – 2026. - №3(40). – С. 52-54.

7. Прокуратура и прокуроры в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: сб. статей студ. круглого стола. (г. Симферополь, 6 мая 2025 г.) / под общ. ред. С.В. Герасимовского; сост. Р.И. Хаяли, И.П. Задерейчук. – Симферополь: Крымский юрид. ин-т (филиал) Университета прокуратуры Рос. Федерации, 2025. – 80 с.

8. Рычков С.Ю. Этнокультурные ресурсы сельской поселенческой среды (пример Республики Татарстан и Республики Крым) / С.Ю. Рычков, Н.В. Рычкова, Г.Р. Столярова; научный редактор: Р.Н. Мусина – Казань: Грумант, 2021. – 287 с.

9. Сальман Л.Я. Эстонское поселение Береговое / Л.Я. Сальман - Москва: Фонд «Историческая память», 2017. - 224 с.

10. Эстонцы в Крыму. Очерки истории и культуры / сост.: Е.А. Лагода, Ю.Н. Лаптев, М.Р. Никольская; Крым. этнограф. музей, Крым. эстон. о-во культуры. – Симферополь: ДИАЙПИ, 2008. – 397 с.

А. А. Пригарин

«СТАРЫЕ РУССКИЕ» В «НОВО-РОССИИ»: ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА СТАРООБРЯДЦЕВ ПРИАЗОВЬЯ (КОНЦЕПЦИЯ ВЫСТАВКИ И РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В КРЫМСКОМ ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ МУЗЕЕ»)[1]

A. A. Prigarin

«OLD RUSSIANS» IN «NOVO-ROSSIYA»: HISTORY AND CULTURE OF THE OLD BELIEVERS OF THE AZOV REGION (EXHIBITION CONCEPT AND REPRESENTATION AT THE CRIMEAN ETHNOGRAPHIC MUSEUM)

Аннотация. *Впервые на территории Крыма в Крымском этнографическом музее была создана выставка, посвященная русским старообрядцам. Базовыми источниками для создания временной экспозиции выступили результаты археографической и экспедиционной работы, проведенные в 2024 г. среди староверов Краснодарского края, Республики Крым, ДНР, ЛНР, Запорожской области. Выставка работала с 26.11.2025 по 11.01.2026 гг. и вызвала живой интерес, как у местных старообрядцев, так и широких кругов общественности – от журналистов до школьников.*

Ключевые слова*. Старообрядцы, выставка, Крымский этнографический музей.*

Abstract. *For the first time in Crimea, the Crimean Ethnographic Museum hosted an exhibition dedicated to Russian Old Believers. The temporary exhibition was based on archaeological and fieldwork conducted since 2024 among Old Believers in the Krasnodar Krai, the Republic of Crimea, the Donetsk People's Republic, the Luhansk People's Republic, and the Zaporizhzhia Oblast. The exhibition ran from November 26, 2025, to January 11, 2026, and generated considerable interest among both local Old Believers and the general public, from journalists to schoolchildren.*

Keywords.*Old Believers, exhibition, Crimean Ethnographic Museum.*

[1] В рамках реализации проекта РНФ № 25-18-01040 «Этнокультурные ландшафты Донбасса и Новороссии: многообразие наследия и потенциал развития», а также НИР «Жители Донбасса как историко-региональная и социокультурная общность», шифр FSZG-2026-0019).

Новые территории Российской Федерации представляют собой восточную часть историко-этнографического района «Новороссия», «Южная/Степная Украина» или «Северное Причерноморье и Приазовье». Общественно-гражданская конъектура актуальных практик на этих территориях подразумевает, в частности, сохранение и популяризацию эффективного развития многокультурности как модели кросс-культурного взаимодействия, которая сложилась с самого начала формирования этого района и его жителей (конец XVIII – первая треть XIX вв.). Необходимо отметить, что эта изначальная модель претерпела существенные трансформации в 1860-х гг., когда часть уже «укорененного» населения (ногайцы) выселилась из него в Турцию, а на его место пришли выходцы из европейских губерний России (русские, украинцы, белорусы), а также – «иностранные» болгары, албанцы и гагаузы, чехи, молдаване и т.д. При всей важности подобных интеграционных тенденций стоит отметить высокую степень консервации и воспроизведения на протяжении почти 10 поколений ряда выразительных этнических и конфессиональных культур (кроме перечисленных выше – греки, ромы, немцы, евреи и т.д.) В целом, стоит отметить историографический интерес к региону в целом, а также к отдельным этнокультурным общностям жителей [5: 6; 7; 8; 9; 10; 11; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 22; 23; 28; 29 и др.].

В этом контексте существует выразительный вариант русской культуры, который не только «не растворился» в общем региональном варианте культурно-бытовых традиций, но и, во многом – предшествовала современному освоению этих территорий. Одна их самых «древних» общностей, которая в обстоятельствах всеобщей мобильности, оказалась устойчивой к вызовам внешнего мира за счет традиционализма мировоззрения, приверженности ценностям исконного православия. Речь идет об этноконфессиональности русских старообрядцев, которые, как и во многих прочих ареалах, выступили «пионерами» колонизации пространств Новороссии. На протяжении более 300-летнего своего развития они заняли прочные места в социально-хозяйственной жизнедеятельности, вписав свой выразительный сюжет в общую канву прошлого этого региона. И даже в таких богатых на различные этнокультурные традиции землях, староверам сложно «потеряться» или «спрятаться».

Отметим, что Новороссия стала своеобразным фронтиром для ревнителей «древлего благочестия», связав между собой важные центры «Старой веры»: Ветку, Дон, Дунай [26]. Этот регион рас-

селения и проживания являлся важной периферией, которая не только связывала эти центры «древлего благочестия», но и выступала своеобразным «мостом», связующим их на протяжении трех столетий. Специальное историческое внимание к этой территориальной группе староверов проявляли как «миссионеры» в прошлом [13, с. 70–80], так и современные крымские коллеги [14, с. 26–34; 21, с. 199–212]. Однако, как показал актуальный опыт экспедиционного исследования, для понимания группы необходимо не столько ретроспективные реконструкции, но и перспективные. В частности, небольшие общины беспоповцев-поморцев являются не столько фактом прошлого, сколько настоящего и, надеемся - будущего (что убедительно показало исследование другого нашего коллеги в отношении г. Бердянска) [11, с. 372–381].

Другим важным аспектом изучения старообрядцев Приазовья является тот факт, что его можно осознать только при широком географическом диапазоне. Мало того, что в обстоятельствах перманентной мобильности любое территориальное сообщество ревнителей «древлего благочестия», одновременно, является «явлением в себе» и связанным десятками, а порой – и сотнями незримых информационно-религиозных нитей со множеством других пространств. Так еще и добавим региональное своеобразие: большинство приазовских староверов являлись либо непосредственно мигрантами из «делёких мест» (например – Добруджи или Дона, Кубани или Бессарабии), либо же прямыми потомками этих переселенцев. В таких контекстах понимание их становится невозможным без осознания специфики развития старообрядцев в этих смежных или не очень регионах.

Яркий пример – общины Приморско-Ахтарского района Краснодарского края. Здесь в соседстве проживают: «турки», «румыны», «болгары» и «грузины», не говоря уже – о «поповцах», «беглопоповцах», «беспоповцах»и т.д. Этнокультурное многообразие в сочетании с конфессиональным делают эту территориальную группу не только выразительным реликтом, но и существенно расширяют эвристические возможности познания древле-православной традиции [12]. Важным фактором является не только наличие этой группы старообрядческих общин уже в XX – начале XXI вв., но и историческое влияние центров на сопредельных территориях: Городища (современное – ЛНР) и Ростов-на-Дону.

Исходя из этой ситуации, сформулировали следующую задачи для создания выставки: выработать модули для фактов появления/

присутствия, а также характеристики этапов этноконфессионального развития староверческого населения, продемонстрировать его культурно-бытовую специфику в регионе. Безусловно, что решение этих задач по Приазовью потребовало от нас включения более широких территориальных контекстов – Новороссийский край, а также исторические центры ревнителей «древлего благочестия» (Ветка, Дон, Кубань, Молдавия, Добруджа).

Была выработана периодизация исторического развития старообрядцев на основе внешних (общих) критериев (политико-административные изменения, а также факторов кросс-культурного взаимодействия) и внутренних (события и процессы в самом староверии как в целом, так и в общинах региона) [27, с. 357–371]. Это привело нас к следующей схеме:

Появление дониконовского православия: религиозные движения и ранние переселения старообрядцев (середина XVII – середина XVIII вв.).

Формирование староверческого населения в контексте освоения региона (середина XVIII вв. – середина XIX вв.).

Рис. 1. Фрагмент выставки «Старые русские» в «Ново-России»: история и культура старообрядцев Приазовья» - карта-схема маршрутов мобильности, исторического и современного расселения старообрядческих общин в Приазовье

Старообрядцы на новороссийских землях в составе Российской империи (середина XIX – начало XX вв.)

Советская власть и старообрядческие общины Таврии, Донбасса и Кубани (1917-1991 гг.)

Современный этап: ревнители «древлего благочестия» региона в актуальных процессах (с 1991 г.)

На основе этого была составлена карта-схема маршрутов мобильности, а также исторического и современного расселения старообрядческих общин в Приазовье. Она выступила смысловым и иллюстративным «стержнем» всего экспозиционного пространства. Ее сопровождали фотографии старообрядческих семей в регионе, одетых в традиционные костюмы. Благодаря местной старообрядческой общине РПСЦ г. Симферополя, удалось собрать и воссоздать основные комплексы подобного внешнего вида (в виде женских и мужских нарядов, на манекенах они распределялись слева и справа от карты-схемы). Основные атрибуты и символы ревнителей «древлего благочестия» находились в двух витринах непосредственно под картой). В эту экспозиционную часть вошла значительная коллекция старинных нательных старообрядческих крестов («тельников»). Показательно, что она сложилась в результате многолетнего сбора подъёмного материала в Крыму. Из более чем 300 единиц подобной медной пластики, абсолютное большинство оказалось, что принадлежало старообрядцам (характерные женские и мужские кресты). ОПФ «Благотворение» помогло выкупить данное собрание для постоянного хранения в Крымский этнографический музей. Оно составило яркую иллюстрацию присутствия староверов на Таврических землях (Рис. 1).

Рис.2. Открытие выставки «Старые русские» в «Ново-России»: история и культура старообрядцев Приазовья» - Лаптев Ю.Н. – директор ГБУРК «КЭМ» (справа), Пригарин А.А. – доктор исторических наук, инициатор проекта (слева)

Базовыми источниками для создания временной экспозиции выступили результаты археографической и экспедиционной работы, проведенные в 2024 г. среди староверов Краснодарского края, Республики Крым, ДНР, ЛНР, Запорожской области. Лидеры этих общин, а также многие местные жители существенно помогли в сборе и репрезентации исторического прошлого и культурно-бытового своеобразия старообрядческого населения Приазовья. Они любезно предоставили яркие коллекции для выставки. Среди них, отметим: корпус приватных и публичных фотографий; рукописные и печатные кириллические памятники XVII – начала XXI вв.; медные и

Рис.3 Пригарин А.А. ведет экскурсию после открытия выставки «Старые русские» в «Ново-России»: история и культура старообрядцев Приазовья»

деревянные иконописные образы; выразительные комплексы хозяйственно-бытовой и религиозно-мировоззренческой специфики. Это удалось представить благодаря радению священников и их семей: о. Владимир Дмитриев (Городище, ЛНР), о. Георгий Полиектов (Приморск-Ахтарск) и о. Глеб Бобков (Ново-Некрасовка). Отдельно необходимо отметить заботу и помощь семьи о. Михаила Комендатова и матушки Натальи, без которых этот выставочный проект не был бы возможным. Наряду с источниками эго-происхождения, были привлечены материалы центральных архивов (например – Государственный Архив Российской Федерации и Архив Митрополии РПСЦ в г. Москве).

К центральной экспозиционной «витрине», о которой речь шла выше, были выстроены две семантические линии репрезентации: «христианская», раскрывающая своеобразие религиозной традиции дониконовского православия; «социально-бытовая», отображающая сюжеты прошлого опыта жизнедеятельности представителей этой этноконфессиональной общности в регионе. Крайне условно, но была реализована модель «Спасения» как концепта жизнедеятельности старообрядцев: «духовного» и «телесного». Эффективность внешнего и внутреннего быта старообрядцев в Приазовье (впрочем, как и в других территориях проживания) была основана на успешности реализации этих двух групп факторов воспроизводства традиции: экзогенного и эндогенного. Вынужденные скрываться многие столетия, ревнители «древлего благочестия» выработали специфические формы социально-экономической стратегии (как на уровне индивидуально-семейного, так и общинного уклада). Такие инновации и адаптации ярче всего реализовались в рыболовстве и торговле. При всем этом, устойчивость и, порой - консерватизм оставался незыблемым в вопросах веры и ритуальной сфере. Эти практики оказались очень востребованы в условиях атеистического советского общества. Так, например, многие рыболовецкие артели органично вошли в колхозную систему СССР. Они же позволяли регламентировать рабочее и праздничное время самостоятельно – не выходить на промысел в дни двунадесятых календарных дат. Как только староверы ощущали внешнее воздействие, вторгавшееся в регламентацию церковно-религиозного мировоззрения, они прибегали к привычному способу – «исходу», т.е. переселению на новые пространства (из сел – в города, из одного региона – в другой и т.д.).

Эти два сюжета и выступили смысловыми концептами в экспозициях «мира телесного». Один из них был посвящен организации

и способам рыболовства у старообрядцев Причерноморья и Приазовья. Документы и фотографии раскрывали этот яркий хозяйственный комплекс региона, а также его динамику на протяжении XX ст. Вместе с тем, был показано переселение как способ выживания старообрядческой традиции на материале репатриации 1945–1947 гг. «липован» из Румынии и Болгарии в СССР (Краснодарский край и Астраханскую область) [24, с. 41–67; 25, с. 96–118]. Это удалось воссоздать путем своеобразной композиции, состоящей из деревянных сундуков и чемоданов, в которых помимо предметов быта располагались столь важные для сторонников дониконовского православия книги, рукописи, иконы. Эти вещи четко узнавались на фотографиях, которые были сделаны советскими репортерами во время погрузки старообрядческих семей в румынском порту Констанция на пароход «Карл Маркс» в 1947 г. Этот визуальный репортаж был размещен на баннерах над витринами и композицией из сундуков.

При входе располагался стенд, раскрывающий особенности исторического опыта, культурно-бытовых и мировоззренческих традиций старообрядчества как варианта русского народа. Яркой демонстрацией этого выступила реконструкция «Красного угла» или «Божницы». Здесь на привычном для старообрядцев треугольном в плане шкафе находились основные иконографические сюжеты Спаса и Богородицы, а также меднолитой восьмиконечный крест. Так же, как и у каждого старообрядца, этот домашний иконостас сопровождали книги и рукописи, кожаные чётки («лестовка»), а также специальный коврик для земных поклонов («подрушник»). Специальная экспозиция знакомила с устойчивостью кириллической грамотности среди старообрядцев, а также выразительным «знаменным» («демественным» или «крюковым») пением – самобытной византийским нотным исполнением богослужений.

В четырех нишах были размещены наглядные очерки по основным географическим ареалам Приазовья: Крым, Северное Приазовье и Донбасс, Южное Приазовье и Кубань (Рис. 2, 3). Общность традиции демонстрировалась с помощью икон, рукописей и книг (Рис. 4, 5). Специфику подчеркивали мемориальные записи, печати и владельческие пометки местных общин. Внизу каждой из витрин располагался материал по семейным обрядовым комплексам: крестильно-родильный, венчальный и погребально-поминальный. В четвертой витрине решено было показать почитание и его вариативность к Св. Николе: образы, печатные и рукописные службы, агиографические памятники. Наряду с каноническими иконами,

Рис. 4-5. Фрагменты выставки «Старые русские» в «Ново-России»: история и культура старообрядцев Приазовья»

были привлечены самобытные современные апокрифы – житийные образы, выполненные один из ныне здравствующих краснодарских иконников (из собрания семьи Мельниковых-Бойцовых).

В одной из таких витрин были собраны материалы по крымским общинам старообрядцев: Симферополь, Севастополь, Мама Русская (Курортное) и Краснокаменка. Во второй – Мироновка Приазовского района и Бердянск Запорожской области. В третьей – Городище (ЛНР), Ольховатка и Мелекино (ДНР), а также другие города Донбасса. В четвертой – общины Краснодарского края: За Родину, Воронцовка и Должанка, Ейск, Приморск-Ахтарск и Ново-Некрасовка. Такой географический принцип размещения экспонатов позволил показать и конфессиональную историю в регионе – развитие отдельных согласий и направлений: поповцев (РПСЦ и РДЦ) и беспоповцев (поморцев).

Научно-методическое оформление и сопровождение выставки взяли на себя сотрудники КЭМ во главе с директором Крымского этнографического музея Ю.Н. Лаптевым. Особые слова благодарности хочется выразить заместителю директора Л.А. Науменко, заведующей научно-исследовательского отдела этнографии народов Крыма Н.А. Филипповой, старшему научному сотруднику М.А. Ломакиной, младшему научному сотруднику В.И. Чащину, хранителю музейных предметов Т.М. Бразнец. Без их творческого и, вместе с тем, ответственно-организованного внимания выставочный проект не состоялся в таком выразительном виде.

Выставка работала с 26.11.2025 по 11.01.2026 гг. и вызвала живой интерес, как у местных старообрядцев, так и широких кругов общественности – от журналистов до школьников. И в создании данной экспозиции, и в его популяризации и функционировании важнейшую роль сыграли сотрудники Крымского этнографического музея во главе с его директором – Юрием Николаевичем Лаптевым. Именно благодаря им этот научный проект приобрел значительный социальный резонанс – сохранение историко-культурного наследия яркого варианта русской традиционной культуры, а также просвещение его в среде крымских жителей. Часть из представленных артефактов войдет в постоянные фонды музея и украсят постояннодействующую экспозицию «Мозаика народов Крыма». Опыт проведения такой выставки позволит представить историю и культуру старообрядцев в смежных регионах, что является одной из задач ОПФ «Благотворение».

Литература

1. Бельский А. В. Единоверчество и единоверческий Корсунский монастырь: возникновение, история и лица // Культура народов Причерноморья. – 1999. № 6. – С. 75–87.
2. Бельский А. В. История Белокриницкой старообрядческой церкви в России и в Крыму (XIX–XX века) // Культура народов Причерноморья. – 1998. № 3. – С. 89–95.
3. Бельский А. В. Старообрядцы и архиепархия юга Украины в XVIII–XX веках // Культура народов Причерноморья. – 1997. № 2. – С. 112–116.
4. Бельский А. В. Старообрядчество в Южной Украине: формирование и развитие во второй половине XVIII – начале XX вв. Автореф.дис. ... к.и.н. – Запоріжжя, 2007. – 16 с.
5. Бойко Я. В. Заселение Южной Украины, 1860-1890 гг. (ист.-эконом. исследование). – Черкассы: Облредиздат «Січ», 1993. – 256 с.
6. Боряк О. Україна: етнокультурна мозаїка. – Київ: Либідь, 2006. – 325 с.
7. Дружинина Е. И. Кучук-Кайнарджийский мир 1774 года. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 368 с.
8. Дружинина Е. И. Северное Причерноморье в 1775-1800 гг. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 279 с.
9. Дружинина Е. И. Южная Украина 1800 – 1825 гг. – Москва, 1970. – 253 с.
10. Дружинина Е. И. Южная Украина в период кризиса феодализма. 1825-1860 гг. – М., 1981. – 215 с.
11. Ермолин Д. С. Поморцы на берегу Азова: из истории общины старообрядцев г.Бердянска // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2013 г. – Санкт-Петербург, 2014. – С. 372-381.
12. Зудин А. И., Власкина Н. А. Русская связь: история и культура старообрядчества юга России и зарубежья. – Приморско-Ахтарск: [б.и.], 2016. – 168 с.
13. Иванов В. О поселении раскольников в пределах нынешней Таврической губернии // Известия Таврической учено-архивной комиссии. – 1889. №7. – С.70-80.
14. Игнатуша А. Н. Документы государственного архива Запорожской области по истории старообрядцев XIX-XX вв. // Белая Криница. – 2002. – № 2-3. – С.26-34.
15. Кабузан В. М. Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII - первой половине XIX века (1719-1858 гг.). – М.: Наука, 1976. – 307 с.
16. Кабузан В. М. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. (по материалам ревизии). – Москва: Наука, 1963. – 230 с.
17. Кеппен П. Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. – СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1861. – 510 с.

18. Клаус А. Наши колонии. Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. – Вып. 1. – СПб.: Типограф. В.В. Нусвальта, 1869. – 92 с.
19. Культурно-бытовые процессы на юге Украины. – М.: Наука, 1979. – 191 с.
20. Материальная культура компактных этнических групп на Украине. Жилище. – М.: Наука, 1979. – 190 с.
21. Моисеенкова Л. С. Старообрядцы в Таврической губернии в конце XVIII – начале XX в. // Материалы археологии и этнографии Таврии. – Симферополь. 1996. – Вып.5. – С.199-212.
22. Наулко В. Хто і відколи живе в Україні. – Київ: Гол.спец.ред.літ. мовами нац.меншин України, 1998. – 79 с.
23. Наулко В. И. Развитие межэтнических связей на Украине. – Киев: Наукова думка, 1975. – 276 с.
24. Пригарин А. А. Переселение старообрядцев из Румынии в СССР в 1944-1945 г. // Старообрядчество. – 2024. – Т.1, № 4. – С.41-67.
25. Пригарин А. А. Реэмиграция русских старообрядцев из Добруджи: «болгарский» этап 1946 г. (по архивным данным) // Славянский мир в третьем тысячелетии. – 2024. – Т. 19, № 3–4. – С. 96–118.
26. Пригарин А. А. Русские старообрядцы на Дунае: формирование этноконфессиональной общности в конце XVIII – первой половине XIX вв. / Отв. ред. О. Б. Демин. – Одесса–Измаил–Москва: «Смил» – «Археодоксія», 2010. – 528 с.
27. Пригарин А. А. Старообрядческое население Приазовья: возникновение этноконфессиональной группы (XVIII - первая половина XIX вв.) // Старообрядчество: история, культура, современность. (Осиповские чтения). Материалы XV Международной научно-практической конференции, 24-26 октября 2025 г., г. Боровск / ред.сост. В. В. Керов, А. В. Осипова. – Боровск; Москва: ЧУК «Музей истории и культуры староверия», 2025. – С.357-371
28. Скальковский А. А. Опыт статистического описания Новороссийского края. – Одесса: Тип. Нитче, 1850. – Ч.1. – 366 с.; – Ч.2. – 552 с.
29. Скальковский А. А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. – Ч. 1. С 1730 по 1796. – Одесса, 1836; Ч. 2. Одесса, 1838.

Д.А. Прохоров

ФОТОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ В КОЛЛЕКЦИЯХ МУЗЕЕВ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ КАК ЭГО-ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

D.A. Prokhorov

PHOTOGRAPHIC IMAGES IN THE COLLECTIONS OF MUSEUMS OF THE REPUBLIC OF CRIMEA AS AN EGO-DOCUMENTARY SOURCE: TOWARDS THE PROBLEM STATEMENT

Аннотация. *В статье рассматриваются некоторые экземпляры из фотографических коллекций музеев Республики Крым, обладающие характеристиками эго-документального источника в контексте их функционирования в поликультурной среде региона. Эго-документальный подход позволяет проанализировать массив сохранившихся фотографий, изучить информацию не только о запечатленных на этих снимках непосредственных участниках того или иного события, но и при помощи конкретно-исторических и междисциплинарных методов проследить за обстоятельствами появления и дальнейшей судьбой того или иного документа.*

Ключевые слова*. Музеи, эго-документ, историко-культурное наследие, фотографические музейные коллекции.*

Abstract. *The article examines some specimens from the photographic collections of a number of museums in the Republic of Crimea, which have the characteristics of an ego-documentary source in the context of their functioning in the multicultural environment of the region. The ego-documentary approach allows us to analyze the array of preserved photographs, to study information not only about the direct participants of an event captured in these images, but also to follow the circumstances of the appearance and further fate of a document using specific historical and interdisciplinary methods.*

Keywords. *Museums, ego-document, historical and cultural heritage, photographic museum collections.*

Как известно, в число наиболее распространенных и востребованных в рамках музейной работы экспонатов входят фотографии: негативы, диапозитивы (слайды), фотографии (позитивы), фотокопии и другие виды изображений. Они могут быть охарактеризованы как важный элемент эго-документального наследия. В современном зарубежном и отечественном источниковедении продолжается дискуссия о том, что можно считать источником личного происхождения, а что – эго-документом. Авторство термина «эго-документ» (egodocument) принадлежит профессору Амстердамского университета Ж. Прессеру. Своему появлению данный термин обязан тому обстоятельству, что многие тексты личного содержания не всегда укладывались в рамки дефиниций литературных жанров, традиционно использовавшихся историками [2, с. 7]. Эго-документ можно охарактеризовать как источник, отличительной особенностью которого является его выраженно-личностный характер. Все это относится не только к литературным текстам, дневниковым и мемуарным записям, эпистолярному наследию. Если рассматривать эго-документ как источник, состоящий из текстов различного происхождения (писем, дневников, записок, автобиографий, воспоминаний и пр.), то в более широком смысле он также включает в себя отдельные фотоснимки и фотоколлекции, живописные и графические работы профессиональных и непрофессиональных художников, и даже документальные и художественные фильмы [1, с. 87].

Например, в тексты личных дневников или мемуарных записок их авторами могут быть включены фотографии, фотокопии официальных документов, газетных вырезок, некрологи, маргиналии или же более поздние комментарии. Таким образом, любые документальные и визуальные источники или их копии, размещенные в подобного рода эго-документах и/или являющиеся частью их контекста, также приобретают эго-документальные свойства. Многие фотографические снимки, сделанные по различным поводам и при разных обстоятельствах (личные, семейные, коллективные формальные и неформальные, и т.п.), могут считаться не только визуальными или иконографическими источниками, но и характеризоваться как эго-документальные.

Источники визуального (иконографического и частично эго-документального характера) можно условно разделить также и в соответствии со способом введения их в научный оборот: на опубликованные (фотоальбомы, справочники и путеводители) и неопубликованные (музейные, архивные, полевые материалы). Вместе с

тем ранее опубликованные фотоматериалы могут рассматриваться с совершенно иной точки зрения, нежели с той, которой они отвечают в отдельно взятой публикации. Например, тот или иной визуальный источник демонстрирует тезис автора/авторов, его опубликовавшего, в этнографическом контексте (в качестве примера можно привести фотографию традиционного костюма караимской невесты из коллекции караимского музея в Вильнюсе). В то же самое время этот же источник может быть проанализирован и с точки зрения эго-документа, как дополняющий биографию того или иного участника рассматриваемых событий (вышеупомянутый костюм на фото демонстрировала известный советский тюрколог и этнограф караимка О. Я. Прик в 1948 г.) [4, с. 67]. В свою очередь, по форме хранения визуальные источники подразделяются также на печатные (архивные, музейные, полевые, опубликованные в фотоальбомах или других изданиях) и цифровые (экспедиционные материалы и размещенные в сети Интернет). Особое внимание в этом контексте следует уделить печатным и неоцифрованным фотографиям, вошедшим в коллекционные описи музеев и архивных фондов.

При анализе фотографической части коллекций музеев Республики Крым очевиден тот факт, что она составляет значительную часть музейного контента. На этих фотографиях изображены представители различных семей из разных социальных слоев общества. Имеются фотоснимки, где в сюжете участвуют сами взрослые, или же они засняты вместе со своими детьми. На ряде фотографических изображений люди запечатлены в национальной или же характерной для моды того времени одежде, либо в форме, соответствующей тому или иному служебному или учебному ведомству (она имеется преимущественно у лиц мужского пола, а также у детей).

Например, на одном из фото коллекции ГБУ РК «КЭМ» присутствует семья караима Осипа (Иосифа) Казаса – с женой Раисой, детьми Ильей и Верой (КП-563, Ф. 86; ч/б фотобумага, картон, паспарту, рукописные пометы синими чернилами). На лицевой стороне – знак фотомастерской, вензель, тиснение белой краской: «Рембрандт. Юзовка». На обороте типографским способом экслибрис фотомастерской, текст: «Фотография Рембрандт Я. Шуралея в Юзовке Екат. Губ. Негативы сохраняются» (Рис. 3). По всей видимости, эта караимская семья в конце XIX – начале XX в. проживала в с. Юзово Бахмутского уезда Екатеринославской губернии. На фото КП-3457, Ф. 808 (фотобумага, ч/б печать, картон, паспарту), изготовленном также в Екатеринославе в конце XIX – начале XX в., на его лицевой стороне – знак фотомастерской, вензель, тиснение золотом: «Г. Я. Бик. Екатеринослав» [3, с. 182–189].

Безусловный интерес представляют фотографические снимки, на которых имеются маргиналии и пометы, относящиеся к истории жизни той или иной семьи. Нередко встречаются комментарии самих фигурантов, изображенных на фотографии, и поясняющих некоторые сюжетные моменты того или иного фотоснимка. Например, на фотопортрете караимки Киры Ерусалми, хранящейся в коллекции ГБУ РК «КЭМ» (КП-3624, Ф. 869), изображена девушка верхом на ослике, на фоне входа в дом; рядом с ней – погонщик. В проеме дверей дома – девочка-подросток. На обороте надпись: «*Дорогая, любимая неза[б]венная нахалка Мусичка. Посылаю тебе мою фотографическую карточку. Если примеш[ь] на добрую память, если не примешь, вдвойне благодарю. Привет вашим. Кира Ерусалми. 31/24/01*» (Рис. 1, 2). Исходя из данной подписи, можно констатировать, что фигурант (адресант) на фото и ее адресат находились в близких, дружеских отношениях, осуществляя коммуникацию посредством пересылаемых друг другу фотографических изображений и писем.

На фотографиях семей с детьми, или же отдельных их представителей, принадлежавших к караимской общине Феодосии, сохранились маргиналии, проливающие свет на внутрисемейные взаимоотношения. Так, например, на почтовой фотокарточке из коллекции Феодосийского музея древностей, запечатлевшей караимку Сару Абрамовну Еру (Эру) с дочерью Евой (МБУК «ФМД», КП 55891. Ф. 7508), на оборотной стороне имеется надпись: *«Дорогая Вера и А[лек]сей! Спишитесь с Евой открытками и пришлите нам. Мы пересняли Еву и вышла красивая открытка вроде этой».* При этом на лицевой стороне, под фотографией, также имеется посвятительная надпись, сделанная очевидно самой С. А. Эру (судя по содержанию, надпись адресована ее собственной матери, бабушке Евы Эру): *«Дорогая мама! Поздравляем вас всех с Новым годом, желаем всего хорошего на многие лета. Остаюсь Ваша дочь С. А. Еру»*.

На обороте другой почтовой фотокарточки (МБУК «ФМД», КП 55895. Ф. 7512) тоже есть надпись, по всей видимости принадлежавшая еще одному члену этой семьи, Абраму Еру (Эру) (Ева Эру вместе с Абрамом Эру изображены на лицевой стороне фотооткрытки): *«Дорогая бабушка! Поздравляю вас, [с] дядей и тетей и Евой с Новым годом. Целую вас всех, ваш внук. А. Еру»*. Фотография самого Абрама Эру (датированная пометой: *«10.IX.1915»*) происходит из той же музейной коллекции (МБУК «ФМД», КП 55893. Ф. 7510). На

Рис. 1. Портрет Киры Ерусалми. Крым, 1901 г. Фотобумага ч/б, картон. ГБУ РК «КЭМ» (КП-3624, Ф. 869)

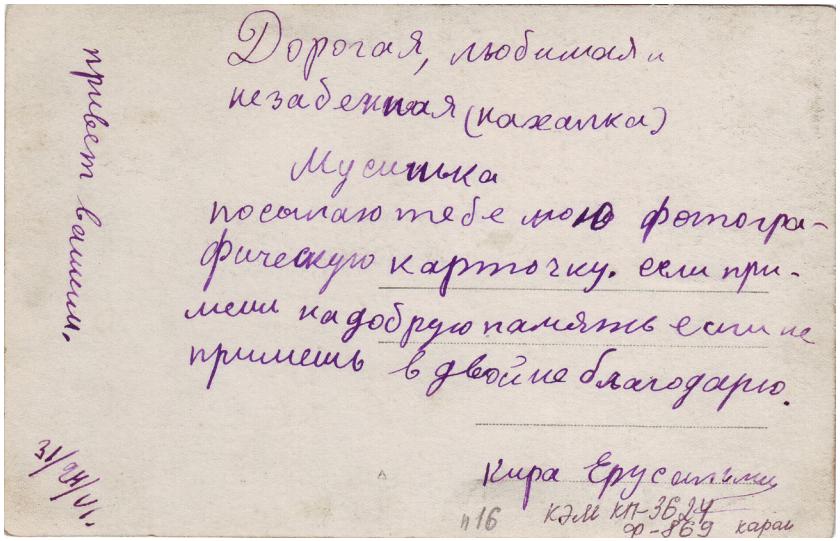

Рис. 2. Оборотная сторона фотографической открытки (КП-3624, Ф. 869)

рассмотренных фотографиях и фотооткрытках продемонстрирован пример тесной коммуникации между членами одной большой семьи, представленной в нескольких поколениях.

На фотооткрытке (изготовленной с применением техники фотоколлажа) из фондов МБУК «ФМД» (КП 55889. Ф. 7506) изображена еще одна представительница феодосийской караимской общины Вера Абрамовна Казас, причем на обороте имеется посвятительная маргиналия: *«Вере Абрамовне наше почтение. Авраам, Сара. 7.XII.02»*. А на фотокарточке, изготовленной в фотомастерской «А. Вознесенский и К. Князьков» в Симферополе, запечатлена группа детей из караимской семьи Борю (три девочки и два мальчика): Анна, Лазарь, Паша, Сарра и Биньямин (ГБУ РК «КЭМ», КП-560, Ф. 83). Судя по их форменной одежде, все они являлись учащимися среднеобразовательных учебных заведений губернской столицы (на околышах фуражек мальчиков можно рассмотреть знак Симферопольской мужской казенной гимназии; что касается девочек, то вполне вероятно, они обучались в Симферопольской женской казенной гимназии). На обороте фотоснимка – маргиналия, выполненная черными чернилами: *«Милой тете Элле от детей Борю. 1908 г. 25 ноября. г. Симферополь»*. Тем же почерком сделана и дарственная подпись на обороте фотоснимка, запечатлевшего караимскую семью Липы и Бориса Шишманов: *«На добрую память Элле Исакович от Шишман»* (ГБУ РК «КЭМ», КП-562, Ф. 85). В этих предметах из музейной коллекции также можно проследить родственные связи между представителями разных ветвей одной семьи караимов.

Рис. 3. Групповой портрет караимской семьи Казас (г. Юзовка, конец XIX – начало XX вв.). Фотобумага ч/б, картон, паспарту ГБУ РК «КЭМ» (КП-563, Ф. 86)

Нельзя не упомянуть об еще одном способе эго-документирования с помощью фотографических изображений. Так, в фондах музея Благотворительного еврейского фонда (БЕФ) «Хесед Шимон» сохранилась фотокарточка мужчины в форме рядового русской армии образца начала 1910-х гг. К этому фотоснимку приложена автобиография фигуранта, из которой становится известно, что это – Самуил Моисеевич Куровский, прибывший в Симферополь в 1916 г. из Харькова. Из текста автобиографии следует, что С. М. Куровский родился в семье ремесленника в Полтаве, затем переехал в Харьков, где выучился на подмастерья, затем работал подручным у портного. Был призван на военную службу, до конца 1915 г. находился в рядах действующей армии, но был контужен и комиссован. После чего он вернулся в Харьков, а затем переехал в Симферополь. Снимок сделан 20 августа 1917 г., а текст датируется 1920 г. Безусловно, ценность этого уникального эго-документа состоит в том, что помимо самого фотоизображения, в распоряжении исследователя имеется и текст автобиографии, составленной самим фигурантом. Кроме того, в музее сохранилось и так называемое «Подмастерное дозволение», выданное С. М. Куровскому, дававшее ему право на жительство в Харькове.

Таким образом, на основании рассмотренных артефактов можно сделать вывод о том, что фотографические изображения (фотоотпечатки и их копии, фотооткрытки, фотоколлажи и пр.) из коллекций музеев Республики Крым, запечатлевшие семьи из числа многих этноконфессиональных групп Таврической губернии, могут стать весьма важным дополнением в процессе научной реконструкции прошлого Крымского полуострова, способствовать составлению родословных, биографий отдельных представителей многоэтничного населения полуострова. Фотографии с имеющимися на них маргиналиями, посвятительными надписями, сведениями автобиографического характера позволяют классифицировать их как разновидность эго-документов, проливающих свет на эпизоды из истории той или иной семьи или отдельных персоналий.

Литература

1. Граматчикова, Н. Б. История завода в эго-документах и художественных текстах // Эго-документы: Россия первой половины XX века в межисточниковых диалогах / Под ред. М. А. Литовской и Н. В. Суржиковой; Институт истории и археологии УрО РАН. – Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2021. – С. 87–118.

2. Зарецкий, Ю. П. Эго-документы советского времени (из исследовательского опыта), или Вступительное слово // Эго-документы: Россия первой половины XX века в межисточниковых диалогах; Под ред. М. А. Литовской и Н. В. Суржиковой; Институт истории и археологии УрО РАН. – Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2021. – С. 6–28.

3. Прохоров, Д. А. Караимская коллекция ГБУ РК «Крымский этнографический музей» // Этнография Крыма XIX–XXI веков и современные этнокультурные процессы: Материалы и исследования IV Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию ГБУ РК «Крымский этнографический музей», Симферополь, 28–30 сентября 2017 года. Вып. 4. – Симферополь: Антиква, 2021. – С. 182–189.

4. Тюркские народы Крыма: Караимы. Крымские татары. Крымчаки / В. А. Тишков, С. В. Чешко, Л. В. Чижова, Ш. Ф. Мухамедьяров и др.; Под ред. С. Я. Козлова, Л. В. Чижовой. – М.: Наука, 2003. – 459 с.

Л.А.Сластникова

РОСПИСИ ПО ДЕРЕВУ КРЫМСКИХ ТАТАР: МАТЕРИАЛЫ 1939 ГОДА

Ludmila Slastnikova

CRIMEAN TATAR WOODCUTS: MATERIALS FROM 1939

Аннотация. *Статья посвящена коллекции декоративных досок, росписи которых выполнены крымскотатарскими мастерами в 1930-е гг. Доски в настоящее время хранятся в фондах Российского этнографического музея.*

Ключевые слова. *Крымские татары, декоративно-прикладное искусство, Российский этнографический музей, Амет Калафатов, Эмшире Асанова, Земине Ибраимова, Фатьма Сайдаметова.*

Abstract. *The article is devoted to a collection of decorative boards painted by Crimean Tatar artists in 1930es. The boards are currently stored in the collections of the Russian Ethnographic Museum.*

Keywords. *Crimean Tatars, decorative and applied arts, Russian Ethnographic Museum, Amet Kalafatov, Emshire Asanova, Zemin Ibraimova, Fatma Saydametova.*

В Российском этнографическом музее хранится коллекция декоративных досок, росписи на которых были выполнены крымскотатарскими мастерами в 1930-х годах. Данная коллекция поступила в РЭМ (тогда Музей этнографии народов СССР) в 1963 году из Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника как непрофильная для Загорского музея, поскольку он позиционировался, в основном, как музей русского народного искусства. В Загорский же музей-заповедник данные расписные доски поступили в составе коллекций Музея народных художественных ремесел в 1941 г. Информацию о времени и источнике поступления этих расписных досок в Загорский музей мне предоставила зав. сектором «Русское народное искусство» Сергиево-Посадского музея-заповедника Татьяна Александровна Полосинова в ответ на мой запрос.

Она также сообщила, что информация и о наших расписных досках будет содержаться в публикации материалов XII-х Всероссийских (крымско-московских) архивно-краеведческих чтений, проходивших в 2025 году в Форосе, где она выступала с докладом «Традиционное искусство народов Крыма в собрании Сергиево-Посадского музея-заповедника. К истории сложения коллекции».

Музей народных художественных ремесел начал формироваться в 1936 г. Его учредителем был Всесоюзный комитет по делам искусств при Совете народных комиссаров СССР. Уже в 1937 году на основе собранных коллекций в Третьяковской галерее была открыта большая выставка «Народное искусство». Для оформления этой выставки были приглашены лучшие мастера из регионов. Ими были выполнены в том числе крупные панно и порталы, обрамлявшие дверные проемы экспозиционных залов. После закрытия выставки на ее основе была создана Постоянная выставка народных художественных ремесел РСФСР, получившая в 1940 году статус музея. Поскольку своего помещения у нее не было, она оставалась в ведении Государственной Третьяковской галереи, а затем Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. При этом выставкой были проведены экспедиционные обследования более 20 областей и республик РСФСР со сбором экспонатов на местах. Вещи приобретались не только самой выставкой, но также силами управлений по делам искусств и местными музеями. Было собрано более 40 тыс. экспонатов. В 1941 году музей народных художественных ремесел вошел в состав Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника [4, 9].

Росписи, хранящиеся в РЭМ, выполнены красками органического происхождения на различной формы щитах (толщина около 3 см) с плоским накладным также деревянным бортом. Круглые щиты – двух размеров (диаметр 73 и 50 см), прямоугольные – пяти размеров (150 х 36-40, 135 х 50, 135 х 35, 75 х 60 и 35 х 75 см). Почти все, за небольшим исключением, доски декорированы в одном стиле: однотонное поле красного, золотистого или зеленого цвета, на которое вдоль бортика доски нанесен растительный орнамент. Различие в форме и размерах объясняется назначением этих расписных досок. Как известно из сопровождавших коллекцию документов, круглые предназначались для изображения гербов СССР и РСФСР, прямоугольные, центральное поле которых не было заполнено орнаментом – для статей Конституции, лозунгов, цитат из высказываний руководителей страны. Есть доски с уже заполненными поля-

ми: панно с гербами СССР и РСФСР, с лозунгами, посвященными 1 мая, с цитатами высказываний И.В. Сталина. Несколько узких относительно коротких вертикальных досок являются законченными декоративными панно. В соответствии с этим в сопроводительных документах доски названы: панно круглое для герба, панно с заветом Ленина, панно для лозунга. Некоторые доски названы не по назначению, а по внешнему виду: панно синее букет в вазе, панно с цветочным орнаментом.

Почти у всех досок известны имена мастеров, их расписавших. Это Амет Калафатов, Эмшире Асанова, Земине Ибраимова, Фатьма Сайдаметова. Наиболее известен из них Амет Калафатов, о творчестве которого существует уже большое количество публикаций [5]. По информации, содержащейся в передаточных списках Загорского музея известно, что Фатьма Сайдаметова жила в Бахчисарае, Эмшире Асанова – в Ялте. О Земине Ибраимовой в сопроводительных списках никаких сведений нет. Хочется надеяться, что более подробная информация об этих мастерах сохранилась в крымских архивах.

На оборотной стороне досок есть пометки, выполненные красным или синим карандашами, а также чернилами. Это инвентарные номера крымской коллекции и номера этих же вещей в различных списках, имя автора росписи доски. На многих досках на тыльной стороне кроме инвентарных номеров есть записи «Крым 1939 г.» и римские цифры I, II, чаще всего III. В одном случае «1939 январь», а не римская «1» и «1939». Возможно, речь идет о месяце экспонирования доски. На досках с призывали И. В. Сталина на оборотной стороне римские цифры от I до VII, что соответствует количеству досок с цитатами.

Большинство орнаментов росписи на досках восходит к крымскотатарским вышивкам. И так же как в различных районах Крыма орнаменты вышивальщиц различались и цветовой гаммой, и рисунком, так и работы мастериц, выполнивших росписи по дереву, имеют свои особенности.

Эмшире Аснова расписала 37 досок: единственную в коллекции размером 150 х 76 см, 14 узких (150 х 36–40, 135 х 50, 135 х 35). Они располагались горизонтально, так как на свободном от орнамента поле предполагалось вписать лозунги или цитаты. Две расписанные ею доски уже содержат лозунги: «Да здравствует 1 Мая – боевой смотр революционных сил международного пролетариата! Пролетарии всех стран соединяйтесь!» и «Да здравствует 1 Мая – боевой

смотр революционных сил международного пролетариата!». Если на одной из досок с лозунгом орнамент вдоль бортика – традиционный для крымскотатарских вышивок волнообразный стебель с крупными и мелкими цветами, то на другой также листья и цветы, но более стилизованные и с красными звездами на некоторых из них. Фон узких досок Асановой – красный или золотистый. Ею выполнены также 4 круглых панно, предназначенных, как сказано в списке передаваемых предметов, для изображения гербов СССР и РСФСР. На одной из круглых досок, расписанных Асановой, помещен герб РСФСР. Ею также расписаны 13 прямоугольных досок (75 х 60 см), фон которых золотистый, красный и зеленый. Две такого же размера являются своего рода афишами. Они содержат информацию о том, что выставка народных художественных ремесел открыта по адресу ул. Льва Толстого, 7 (б. Старый собор) с 9 до 17 часов, в воскресенья – с 9 до 19, выходной – вторник. Среди работ Э. Асановой есть также три вертикальных доски, центральное поле которых заполнено изображением букета в вазе.

Земине Ибраимова расписала 18 досок: пять круглых с золотистым фоном, предназначенных для изображения гербов (на одной уже вписан герб СССР), 7 узких горизонтальных с призывами И. В. Сталина выполнять заветы В. И. Ленина, одна горизонтальная без заполнения центрального поля, пять вертикальных с букетами. Фон досок для текстов красный, букеты изображены на золотистом, за исключением одной, на которой букет выполнен на темно-красном фоне.

Обращают на себя внимание доски, роспись на которых выполнена Фатьмой Сайдаметовой. В коллекции РЭМ их всего 6: две больших круглых (диам. 73 см) и две малых (диам. 50 см), а также две прямоугольных с вертикально расположенным пышным букетом. Орнаменты Сайдаметовой заполняют почти все поле доски, их отличает своеобразная композиция, характерная только для ее работ.

25 досок в коллекции расписаны Аметом Калафатовым. Среди его работ большинство составляют прямоугольные доски (75 х 60 см). Их фон золотистый или ярко-красный, в одном случае темно-зеленый. В его росписях встречается наиболее реалистичное изображение цветов, иногда асимметричное расположение деталей орнамента. Кроме прямоугольных досок им также расписаны пять круглых для гербов (на одной уже изображен герб РСФСР) и пять вертикальных панно с вариантами родового дерева и растительных

Рис.1 РЭМ НВ 4335/27 — доска с росписью: панно для герба. Автор Земине Ибранимова. Крымские татары. 1939 г.

Рис.2 РЭМ НВ 4335/31 — доска с росписью: панно для герба. Автор Амет Калафатов. Крымские татары. 1939 г.

Рис.3 РЭМ НВ 4335/32 — доска с росписью: панно для герба. Автор Фатьма Сайдаметова. Крымские татары. 1939 г.

Рис.4 РЭМ НВ 4335/34 — доска с росписью: панно для герба. Автор Эмшире Асанова. Крымские татары. 1939 г.

побегов. В отличие от работ других авторов, его доски на лицевой стороне подписаны (в нижней части доски у бортика стоят «А.К.», или «Калафат», или «Амет Калафатов»).

Еще у 8 расписных досок автор неизвестен. Судя по всему, они выполнены уже перечисленными мастерами, но на оборотной стороне этих досок имя автора не указано, отсутствует оно и в сопроводительных списках. С большой долей вероятности, сравнивая эти доски с работами, авторы которых известны, можно предположить, кто их расписал, но это не входит в задачу данной работы.

На оборотной стороне одной из досок кроме номеров и надписи «I 1939» есть еще одна: «с.т. Москва Курск Ялта Выставка народных ремесел ул. Литкенса кв.11 татар. Вост. музей». Возможно, «с.т. Москва Курск» означает «сортировочная товарная Курского вокзала Москвы», и второй адрес досок – Ялта.

В Ялте на ул. Льва Толстого, 10 находится Храм Святителя Иоанна Златоуста – первый соборный храм города, возведенный в 1832–37 годах.

Музеи Ялты в советский период прошли непростой путь [7, 8]. Не был исключением и Восточный музей. Несмотря на его объединение в 1932 году с Ялтинским естественно-историческим музеем его фонды продолжали пополняться экспонатами по этнографии татар в основном Южного берега Крыма, а также изделиями артелей крымскотатарских мастеров [6]. Как мне кажется, можно предположить, что расписные доски были изготовлены крымскими татарами или по заказу Московского музея народных художественных ремесел, или по заказу Восточного музея для этого музея Москвы. Также можно предположить, что в 1939 году Восточным музеем была организована выставка «Народные художественные ремесла», проходившая в помещении Собора Иоанна Златоуста, где эти доски экспонировались несколькими партиями, а затем уже были отправлены в Москву. Эти предположения подтверждаются и сообщением в биографии А. Калафатова [5], где говорится, что он в 1939 году работал для Ялтинской выставки народных ремесел. Следует сказать, что в этой же публикации сообщается, что из выполненных Аметом Калафатовым «пять орнаментальных композиций на деревянных досках отошли во владение Государственного музея этнографии» [5], источник этих сведений не приводится. В настоящее время в РЭМ хранятся крымскотатарские расписные доски только те, что поступили из Загорского музея. О каких-то других информация в музее отсутствует.

В публикации в Литературной газете в 2017 г., посвященной творчеству Амета Калафатова, сказано, что его работы экспонировались в 1937 и 1939 годах на выставках в Симферополе, а в 1938 г. в Ялтинском Восточном музее [2].

Росписи на дереве, выполненные крымскими татарами и хранящиеся в РЭМ уже привлекали внимание исследователей декоративно-прикладного искусства крымских татар. Часть досок опубликована: РЭМ НВ 4335/72, 82, 86, 89 [1, табл.4.18], РЭМ НВ 4335/28 [2]. Обращались к этой коллекции внук А. Калафатова, ювелир и медник Асан Галимов, художник и дизайнер Энвер Изетов.

Техника росписи по дереву, известна в Крыму издавна, прекрасные ее образцы можно видеть, например, на панелях Ханского дворца в Бахчисарае. Этот вид декоративно-прикладного искусства наряду с искусством вышивания не был забыт и в XX веке. Благодаря хранящейся в РЭМ коллекции крымскотатарских расписных досок мы имеем возможность увидеть как это традиционное для Крыма искусство пережило революцию, гражданскую войну, изменения в традиционном быте народов Крыма и продолжило свое развитие среди новых явлений материальной культуры.

Литература

1. Акчурина-Муфтиева Н.М. Декоративно-прикладное искусство крымских татар XV— первой половины XX вв.: (Этапы развития, типология, стилистика, художественные особенности). — Симферополь: ОАО «Симферополь гор. Тип», 2008. - 392 с.
2. Акчурина-Муфтиева, Н. Оружейщик и рисовальщик. - Литературная газета. № 5 (6585) 07.02.2017. [Электронный ресурс]. URL: https://lgz.ru/article/oruzheynik-i-risovalshchik/ (дата обращения 15.08.2025)
3. Барская, Татьяна. Чарующий мир Востока. Выставка к 100-летию Восточного музея в Ялте. [электронный ресурс]. URL: https://dzen.ru/a/YKOdPaTioEGIK7eP (дата обращения 29.10.2025)
4. К истории сложения коллекций народного и декоративно-прикладного искусства СПМЗ. Сборник материалов к 100-летию музея. [Электронный ресурс]. URL: https://www.museum-sp.ru/about/100-year/all/k-istorii-slozheniya-kollektsiy-narodnogo-i-dekorativno-prikladnogo-iskusstva-spmz (дата обращения 09.10.2025)
5. Калафатов Амет Османович. [Электронный ресурс]. URL: http://cepulib.ru/images/show/13_01_2025/Амет%20Калафатов.pdf (дата обращения 15.08.2025)
6. Музей, который был. Восточный музей в Ялте. [Электронный ресурс]. URL: https://www.liveinternet.ru/users/4768613/post335480116 (дата обращения 06.07.2025)
7. Мусаева У. К. Деятельность Восточного музея в Ялте // Пространство и Время. — 2014. — № 2(16). — С. 175—180.
8. Пахомова Н.А. К вопросу об истории ялтинского естественно-исторического музея (1918-1924) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Т. 5 (71), № 2. — 2019. — С. 56-78.
9. Смирнова Т.В. Из истории Сергиево-Посадского музея-заповедника: 1928– 1941 гг. (по материалам архивов СПМЗ и ОПИ ГИМ) // Труды ГИМ. Забелинские научные чтения – 2004. Вып. 149. — М, 2005. — С. 414–429.

Н. А. Филиппова

СИМВОЛИКА В ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА. МУЗЕЙНЫЙ АСПЕКТ

«Разглядывая затейливые узоры,
мы редко задумываемся над их символикой,
редко ищем в орнаменте смысл»

Академик Б.А. Рыбаков

N. A. Filippova

«SYMBOLISM IN HUMAN LIFE. THE MUSEUM ASPECT»

«When we look at intricate patterns,
we rarely think about their symbolism,
rarely look for meaning in the ornament»

Academician B.A. Rybakov

Аннотация. *В данной статье содержится краткий анализ символов, которые народы Крыма изображали на ткани, металле, дереве, керамике. Работа подготовлена на основе фондовой коллекции Крымского этнографического музея. Автор использует и вводит в научный оборот ранее не публиковавшиеся материалы.*

Ключевые слова. С*имволика, орнамент, узор, выставка, Крымский этнографический музей, коллекция.*

Annotation*. This article provides a brief analysis of the symbols that the peoples of Crimea depicted on fabric, metal, wood, and ceramics. The work is based on the collection of the Crimean Ethnographic Museum. The author uses and introduces previously unpublished materials into scientific circulation.*

Keywords. *Symbolism, ornamentation, pattern, exhibition, Crimean Ethnographic Museum, collection.*

Крымский полуостров представляет собой уникальный полиэтничный регион, где на протяжении многих тысячелетий формировалось особое культурное пространство. Каждый народ, сохраняя

свою идентичность, вносил вклад в общую палитру многообразия культур. Символы и орнаменты в культурах народов имели глубокое смысловое и сакральное значение, отражали верования, мифологию, связь с природой и культурные традиции.

В Крымском этнографическом музее идея создания выставки, связанной с символикой, возникла достаточно давно, однако реализована она была лишь 15 октября 2025 года, когда в стенах музея состоялась торжественная презентация выставки «Символика в жизни человека».

Необходимо отметить, что научные сотрудники Крымского этнографического музея неоднократно обращались к теме традиционной символики, орнаментики народов Крыма, рассматривая лишь ее отдельные аспекты.

В связи с этим целью данной статьи является анализ традиционной символики народов Крыма, попытка показать общность и различие тех или иных символов, которые народы Крыма изображали на ткани, металле, дереве, керамике.

Насколько противоречив, был один и тот же символ? Как менялся смысл символа с течением времени? Перед нами не стояла задача показать предмет, как символ. Однако на нашей выставке не удалось избежать и такого совпадения. Например, свадебные рушники, представленные на выставке, сами по себе символичны и многозначны. Благодаря кропотливой работе над данным выставочным проектом, мы смогли представить ряд экспонатов, хранящихся в фондах музея, впервые.

Академик Борис Александрович Рыбаков говорил: «Разглядывая затейливые узоры, мы редко задумываемся над их символикой, редко ищем в орнаменте смысл. Нам часто кажется, что нет более бездумной, легкой и бессодержательной области искусства, чем орнамент. А между тем в народном орнаменте, как в древних письменах, отложилась тысячелетняя мудрость народа, начатки его мировоззрения и первые попытки человека воздействовать на таинственные для него силы природы средствами искусства». Действительно, символы и знаки сопровождают человека на протяжении многих веков. В настоящее время люди совершенно не задумываются о значении многих из них. Каждый для себя может придумать свой символ, который будет наделен необходимым содержанием и смыслом.

Символов и орнаментов насчитывается множество, однако мы решили остановиться лишь на некоторых. Нами было отобрано 20 основных символов, которые отражены в культуре армян, бело-

русов, греков, евреев, крымских татар, русских и украинцев. На выставке «Символика в жизни человека» было представлено более 100 экспонатов: вышитые свадебные и ритуальные полотенца, головные женские покрывала, элементы одежды, традиционные костюмы, медная и керамическая посуда, ювелирные украшения, мебель, содержащие традиционную символику народов Крыма. Выбранные орнаментальные мотивы мы условно разделили на пять групп.

Первая группа включает геометрические изображения – древний орнамент, связанный с символами солнца, земли, воды, хорошего урожая, благополучия и здоровья. Одним из распространенных элементов в орнаменте являлся ромб. Эта геометрическая фигура изображалась в разных вариациях и имела различные значения [5, С. 242]. В чистом виде ромб встречается редко. Он мог быть дополнен маленькими ромбиками или усложнен крючками, являясь символом плодородия, оплодотворения. Продолжение рода, рождение детей очень важно в браке, поэтому этот знак часто встречается на женской одежде [4, С. 453].

Кроме простых ромбов присутствуют усложненные варианты: гребенчатый ромб, ромб с пересеченными диагоналями, ромб с крючками – «лягушка», являющийся атрибутом богини земли. Так, на воронежской домотканой рубахе (КП-10156, ИБ-5699) встречаем вышитый орепей («репейник», «дубок», «колодец») – славянский символ, который изображается в виде ромба из перекрещённых линий. Еще один мощный славянский символ в виде 8-лепестковой звезды-розетки – алатырь, обозначающий вечность, защиту, гармонию стихий, источник знаний, силу рода, ярко представлен на льняной женской рубахе (КП-8442, ИБ-4146), отражающей традиционные мотивы Рязанской области (Рис. 1).

Частыми элементами вышивки и ткачества являются крестообразные фигуры. Крест выступает как геометризированный элемент мирового дерева. С крестом связана идея процветания, удачи, поэтому практиковалось многократное воспроизведение креста с целью усиления и увеличения благополучия [4, С. 453]. Данный элемент присутствует на белгородской женской рубахе (КП-8279, ИБ-4049).

Ко второй группе относится ряд культовых символов – крест-распятие, рыба, гексаграмма, менора. Крест-распятие – главный символ христианской религии, символ вечной жизни, знак исповедания веры встречаем на различных ритуальных предметах, одежде, посуде. Так, объемные кресты вышиты на фрагменте декоративного

греческого полотенца (КП-10351, ИБ-5859).

Крест довольно часто используется в сочетании с символом рыбы, имеющим множество значений в разных культурах и религиях. «Ихтис» (рыба) – древний акроним (монограмма), обозначающий приверженцев христианской веры. Новый завет связывает символику рыбы с проповедью учеников Христа, из которых многие были рыбаками. В христианстве рыба – это символ крещения, а три рыбы, переплетенные между собой и имеющие одну голову, обозначают Святую Троицу. В иудаизме рыба является символом плодородия, процветания и удачи.

Рис. 1 Алатырь на женской рязанской рубахе. КП-8442, ИБ-4146. Из коллекции КЭМ

В собрании Крымского этнографического музея представлена коллекция медной посуды, украшенная резными изображениями рыб и крестов: сосуд с крышкой тип «саан» (КП-10795, ИБ-6155), сундучок ритуальный (КП-10794, ИБ-6154), блюдо (КП-8530, ИБ-4234), поднос (КП-3145, ИБ-1232), сосуд составной ритуальный для переноса халяльной (постной) пищи (КП-10793, ИБ-6153) (Рис. 2).

Следующий культовый символ – гексаграмма – шестиконечная звезда, представленная в виде двух наложенных друг на друга равносторонних треугольников. Этот символ часто ассоциируют с иудаизмом, путая со Звездой (Щитом) Давида. В исламе и восточных религиях он употребляется в совершенно ином контексте. Гексаграмма использовалась ранними христианами и несла несколько смысловых нагрузок, будучи символом единства Божественного и человеческого начал в Спасителе, а также символом 6 дней, во

Рис. 2 Символ рыбы на ритуальном сосуде для переноса халяльной (постной) пищи. КП-10793, ИБ-6153. Из коллекции КЭМ

время которых Бог создавал мир. В исламе гексаграмма – печать Сулеймана, как в христианстве печать Соломона говорит о двойственности человеческих устремлений, обращенных как к божественному, так и земному. Данный символ встречается на армянском (КП-10727, ИБ-6099), греческом (КП-11141, ИБ-6420), крымскотатарском подносах (КП-10727, ИБ-6099) в сочетании с изображением тюльпанов и кипарисов.

Дополняет группу культовых символов менора – семисвечник – древнейший иудейский символ и религиозный атрибут, символ надежды, который вел еврейский народ в течение 4-х тысяч лет через страдания. Данное изображение присутствует на рейзеле (КП-4332, ИИ-234).

Третья группа представляет антропоморфный символ, встречающийся во всех видах восточнославянского искусства, Богиню Макошь (мать-земля, Берегиня, Мать-рожаница) – символ силы природы, богиня земли, воды и плодородия. Образ богини представлен чаще в архаичной композиции с всадниками или храмом, которые размещаются по бокам центральной женской фигуры. Женская фигура изображалась с воздетыми кверху руками, в которых она держала птиц или деревца [4, С. 451]. Встречаем этот образ на домотканом полотенце (КП-10776, ИБ-6136) и на берестяном туесе (КП-921, ИБ-383) (Рис. 3).

К четвертой группе относятся орнитоморфные символы, изображающие птиц – один из распространенных и любимых образов народного творчества. В древности она считалась посланницей Солнца, посредником между небом и землей. Птица была наделена функциями оберега здоровья женщины и ее детей [4, С. 449]. Из орнитоморфных мотивов в нашей коллекции представлены голубь, петух, павлин, кукушка, соловей, павлин, жаворонок, ласточка.

Рис. 3 Богиня Макошь на домотканом полотенце. КП-10776, ИБ-6136. Из коллекции КЭМ

Голубь – чистая, святая божья птица, вестник радости. Он был принят христианством в качестве эмблемы Святого Духа [4, С. 450]. Два голубя означают счастливую жизнь, мир и гармонию, являются символами таинства брака, поэтому встречаем этот мотив на свадебном рушнике (КП-1750, ДП-565).

Петух и курица – распространенные образы восточнославянского народного искусства. Будучи птицей Солнца, петух издревле считался священным. Петух символизирует возрождение жизни, воскрешение. Крик петуха пробуждает ото сна, а пробуждение должно верующим напоминать о Страшном суде и всеобщем воскрешении мертвых. Петух является вестником зари, символом солнца, олицетворяет победу добра над злом и выступает мощным оберегом. Среди экспонатов выставки выделяется белорусский рушник (КП-267, ДП-104), изображающий красных петухов в композиции с вазонами и розами, также наблюдаем стилизованное изображение петуха на керамической миске (КП-6273, ИБ-2822) (Рис. 4).

Соловей и кукушка – любимые образы украинских девичьих рушников. Многие поверья о кукушке переплетаются с поверьями о соловье: в легендах они часто выступают как брат и сестра, а некоторых песенных текстах – как супружеская пара или жених с невестой [3, С.708].

Рис.4 Полотенце с петухами. КП-267 ДП-104. Из коллекции КЭМ

Ласточка – верная спутница человеческого жилья, она всегда несет добрую весть. Существовало поверье, что там, где ласточка совьет гнездо, будет счастье, достаток и благополучие. Очень часто на рушниках с изображением ласточки присутствуют даты добрых вестей или событий, как например, на свадебном рушнике (КП-1750, ДП-565).

Пятая группа представляет растительные символы в основном на текстильных изделиях: рубахах, рушниках, полотенцах, головных покрывалах. Эта группа наиболее многочисленная.

В вышивке был популярен мотив вазона, имеющий такие же древние истоки, как и древо жизни. В литературе чаще всего встречается мнение, что изображение вазона – это разновидность изображения древа жизни, являющегося соединением трех миров и символом гармонии Вселенной [4, С. 446].

Мотив «древа жизни» находил свое выражение у многих народов, обладая магической силой, приносил семейное счастье, благополучие, искоренял зло. Древо жизни как символ в вышивке обычно изображается в виде дерева с корнями, стволом и ветвями. Этот образ символизирует жизнь, единство рода, его продолжение и благополучие. Корни дерева олицетворяют подземный мир, мир предков. Ствол – жизнь, ветки и крона – мир неба, божественный мир [4, С. 447]. Чаще всего древо жизни изображают пышным и цветущим. Гармонично этот символ представлен на русском полотенце (КП-3208, ИБ-1294) в сочетании с розами, колокольчиками и птицами, на украинском рушнике (КП-6143, ИБ-2707), на крымскотатарском декоративном полотенце (КП-10495, ИБ-5993), на греческом свадебном поясе (КП-10195, ИБ-5717) (Рис. 5).

Роза – любимый цветок у славян, это один из основных и древнейших видов орнамента, цветок богини любви Лады и ее дочери

богини весны Лели. Символика розы многообразна: любовь, красота, изящество, радость, достаток, оберег. Розы украшают вазоны, образуют пышные букеты, составляют основную часть узора. В исламе роза – символ божественной любви, женский элемент родового дерева, где осью семьи выступает муж и жена.

С символикой любви и брака в восточнославянской вышивке также связано изображение калины, виноградной лозы и хмеля. Калина – символ духовной жизни женщины, ее девичество, любовь и красота, замужество, радость и печаль [4, С. 448]. Данный орнамент изображен на полтавской женской рубахе (КП-1256, ИБ-519). Кроме того, ягоды калины – символ крови и бессмертного рода, огня и солнца. Именно поэтому свадебные рушники, девичьи и даже мужские сорочки украшались ягодами калины [4, С. 448].

Рис.5 Древо жизни на сумском рушнике КП-4100, ИБ-1961. Из коллекции КЭМ

Ягоды земляники (клубники) – символ благополучия, в ней заключен дух земли и солнечная нежность. Рябина – женское дерево, олицетворяет женскую силу и энергию, приносящее спокойствие, умиротворение, радость и любовь. Виноград наделен в народной культуре признаками святости: сад-виноград – это жизненная нива, на которой муж – сеятель, а жена должна растить и ухаживать за родословным деревом. Виноградная лоза считалась символом плодородия, символизировала хорошую, счастливую жизнь. Сочетание этих растительных орнаментов встречаем на полтавских женских сорочках (КП-1868, ДП-596; КП-9997, ИБ-5554; КП-854, ИБ-360; КП-1229, ИБ-515).

Весьма популярным в крымскотатарском орнаментальном искусстве является изображение тюльпана «ляле». В исламе тюльпан является символом Аллаха, поскольку в арабской графике имеет

похожее начертание, состоит из одинаковых букв. Некоторые трактуют образ тюльпана в качестве символа «объяснения в любви». В орнаменте крымских татар цветок обозначает юношу. Тюльпан – символ заботы мужчины о женщине-матери, это цветок Всевышнего, символизирующий мир, спокойствие и обновление. Несмотря на то, что тюльпан в крымскотатарской символике является мужским знаком и изображается чаще всего на мужских аксессуарах, либо на женских головных покрывалах «марама», в коллекции музея имеется девичье покрывало «шербенти» с изображением этого цветка (КП-470, ДП-209) [2, С. 17].

Мотив «эгри-дал» в виде изогнутого стебля ветки, на котором могут одновременно расти разные цветы и плоды, изображается на женских в основном девичьих головных покрывалах, символизируя начало зарождения жизни [1, С. 50]. Этот орнамент присутствует на крымскотатарских девичьих головным покрывалах – «шербенти (КП-10491, ИБ-5989; КП-10493, ИБ-5991).

У многих народов цветки и плоды граната считаются символом богатства, изобилия и плодородия. В исламе гранат «нар» – символ нравственного очищения, фрукт, который произрастал в Раю. Плод граната в мотивах крымскотатарских орнаментов – женский символ. В христианстве гранат – символ вечной жизни, духовной плодовитости, церкви, символизирует плодовитость и изобилие. У евреев на Рош-ха-Шана гранат – символизирует возможность обновления и начала новой жизни, напоминание о важности самосовершенствования, внутреннего роста. Сохранились изображения граната на крымскотатарском подносе (КП-10727, ИБ-6099), греческом подносе (КП-10792, ИБ-6152) в сочетании с шестиконечной звездой.

В культуре и символике различных народов мира кипарис занимает особое место, олицетворяя множество понятий и явлений, порой противоречивых. В Древней Греции и Риме кипарис был связан с загробным миром. Он часто упоминался в мифах и легендах как символ вечной жизни. В христианской традиции стал символом жизни и возрождения, ассоциируясь с надеждой на бессмертие души и возрождение после смерти. В исламе кипарис также занимает значимое место. Он символизирует стойкость веры и преданность Аллаху. У крымских татар кипарис – мужской знак. Ярко представлен кипарис на мужском крымскотатарском свадебном поясе – «учкуре» (КП-10481, ИБ-5979), лаконично украшает подставку под кофейную чашечку «зарф» (КП-10747, ИБ-6119) и прекрасно дополняет орнамент на деревянном сундуке (КЭМ КП-1045, ИБ-5962).

Таким образом, наши предки, используя символику на ткани, керамике, металле, дереве, изображали, прежде всего, мощные обереги, которые будут защищать человека от злых сил. Со временем орнаментика утрачивала свое древнее значение, наполняясь новыми образами, и на первое место выходила ее декоративная функция. Один и тот же символ у различных народов имел иногда двойственное значение, как в случае с кипарисом, либо значение осталось неизменно, как это произошло с «древом жизни», являющимся символом рода, семьи, связи поколений, абсолютно во всех культурах и у всех народов.

Символика – это Азбука Морзе, ведь каждый элемент орнамента, каждый символ – это закодированная информация, которая передается из поколения в поколение. И наша задача – уметь правильно ее расшифровать.

Литература:

1. Акчурина-Муфтиева Н.М., Соломянная А.А. Классификация растительной орнаментики в крымскотатарском текстиле XIX- начале XX веков / Н.М. Акчурина-Муфтиева, А.А. Соломянная // Крымские диалоги: культура, искусство, образование. – 2009. - №5. – С.49-53.

2. Бариева М.Р. Крымскотатарское девичье головное покрывало «шербенти». Обзор коллекции Крымского этнографического музея // Этнография Крыма XIX- XXI веков и современные этнокультурные процессы: V Международная научно-практическая конференция, посвященная 30-летию Крымского этнографического музея (г. Симферополь, 21-22 сентября 2022 г.): материалы и исследования; вып.5 / Крымский этнографический музей. – Симферополь: ООО «Антиква», 2023. – С.15-21.

3. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. – М., 1997. - С.708.

4. Таратухина Е.Е. Орнаментальные мотивы и символика украинской вышивки (по материалам коллекции КРУ «Этнографический музей» // Этнография Крыма XIX- XXI веков и современные этнокультурные процессы: Материалы и исследования. - Вып.3 / Отв.ред. М.А. Араджиони, Л.А. Науменко. – Симферополь: СГГ, 2012. – С.443-455.

5. Шаврова Н.А. Женские пояса Рязанской губернии конца XIX- начала XX веков из коллекции Крымского этнографического музея // Этнография Крыма XIX- XXI веков и современные этнокультурные процессы: материалы и исследования: IV Международная научно-практическая конференция, посвященная 25-летию ГБУРК «Крымский этнографический музей» (г. Симферополь, 28-30 сентября 2017 года); вып.4/ Крымский этнографический музей. – Симферополь: ООО «Антиква», 2021. – С.238-245.

Сведения об авторах

1. Баранова Евгения Михайловна, заведующая отделом информации и культурно-просветительной работы ГБУРК «Крымский этнографический музей»

2. Воропаева Зоя Владимировна, доцент кафедры культурного наследия ФГБОУ ВО «Орловский государственный институт культуры», руководитель студии декоративно-прикладного искусства БУОО-ДО «Дворец пионеров и школьников имени Ю.А.Гагарина»

3. Гармаш Лина Николаевна, главный хранитель ГБУ ДНР «Донецкий республиканский краеведческий музей»

4. Долгополова Лилия Анатольевна, доктор филологических наук, профессор ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова»

5. Дубинина Люлдмила Ивановна, заместитель директора по научной работе МБУК «Евпаторийский краеведческий музей»

6. Ельяшевич Вячеслав Алексеевич, руководитель Местной религиозной организации «Караимская региональная община г. Симферополя».

7. Коваленко Иван Михайлович, краевед, старший преподаватель кафедры туризма географического факультета института «Таврическая академия», ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского».

8. Комар Яна Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской Академии наук; доцент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (г. Краснодар)

9. Ломакина Мария Александровна, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела этнографии народов Крыма ГБУРК «Крымский этнографический музей».

10. Науменко Людмила Анатольевна, заместитель директора ГБУРК «Крымский этнографический музей».

11. Овчинникова Галина Николаевна, старший научный сотрудник музея ГБУ РК ИАМЗ «Калос Лимен»

12. Павленкова Надежда Владимировна, инженер по инвентаризации строений и сооружений «Научно-исследовательского центра крымоведения и охраны культурного наследия Республики Крым»

13. Петручек Ирина Леонгардовна, заместитель председателя Крымского эстонского общества

14. Пригарин Александр Анатольевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Учебно-научного института антропологии и этнологии Российского государственного гуманитарного университеа; ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской Академии наук; Президент ОПФ «Благотворение»

15. Прохоров Дмитрий Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры управления документами, архивами и организации работы с молодежью исторического факультета, института «Таврическая академия», ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

16. Сластникова Людмила Александровна, научный сотрудник высшей категории ФГБУК «Российский этнографический музей»

17. Тирияки Виктор Захарович, руководитель религиозной организации «Караимская религиозная община»

18. Филиппова Наталья Александровна, заведующая научно-исследовательским отделом этнографии народов Крыма ГБУРК «Крымский этнографический музей»

19. Черкова Елена Геннадьевна, старший преподаватель кафедры высшей математики Физико-технического института ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», магистрант 2 курса направления подготовки «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» ГБОУ ВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»

Научное издание

III Крымские Этнографические Чтения

«Этнография Крыма и сопредельных территорий»

г. Симферополь, 26–27 ноября 2025 г.

Материалы и исследования

Выпуск 3

Технический и художественный
редактор *Е. В. Мажарова*
Вёрстка *Е. С. Кутузова*

Подписано в печать 00.00.2026
Формат 60×84/16
Усл. печ. л. 12.21 Тираж 200 экз.

Издательство-типография ООО «Антиква»
295000, Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пер. Героев Аджимушкая, 6, оф. 3
Тел.: +7 978 891-37-01, e-mail: antikva07@mail.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии
ООО Полиграфический центр «НОВАЯ ЭРА»,
295022, Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, ул. Жени Дерюгиной, 4, оф. 1